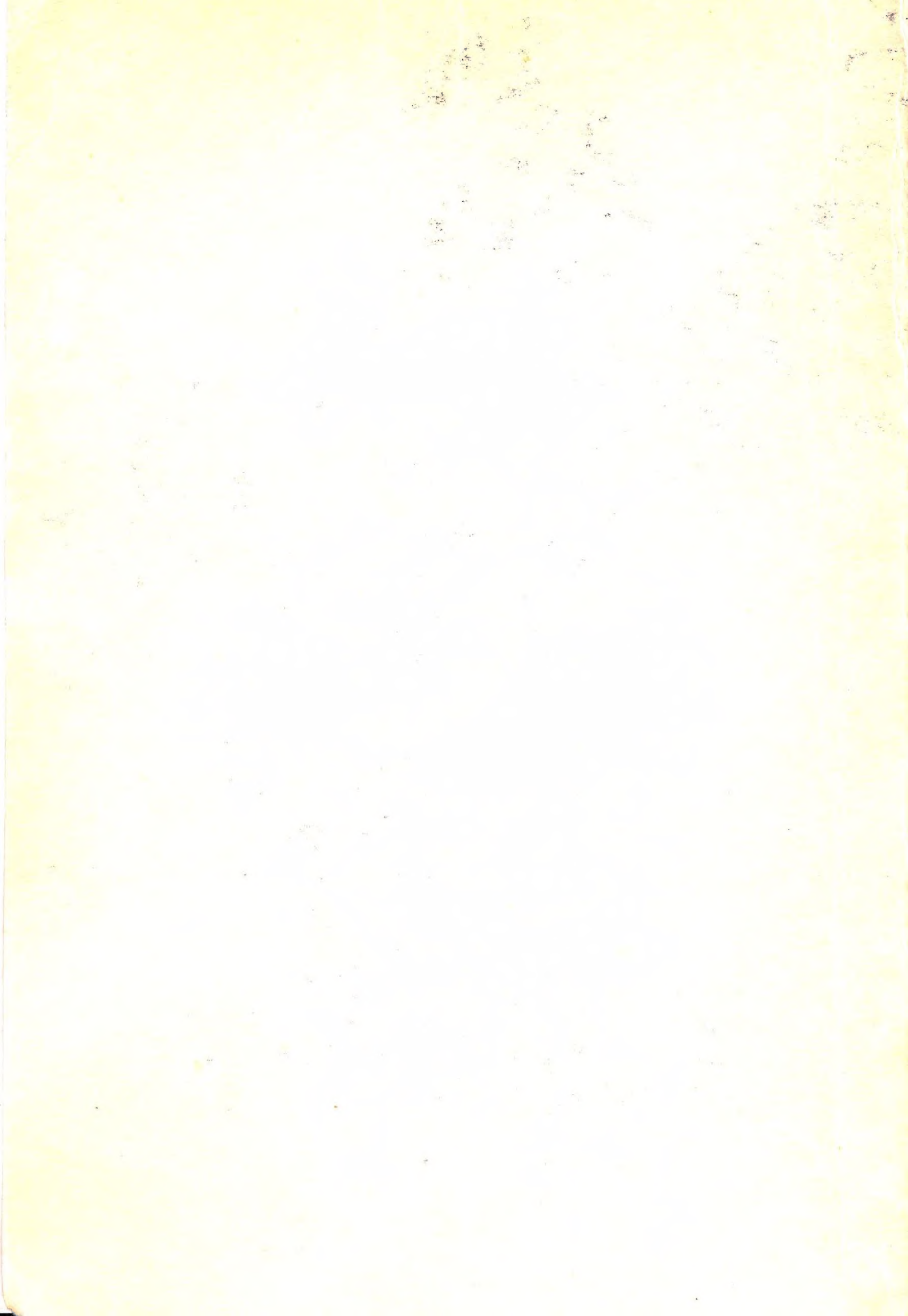

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

РЕКС БИЧ

ХИЩНИКИ АЛЯСКИ

РЕКС БИЧ

ХИЩНИКИ АЛЯСКИ

Повесть

Перевод Н. М. ЦЫТОВИЧ

Москва
Творческое объединение
„Софит"
1991

ББК 84.4 Вл.
Б 31

Книга подготовлена творческим объединением „Софит" при Советском фонде милосердия и здоровья 1991 г.

Рекс Бич
Б 31 Хищники Аляски: Повесть. – М. Т. О. „Софит", 1991. – 184 с. – (Мир приключений и фантастики).

Название остросюжетной повести Рекса Бича „Хищники Аляски" говорит само за себя. Это захватывающий рассказ о судьбах и нравах золотодобытчиков Аляски в конце прошлого века. Любовь и ненависть, благородство и предательство тесно переплетаются в повествовании. Блеск золота обесценивает человеческую жизнь, стирает все добродетели. Но в конечном счете любовь и нравственность побеждают.

Б $\frac{4703000000-01}{474(02)-91}$ Без объявл.

ББК 84.4 Вл
Б 31

ISBN 5-86042-001-3

Глава I

ВСТРЕЧА

Гленистэр смотрел на гавань, в которой мерцали огоньки судов, стоявших на якоре, и на скалистые горы, черневшие на фоне неба. Он вдыхал свежий воздух, пропитанный запахом моря, и кровь его юности вновь закипала в нем.

– Чудесно, чудесно, – пробормотал он. Это – моя страна, моя родина, Дэкс. Тоска по северу – она в моих жилах. Я расту. Я ширюсь.

– Смотри, не лопни, – предостерегает Дэкстри... – Я видывал людей, пьяневших от горного воздуха. Не вдыхай слишком много зараз.

И он вновь занялся своей трубкой, отвратительный дым которой немедленно рассеял всякую возможность отравления чрезмерно чистым воздухом.

– Фу, какая гадость, – фыркнул Гленистэр... – Тебя бы посадить в карантин.

– Я предпочитаю пахнуть как мужчина, чем болтать как мальчишка... Ты оскверняешь часы раздумий разглагольствованиями о природе, а твои эстетические вкусы так слабо развиты, что ты даже не можешь оценить всей прелести хорошего табака.

Молодой человек рассмеялся, расправив широкую грудь. Он беспокойно потягивался и разминал мускулы; казалось, жизненные силы кипели в нем и рвались наружу.

Они стояли на набережной порта; у их ног покачивалась на волнах „Санта Мария", готовая отплыть в полночь. За их спиной спала древняя русская Упаласка, окутанная туманами Берингова моря. Там, где еще неделю тому назад кроткие, тихие туземцы сушили треску среди старых, брошеных бронзовых пушек, там теперь проносились, в своем стремительном беге, к новому Эльдорадо дикие орды золотоискателей. Они явились подобно туче саранчи, и осели на берегу моря, выжидая вскрытия льда, преграждавшего им путь к вожделенному золотому руну – к Ному, вновь открытой земле, где люди создавали себе богатство в одну ночь.

Мшистые пригорки, возвышавшиеся за деревней, были усеяны могилами людей, умерших во время прошлогоднего осеннего

похода, когда по стране пронеслась страшная эпидемия. „Но что с того? Золото так и блестит в песке", – говорили те, что выжили, и люди шли сюда толпами. В прошлом году, когда Гленистэр и Дэкстри покинули Ном, первого терзала жесточайшая лихорадка. Теперь же они возвращались на собственный участок.

– Этот воздух возбуждает во мне животные инстинкты, – вновь заговорил Гленистэр. – Вдали от города я превращаюсь в дикаря. Во мне кипят первобытные страсти, жажда борьбы.

– Что ж, может, нам и придется подраться.

– Каким же это образом?

– Да очень просто. Сегодня утром я встретил Мексико-Мэллинза. Помнишь старину Мэллинза? Того, что занял участок Дисковери на Энвил Крике прошлым летом.

– Как, того новичка, которого ребята хотели линчевать за незаконное присвоение участков?

– Того самого. Помнишь, я рассказывал тебе, что я как-то вызволил его из скверной истории в Гаудалупе. Словом, замечаю я, что он толстеет, и все больше в одном месте, в области живота, и, кроме того, он носит бриллианты неприличных размеров. Смотрю я на его брюхо и говорю: „С чего это у вас середину так разнесло, Мексико". „Процветаю", – говорит. Потом тащит меня в темный уголок и бормочет: „Били, я хочу отплатить вам за то, что вы сделали для меня в Моралесе". „Бросьте – говорю я. – Это дело прошлое". „Нет уж, вы бросьте", – отвечает он. Тут я вижу, что он настроен очень серьезно, и даю ему говорить. „Во сколько вы цените ваш участок?" „Трудно сказать, – отвечаю я. – Если добыча будет такая же, как прошлой осенью, там наберется добрый миллион", „А сколько вы думаете добыть за это лето?" „Если повезет, то тысяч, этак, на четыреста". „Билл, тут готовится чертовщина, и вам придется сторожить свой прииск изо всех сил. Не пускайте к себе никого, не то вам крышка". Мексико был так чертовски серьезен, что я прямо испугался. Ты ведь знаешь, он не из породы болтунов.

„Что все это значит?", – говорю я. „Больше ничего не могу вам сказать, и так надеваю себе на шею петлю. Вы, Билл, честный человек, а я – игрок, но вы когда-то спасли мне жизнь, и я не стану обманывать вас. Ради бога, не пускайте их на ваш участок, вот и все". „Кого „их". А на что у нас судьи, полиция", – говорю я. „Да, да, это все так. Едет сюда некий Мак Намара. Следите за ним. Больше ничего не могу вам сказать. Только не пускайте его на ваш участок". Вот и все, что он сказал.

– Ба. Он с ума сошел. Хотел бы я посмотреть, как кто-нибудь полезет на наш „Мидас". Забавное было бы зрелище.

Сирена „Санта Марии" прервала их разговор. Хриплый вой ее прокатился по горам.

– Пора на пароход, – сказал Дэкстри.

– Шш. Что это, – прошептал Гленистэр.

Сначала они услышали какой-то шум на палубе парохода. Потом внизу на воде раздалось звяканье уключин, и послышался приглушенный голос:

– Стой. Стойте на месте.

Лодка вынырнула из тьмы и пристала к берегу; у ног собеседников какой-то человек вылез из нее и вскарабкался по трапу на набережную. А через минуту о берег ударилась еще одна лодка, по-видимому, преследовавшая первую.

Когда беглец оказался на одном уровне с Гленистэром и Дэкстри, последние к вящему своему изумлению, увидели, что это – женщина. Она задыхалась и неминуемо упала бы, если бы не Гленистэр, который подбежал и подхватил ее.

– Не выдавайте меня им, – задыхаясь, проговорила она.

Гленистэр повернулся в недоумении к товарищу и увидал, что старик направился к трапу, по которому карабкались преследователи.

– Эй, вы. Погодите минутку. Ну, стойте, не то я въеду вам ногой в физиономию.

Голос неожиданно появившегося Дэкстри был резок, и в темноте он казался тем, кто смотрит снизу, высоким и страшным.

– Не суйтесь. Эта женщина – беглянка, – сказал верхний из стоявших на трапе.

– Сам вижу.

– Она удрала из...

– Молчите, – перебил его другой. – Вы хотите, чтобы все знали. Эй, вы, дурак проклятый, убирайтесь к черту. Лезьте, Торсен.

Человек этот говорил, и слова его не на шутку разозлили Дэкстри.

Торсен ухватился руками за деревянный настил набережной, пытаясь взобраться наверх, но старый золотоискатель наступил ему ногой на пальцы, и матрос с криком свалился, увлекая за собой людей, стоявших ниже его. Все они упали на берег.

– Сюда, за мной, – заорал матрос, карабкаясь на мол, которым кончалась набережная.

– Советую вам улепетывать как можно скорее, мисс, – заметил Дэкстри. – Они сейчас будут здесь.

– Да, да, идемте. Я должна попасть на „Санта Марию". Она скоро уйдет. Идемте, идемте.

Гленистэр рассмеялся, точно она сказала нечто очень остроумное, но не двинулся с места.

– Стар я бегать, – сказал Дэкстри, скидывая куртку, – но я не прочь поразвлечься, дракой, когда представится случай.

Его движения были легки и свободны, хотя девушка разглядела в сумраке его серебристые волосы.

– Что вы этим хотите сказать? – спросила она резко.

– Поторапливайтесь, мисс. Мы поиграем с ними, пока вы не доберетесь до парохода.

Они подошли к сторожке и прислонились к ней спиной. Девушка последовала за ними.

Вновь прозвучал вой пароходной сирены, а потом послышалась команда: „Отдай концы!"

– Мы опоздаем, – прошептала девушка, и Гленистэру показалось, что опоздание было для нее страшнее, чем приближающиеся шаги преследователей.

– Вы поспеете, – резко бросил он ей. Вас еще, пожалуй, ранят, если вы тут останетесь. Бегите и не думайте о нас. Мы целый месяц подряд сидели на пароходе и молили судьбу послать нам какое-нибудь приключение.

Голос его был по-мальчишески весел, он как бы радовался предстоявшей драке. Не успел он договорить, как из темноты на них ринулись преследователи. Сначала можно было разобрать клубок сплетенных и кружащихся тел и глухие удары кулаков, потом клубок распался, и несколько силуэтов тяжело повалились на землю. – Нападающие вновь ринулись в атаку; они сгрудились вокруг Дэкстри, но тот был неуловим. Он выворачивался с изумительной ловкостью, и каждый удар его попадал в цель. Он напоминал старого волка, щелкающего зубами. Тем не менее ему приходилось туго, так как темнота мешала ему правильно рассчитывать удары.

Гленистэр не двигался с места и наносил удары только, когда на него наступали.

Он смеялся довольным гортанным смехом, точно драка эта была для него не более чем развлечением, правда, несколько грубоватым.

Девушка содрогалась от страха, ибо грозное молчание нападавших пугало ее больше, чем самый отчаянный шум; тем не менее она не трогалась с места и стояла, прижавшись к стене.

Дэкстри не размерил удара и потерял равновесие. Противник его немедленно сцепился с ним, и они покатились по земле; сверху тотчас же навалился третий. Девушка издала подавленный крик.

– Дай-ка я его ударю, Билл, – прохрипел навалившийся сверху. – Дай мне до него добраться.

Он занес ногу, обутую в тяжелый башмак и... разразился градом красноречивейших проклятий.

– Дьявол, ты ударил меня! Но теперь-то уж он от меня не уйдет. Займись другим.

Союзник Билла пустился к остальным, согнувшись и размахивая руками. Он промчался мимо девушки, не заметя ее; она же слышала его хриплое дыхание. Он молча прыгнул на Гленистэра, который только что отбросил одного противника и отступил, чтобы избежать нападения другого. В это мгновение на него набросились сзади, и он почувствовал, что чьи-то руки обвивают его шею; одновременно нападающий стиснул ногами его ноги.

И тут девушка впервые поняла, что такое настоящая драка. Борющиеся поддавались взад и вперед, сплетенные в один клубок, в то время как остальные участники боя держались в стороне.

В течение нескольких минут, казавшихся бесконечными, они боролись, причем молодой человек все время пытался обхватить руками противника; наконец, оба ударились рядом с нею о стену, и она услыхала прерывистое дыхание своего защитника: матрос все сильнее сжимал его горло.

Страх парализовал ее. Никогда еще ей не приходилось видеть таких людей. Еще мгновение, и Гленистэр будет лежать на земле, они растопчут его, выбьют из него жизнь своими тяжелыми сапогами. Она поняла, что необходимо немедленно действовать. Страх покинул ее, дрожащие мускулы окрепли, и, еще не соображая, что делает, она приняла участие в свалке.

Матрос стоял к ней спиной. Она протянула руки и вцепилась ему в волосы; пальцы ее, напряженные, как когти, поползли к его глазам.

И тут, впервые за все время борьбы, послышался крик.

Матрос заорал, охваченный внезапным ужасом, остальные поддались назад. В следующее мгновение девушка почувствовала, что чья-то рука легла на ее плечо, и услышала голос Дэкстри.

– Вы не ушиблись? Нет? Ну, так идите; а то пароход уйдет.

Он говорил спокойно, но тяжело переводил дыхание. Девушка опустила глаза и увидела скрюченную фигуру матроса, с которым дрался Дэкстри.

– Ничего, ничего. Он не ранен. Я уложил его японским приемом. Ну, торопитесь.

Они быстро побежали по набережной, вместе с Гленистэром; им вслед неслось рычание матросов, воинственный пыл которых заметно охладел.

Не успели они взобраться по сходням „Санта Мария", как расстояние между пароходом и набережной стало увеличиваться.

– Еле отделался, – прохрипел Гленистэр, осторожно щупая свое горло, – а все-таки было приятно.

– Я видел взрывы паровых машин и снежные обвалы, не говоря уже о пустяшном побеге из тюрьмы, но приятней этого развлечения не запомню ничего, – подхватил Дэкстри с ребяческим воодушевлением.

– Что вы за люди, – нервно рассмеялась девушка.

Ответа, однако, не последовало.

Они повели ее в свою каюту на палубе, зажгли электричество и, мигая, оглядели друг друга и таинственную незнакомку.

Они увидели грациозную и привлекательную фигурку в изящной юбке и высоких желтых ботинках.

Гленистэр первым делом обратил внимание на ее глаза; большие, серые, почти карие при электрическом освещении, эти глаза,

полные жизни и интеллекта, быстро перебегали с одного мужчины на другого.

Волосы девушки были распущены и ниспадали блестящими, волнистыми прядями до самой талии. Никаких других следов только что пережитого ею волнения не было видно.

В глазах Дэкстри вспыхнул восторг.

– Должен признаться, – сказал он, – такого молодца, как вы, я не встречал ни среди индейских женщин, ни среди белых. Ну, а в чем, собственно, было дело?

– Вы, вероятно, думаете, что я совершила какое-нибудь ужасное преступление, – сказала она. – Это не так. Мне надо было непременно удрать с „Охайо" сегодня же ночью, но... по некоторым причинам завтра я вам все расскажу. Я ничего не украла, никого не отравила, право же, никого.

Она улыбнулась, и Гленистэр почувствовал, что он не может не улыбнуться в ответ, хотя ее туманные объяснения сильно озадачили его.

– Ну что ж, пойду разбужу стюарда и найду нам пристанище, – сказал он наконец. – Только вам придется, пожалуй, поместиться в одной каюте с какой-нибудь женщиной; пароход странно переполнен.

Ему показалось, что она дрожит.

– Нет, нет, прошу вас, не делайте этого. Меня никто не должен видеть сегодня. Я знаю, я веду себя очень странно, но все это произошло так быстро, что я еще не пришла в себя. Я завтра вам все расскажу. Право же. Никто не должен видеть меня, а то все дело будет испорчено. Пожалуйста, подождите до завтра.

Она была очень бледна, и голос ее звучал напряженно и взволнованно.

– Ну, разумеется, мы вам поможем, – успокоил ее увлекающийся Дэкстри. – Вы, мисс, не торопитесь с объяснениями. Нам нет никакого дела до того, что вы натворили. Нравственность – не по нашей части, так как „севернее пятьдесяттретьего градуса широты нет ни божеского ни человеческого закона", как говорит поэт. И он прав, попал в самую точку, можно подумать, что он в самом деле знает, о чем он говорит. Тут всякий и каждый имеет право играть по своему усмотрению. У нас – игра в открытую, и никаких ненужных вопросов.

Тем не менее девушка усомнилась в словах Дэкстри, заметив направленный на нее горящий взгляд Гленистэра.

Некоторая дерзость этого взгляда напоминала ей, в каком положении она находится, и яркий румянец залил ее щеки.

Она окинула его более внимательным взглядом, заметила его широкие плечи, непринужденную осанку, изящество и простоту всех движений его мускулистого тела.

Его лицо тоже показалось ей сильным и привлекательным;

особенно поразили ее выдающийся подбородок, густые, слегка нависшие брови и подвижной рот, выражавший силу и своеволие. На всем лежал отпечаток исключительной энергии. „Да, он красив, – решила она, – тяжеловесной, мужественной, пожалуй, слишком животной красотой".

– Вы хотите ехать зайцем? – спросила она.

– Я, лично, чрезвычайно опытен по этой части, – сказал Дэкстри, – но мне никогда еще не приходилось применять эти свои указания к ближнему. Что вы думаете делать?

– На сегодня она остается здесь, – быстро проговорил Гленистэр.

– Мы с вами спустимся вниз. Никто не увидит ее.

– Нет, этого я не допущу, – возразила она. – Неужели не найдется местечка, куда бы я могла спрятаться?

Но они уговорили ее остаться в каюте и ушли.

После их ухода она долго сидела, сгорбившись, дрожа и глядя в упор пред собою. „Я боюсь, – шептала она. – Я боюсь. Куда я попала? Почему мужчины так смотрят на меня? Я боюсь. Ах, зачем только я взялась за это дело?" Наконец, она медленно поднялась. Душистый воздух каюты давил ее; ей захотелось выйти на свежий воздух. Она потушила электричество и вышла на палубу; где спустилась ночь. У перил чернели чьи-то силуэты, и она проскользнула на корму и спряталась за спасательной лодкой, где свежий воздух дул ей прямо в лицо.

Двое мужчин, которых она видела у перил, приближались, оживленно беседуя, и остановились подле того места, где она спряталась; услышав их голоса, она поняла, что пути к отступлению отрезаны и что ей надо сидеть неподвижно.

– Как она тут очутилась? – повторил Гленистэр вопрос Дэкстри.

– Ба, а как они все сюда попадают. Как сюда попала „герцогиня", Черри Мэллот и прочие.

– Нет, нет, – ответил старик. – Она не из этой породы. Она такая изящная, такая грациозная... слишком уж она хорошенькая...

– То-то и есть, – слишком хорошенькая. Слишком хорошенькая, чтобы быть одинокой или быть иной, чем она есть.

Дэкстри сердито заворчал:

– Эта страна вас совсем испортила, мой мальчик. Вы их всех мерите на один аршин. Кто знает, может быть, так оно и есть. Но эта – не такая. Что-то в ней не то, а что именно – не знаю.

– У меня был предок, – задумчиво заговорил Гленистэр, – который занимался морским разбоем в вест-индских водах. – Давно это было. Порой мне кажется, что я унаследовал его нрав. Этот пират является мне по ночам и нашептывает черт знает что. О, он был сущий дьявол, и кровь его, дикая и пламенная, бунтует во мне. Я сейчас слышу его голос, он шепчет мне что-то о боевой добыче. Ха-ха! Пожалуй, он и прав. Я сегодня дрался за нее, Дэкс;

так же, как он дрался за своих избранниц у Мексиканского побережья. Она слишком красива, чтобы быть честной, а ведь „севернее пятьдесяттретьего градуса широты нет ни божеского, ни человеческого закона".

Они двинулись дальше, а звенящий циничный смех все еще хлестал девушку; ей пришлось прислониться к ялику, чтобы не потерять сознание. Она сдерживалась из последних сил, кровь тяжело стучала у нее в ушах; потом она побежала к себе в каюту, бросилась на койку и забилась в безмолвной истерике; кулаками, в которые впивались ногти, она била подушку и смотрела в темноту сухими, опаленными болью глазами.

Глава II

ПАРОХОДНЫЙ ЗАЯЦ

Ее разбудил стук машины. Она осторожно выглянула из окна каюты и увидела зеркальное гладкое море, на котором дробились яркие лучи солнца.

Так вот оно, Берингово море. Оно всегда рисовалось ей, в таинственной дымке ее школьных воспоминаний, в виде печальной, покрытой туманом водной пустыни. И вот она видела перед собой зеркальную, залитую солнцем ширь открытого моря, под поверхностью которого редкие неповоротливые рыбы уплывали от колес парохода. Блестящая, гладкая голова поднялась над водой, и она услышала крик: „Тюлень, тюлень!"

Одеваясь, девушка внимательно разглядывала разные предметы личного обихода, разбросанные по каюте, пытаясь угадать по ним, что представляют собой их владельцы.

Первое, что бросилось ей в глаза, был туалетный прибор из множества предметов в медной оправе и в кожаных футлярах. Все металлические части были прекрасной ручной выработки; на них были выгравированы инициалы Гленистэра. Вещи эти свидетельствовали о некоторой расточительности и склонности к комфорту и казались неуместными в дорожном снаряжении северного золотоискателя так же, как и собрание сочинений Мопассана.

Затем она нашла „Семь Морей" Киплинга, с многочисленными заметками на полях, и почувствовала, что напала на след.

Грубость и резкость этих поэм всегда отталкивали ее, хотя она смутно ощущала всю их великолепную жизненность и размах.

Девушка впервые в жизни покинула сень жизненного благополучия. Она мало сталкивалась с действительностью и потому не могла понять, что истина подчас бывает грубой и отталкивающей в своей наготе.

Книга подтвердила правильность ее оценки младшего из двух компаньонов.

На крюке, в поношенной и почерневшей кобуре, висел большой револьвер, по-видимому, служивший верой и правдой в течение многих лет. Он молча говорил о седовласом Дэкстри, который постучал в дверь, еще прежде чем она успела обозреть остальные вещи, и, войдя, мягко обратился к ней:

– Мальчик пошел вниз к стюарду за едой. Он сейчас придет. Как вам спалось?

– Отлично, благодарю вас, – солгала она, – но я думаю, что мне пора дать вам объяснения.

– Подождите, – прервал ее старик, – никаких объяснений не надо, пока вам самой не захочется их дать. Вы попали в беду – это очень неприятно; мы помогли вам – это вполне естественно. Никаких вопросов – такова Аляска.

– Да, но я знаю, вы можете подумать...

– Меня интересует только одно, – продолжал ее собеседник, не обращая внимания на ее слова, – каким образом нам удастся прятать вас впредь. Стюард должен убирать эту каюту, и кто-нибудь наверное увидит, как мы носим сюда еду.

– Пускай все знают, лишь бы меня не отослали назад. Ведь вы этого не допустите, правда?

Она напряженно ждала его ответа.

– Отослать вас? Разве вы не знаете, что пароход идет в Ном? Во время погони за золотом не принято поворачивать обратно, – а этого похода, в котором вы принимаете участие, капитан не захотел, – да и не мог бы вернуться, груз его слишком ценен, а компания платит по пяти тысяч в день за пароход. Нет, мы не вернемся, чтобы выгрузить двух-трех зайцев по пяти тысяч за штуку. Да и другие пассажиры все равно не позволили бы: для них слишком дорого время.

Звон тарелок прервал их разговор, и Дэкстри собирался было открыть дверь, когда рука его в нерешительности повисла в воздухе: он услышал добродушное приветствие капитана парохода.

– Ого, Гленистэр, куда вам такой обильный завтрак?

– Ай, – пробормотал старик. – Это капитан Стивенс.

– Дэкстри что-то нездоровится сегодня, – не задумываясь, ответил Гленистэр.

– Ничего нет удивительного. Почему вы вчера так поздно вечером вернулись на пароход? Я видал вас, ведь вы чуть было ни опоздали. Так вам и надо было. – Он конфиденциально понизил голос. – Советую вам не путаться с бабами. Не поймите меня превратно, мой мальчик, но тут их подобралась довольно скверная компания. Я видел, как вы шли на пароход. Поверьте моему слову: компания самая дрянная. Бросьте их. А ну-ка, я зайду погляжу на Дэкстри, что с ним такое.

Девушка метнулась в угол, вопросительно глядя на Дэкстри.

– Он, гм, он еще не встал, – услыхала она лепет Гленистэра. – Приходите попозже.

– Вздор. Пора ему быть одетым. – Голос капитана звучал добродушно-грубовато. – Эй, Дэкстри, алло. Отоприте, я погляжу на вас.

Он потряс дверь.

Делать было нечего. Старый рудокоп вопросительно взглянул на девушку, она кивнула, он отодвинул засов, и мощная, облеченная в синее, фигура капитана сразу заполнила все помещение.

Его лицо, обрамленное короткой седой бородой, лучилось улыбкой. Вдруг он увидел в углу стройную серую фигуру и непроизвольным движением снял фуражку. Этим однако вся его вежливость ограничилась, и улыбка сбежала с его лица. Глаза его сузились, и дружественное выражение исчезло; пред ними стоял строгий, требовательный начальник.

– Так, – сказал он, – вы нездоровы. А я думал, что я уже познакомился со всеми нашими пассажирами женского пола. Представьте меня, Дэкстри.

Дэкстри съежился под его насмешливым взглядом.

– Видите ли... гм... я сам хорошенько не расслышал имени...

– Что?

– Ну, нечего размазывать. Эту даму мы вчера вечером привели с собой на пароход.

– Кто дал вам разрешение?

– Никто. Времени не было.

– Времени не было? Кому из вас пришла в голову блестящая идея прятать дам у себя в каюте? Кто она? Ну, живо. Отвечайте!

Голос его дрожал от негодования.

– О! – воскликнула девушка.

Глаза ее расширились и потемнели. Она стояла, тоненькая и бледная, и только слегка вздрагивала. Слова его глубоко оскорбили ее, несмотря на то, что он тщательно избегал обращаться к ней лично.

Капитан повернулся к Гленистэру, вошедшему и закрывшему за собою дверь.

– Это ваших рук дело? Ваша эта дама?

– Нет, – спокойно ответил Гленистэр, а Дэкстри присовокупил:

– Лучше узнайте, как это произошло, капитан, а потом наседайте. Мы помогли этой даме спастись от компании матросов вчера вечером и чуть сами при этом не остались на берегу. Ей надо было удирать как можно скорее, и мы помогли ей добраться до парохода.

– Слабый номер. А от чего она спасалась?

Он продолжал обращаться к мужчинам, игнорируя девушку. Наконец, она не выдержала и заговорила прерывистым голосом:

– Вы не смеете говорить обо мне таким тоном. Я сама могу отвечать на ваши вопросы. Это правда – я убежала. Так надо было. Матросы догнали меня и дрались с этими людьми. Ваши друзья велико-

душно помогли мне, видя, что я беззащитна. Они и сейчас защищают меня. Я не могу объяснить вам, как мне важно добраться до Нома с первым пароходом; это – чужая тайна. Дело было так неотложно, что я в один час собралась и покинула своего дядю в Сэттле, когда мы узнали, что кроме меня некому ехать. Больше этого я ничего не могу вам сказать. Моя горничная была со мною, но матросы поймали ее в тот момент, когда она спускалась по трапу. При ней был мой чемодан с платьями. Я отвязала канат и стала грести к берегу изо всех сил, но они спустили другую лодку и погнались за мной.

Капитан смотрел на нее пронизывающим взглядом, и суровое выражение его лица смягчалось, так как наружность ее подкупала своей красотой и женственностью. Он внимательно оглядел ее с головы до ног и на этот раз обратился непосредственно к ней:

– Милая моя барышня, – другие пароходы идут в Ном так же быстро, как наш, а может быть, даже и быстрее. Завтра мы можем сесть на льдину, а тогда уже первый будет тот, кому лучше нашего повезет.

– Все это так, но пароход, с которого я сошла, не шел туда.

– Это почему? Какой пароход? Отвечайте же!

– „Охайо", – ответила она.

Ответ ее произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Капитан уставился на нее.

– „Охайо". Господи. И вы смеете говорить это мне. Он резко обернулся и обрушил свою ярость на Гленистэра и Дэкстри.

– Она говорит „Охайо". Слышите? Вы погубили меня. Я закую вас в кандалы. Всех троих. „Охайо".

– В чем дело? Что случилось?

– Что? А вот что. „Охайо" находится в карантине по случаю оспы. Эта девушка убежала из карантина. Санитарная инспекция арестовала вчера пароход в 6 часов вечера. Я потому и ушел раньше времени из Упаласки, чтобы избежать возможной задержки. А теперь нам всем придется застрять в Номе. Святители небесные! Понимаете, что вы наделали, притащив эту девчонку на пароход?

Глаза его горели, голос прерывался, и оба компаньона смотрели друг на друга в полном смущении. Они слишком хорошо знали возможный результат паники вследствие заболевания оспой на битком набитом корабле. Не только все каюты были переполнены, но и нижние палубы кишели людьми и скотом, при чем условия там были самые антисанитарные. Судно, рассчитанное на 300 пассажиров, везло втрое больше; люди ехали в страшной тесноте. Относительный порядок, к счастью, поддерживался усилиями самих пассажиров, которые утешались мыслью, что все эти неудобства продлятся теперь уже не дольше 2–3 дней. Они пробыли на пароходе уже три недели и жаждали попасть в Ном как можно скорее, раньше оравы золотоискателей, следовавшей за ними.

Какова была бы ярость этой бредящей золотом толпы, если бы она попала в карантин в нескольких шагах от своей цели. Сотни людей, горящих нетерпением, должны были бы сидеть друг у друга на головах в этой пловучей тюрьме, подчиняясь жуткой власти эпидемии. Им пришлось бы ждать целый месяц, пока не исчезнут последние симптомы болезни. А если бы она возвращалась спорадически, то пришлось бы провести еще нескончаемый ряд недель в томительном безделии. Весьма возможно, что негодующую толпу не удалось бы сдержать, и тогда могли бы иметь место насилия и даже бунт.

Дэкстри и Гленистэра мало волновала угроза заболевания, но об участке своем они думали с ужасом. Мало ли что случится в их отсутствие. Во время их долгого зимнего отсутствия их сокровище оставалось нетронутым благодаря льду, но с наступлением лета и тепла первый встречный мог прибрать к рукам их драгоценный клад, найденный ценою таких тяжких трудов. „Мидас" находился в русле самого золотоносного ручья, там, где люди хитрили, изворачивались, боролись и убивали ради каждого вершка земли. Участок этот достался им ценой долгих безрадостных лет труда, и, если бы они не сумели удержать его... они знали, каковы были бы результаты.

Девушка прервала их мрачные размышления.

– Не браните этих людей, сэр, – обратилась она к капитану. – Я одна во всем виновата. Но мне нужно было убежать. Я везу бумаги, которые надо передать как можно скорее. – Она дотронулась до своей груди. – Их нельзя было доверить нашей почте. Это – вопрос жизни и смерти. Уверяю вас, нет никакой надобности сажать меня в карантин. Я не больна оспой, да я и не имела возможности заразиться ею.

– Я ничего не могу сделать, – возразил Стивенс. – Придется изолировать вас в курительной каюте: на палубе, черт его знает, что наделают наши сумасшедшие пассажиры, когда узнают об этом. Они способны разорвать нас на куски. Они ведь настоящие помешанные.

Мозги Гленистэра лихорадочно работали.

– Вы этим только вызовете бунт, – сказал он.

– Ба! Пусть сунутся. Я справлюсь с ними.

Массивные челюсти капитана сжались.

– Весьма возможно. А что потом? Мы доберемся до Нома, санитарный инспектор узнает, что на пароходе есть подозрительные по оспе, и засадит всех в карантин на тридцать дней – восемьсот человек. Мы проведем все лето у Яичного Острова, а ваша компания будет платить за пароход по пяти тысяч в день. И это еще не все. Компании придется отвечать за вашу халатность, за то, что вы пустили больных на пароход.

– Халатность? – Старик заскрежетал зубами.

– Да. Так это называется. Вы разорите ваших хозяев, задержите пароход и сами потеряете место. Это факт.

Капитан Стивенс нервно вытер пот со лба.

– Халатность. Вам хорошо говорить, будьте вы прокляты! А вам известно, что я отвечу перед компанией своей головой, если не приму всех мер предосторожности. – Он на мгновение замолк, как бы размышляя. – Я сдам ее судовому врачу.

– Послушайте, – продолжал настаивать Гленистэр. – Мы прибудем в Ном через неделю; до того времени у нашей барышни не успеют показаться симптомы болезни, даже если она действительно заразилась оспой. А по-моему, есть тысяча шансов за то, что она не больна и не заболеет и впредь. Кроме нас троих, никто не знает, что она на пароходе; она останется в этой каюте, и это не менее целесообразно, чем изоляция в каком бы то ни было другом помещении. Мы таким образом избегнем паники. Вы спасете пароход и компанию, и никто ничего не узнает. Если же девушка заболеет, уже высадившись на берег, то она может отправиться в больницу, не подвергая опасности здоровье всех находящихся на пароходе. Идите, сэр, на свой мостик и забудьте о том, что вы заходили сюда. Мы все берем на себя, – нам это не менее важно, чем вам, так как мы обязательно должны быть на Энвил Крике до оттепели, иначе „Мидас" будет потерян для нас. Если вы поднимете шум, то всех нас погубите.

Стивенс стоял, нерешительно хмуря брови; остальные с нетерпением ждали его ответа.

– Вам придется прятаться от стюарда, – сказал он, наконец.

Девушка опустилась на табурет, и крупные слезы покатились по ее щекам. Глаза капитана смягчились, и голос его, когда он заговорил, положив ей руку на голову, звучал очень нежно.

– Не обижайтесь на мои слова, мисс. В наших краях по внешнему виду ничего не скажешь. Большинство хорошеньких женщин довольно недоброкачественны. Они меня не раз уже одурачивали, вот я и дал маху. Эти люди помогут вам; а я бессилен что-либо сделать. Когда вы доберетесь до Нома, то заставьте вашего возлюбленного жениться на вас, как только вы сойдете на берег. Вы забрались слишком далеко на север; тут не годится быть одной.

Он вышел в коридор и осторожно запер за собою дверь.

Глава III

ГЛЕНИСТЭР

– Все прошлое лето мы с Гленистэром копались в Энвил Крике и окончательно отвыкли от свежей пищи. Городские бездельники съедают всю зелень и все яйца, которые доставляются сюда

на пароходах, так что нам ничего не достается, кроме приятных воспоминаний. Мы ничего не едим кроме свиной грудинки и коричневых бобов; этой прелести у нас неограниченное количество.

Мы уже третий год мечтаем о свежей провизии.

Скандал. Ей богу, у меня прямо душа пропахла свининой.

А когда пришла пора уезжать с участка, мальчик схватил лихорадку. В порту стояло только одно китоловное судно, направлявшееся в Септил. Покупаю я билеты, и вдруг оказывается, что на пароходе ничего нет, кроме консервированной лососины, потому что он два года находился в плавании. Когда я добрался до Штатов после семнадцатидневной рыбной диеты, я был, можно сказать, до краев налит лососиной и включил ее в список наиболее ненавистных мне продуктов.

Уложил я мальчика в больницу, помчался в лучший ресторан в городе и приготовился закатить себе пир на весь мир. Пусть, говорю я себе, моя оргия останется в анналах истории, пусть туземцы вспоминают о ней с ужасом и восторгом. Во-первых, я потребовал на пять долларов свинины с бобами и огромную тарелку консервированной лососины. Когда лакей поставил передо мной всю эту гнусность, я смерил ее этаким презрительным взором и промолвил:

„Поставьте это на стол и смотрите внимательно, как надо есть настоящую пищу". И я взял меню и съел и выпил все, что там было, от содовой воды до шампанского. Расправившись с меню, я собрал все кости и объедки, навалил их на презираемые мною предметы питания, воткнул в них зубочистки и, нанесши им еще ряд тяжелых оскорблений, ушел из ресторана.

Дэкстри и девушка стояли у перил на корме и лениво болтали. Была вторая ночь плавания, и пароход лежал без движения среди льдин. Их окружало плоское застывшее море, которое странно мерцало в темных сумерках, сопутствовавших полуночи в этой широте. Пока было еще достаточно светло, они пробирались между льдинами по узким полоскам синей воды, а когда эти полоски кончались, медленно качались на волнах, ожидая, пока они вновь появятся. Они то выходили в открытое море, то путались в лабиринте льдин до тех пор, пока сгустившиеся сумерки окончательно не преградили им путь.

Иногда пароход проплывал мимо стад моржей, удобно расположившихся на льдинах. Мокрые шкуры животных блестели под лучами солнца. Воздух был чист и прозрачен; там и сям виднелись дымки пароходов, с трудом пролагавших себе путь. Весенний флот уже стоял у ворот Золотого Севера.

Девушка истомилась в своем заточении, упросила старика выйти с ней погулять на палубу под защитой темноты; она навела его на разговор о былых похождениях его и Гленистэра, и он охотно рассказывал ей всевозможные истории.

Она была откровенно любопытна и удивлялась, что они так мало интересуются ее персоной и таинственной миссией.

Она даже решила, что их молчание свидетельствует о полном безразличии к ней; она не понимала, что тем самым эти северяне проявляют в отношении ее максимум товарищеского чувства.

На Севере равнодушие к прошлому человека указывает на высокое мнение о нем. Оно обозначает высшее доверие, веру в то, что мерилом должны служить его настоящие дела, а не его прошлое.

Северная песня говорит: „Наша страна – вольный край, где человек – просто человек, и больше ничего. Если ты в прошлом был честен, тем лучше; если же нет, то предай забвению грязные пятна прошлой искусственной жизни и вновь поднимись на достойный тебя уровень. Вот и все".

Итак, никто ни о чем ее не расспрашивал, и время проходило, а она все еще не решалась дать более подробные объяснения. Молчать было несравненно легче, и, кроме того, она едва ли имела право рассказывать им многое.

За короткое время их знакомства девушка привязалась к Дэкстри; ей нравилось его простое, рыцарское отношение к ней и мальчишеские рассуждения; Гленистэра же она избегала и испытывала при мысли о нем скрытый страх с того момента, когда она подслушала их вечерний разговор. Вспоминая об этом разговоре, она то горела и содрогалась от гнева, то леденела от ужаса, живо представляя себе грозную силу и уверенность, звучавшие в его голосе.

Что это за общество, что это за жизнь, где мужчины говорят о посторонних женщинах уверенным тоном будущего владельца. Она не могла не сознаться: он был красив, но она совсем об этом не думала; если бы она встретила его в обычном для нее обществе, закованном в броню светских условностей, то он, пожалуй, показался бы ей выдающимся человеком, энергичным и умным. Но тут он как бы впитал в себя все особенности окружающей его среды, как-то распустился физически и нравственно, казался грубым, примитивным и жутким. Когда он был с ней – а он постоянно искал ее общества, – она ощущала, что его сильная личность как бы давит ее; волна его неудержимой, бунтарской, настойчивой страсти захлестывала ее. Это возбуждало в ней враждебное чувство, и вся воля ее напрягалась, чтобы оказать сопротивление.

Дэкстри все рассказывал свои истории; вдруг из темноты вынырнул Гленистэр. Подошел и молча встал рядом с нею у перил.

– Что вы так пристально смотрите в темноту? – спросил он.

– Надеюсь увидеть полуночное солнце или северное сияние, – ответила она.

– Время года для полуночного солнца слишком позднее, а для северного сияния мы еще слишком далеко от Севера, – вставил Дэкстри, – когда будем ближе к Северу, увидим полуночное солнце.

– А вы слышали когда-нибудь о происхождении северного сияния? – спросил Гленистэр.

– Нет, – ответила она.

– Так вот что рассказал мне один великий охотник из племени Танана, когда я как-то лежал больной в его хижине. Он мудрый индеец и пользуется репутацией правдивого человека, так что я не сомневаюсь в точности его рассказов.

„Давным-давно, еще до вторжения белых и солонины в эту страну, тананы были самым сильным племенем на Севере. Самым отважным охотником был второй вождь – Итика. Он мог преследовать оленя до тех пор, пока тот не падал изнеможенный в снег, и было у него множество поясов, украшенных когтями бурого медведя, необычайно коварного зверя: как известно, он одержим духами „Ябла", т. е. бесами.

Как-то зимой в долине Танана разразился ужасный голод. Олени ушли из ущелий, и карибу исчезли с гор быстрее тумана. Собаки похудели и выли ночи напролет. Дети плакали, и с изможденными женщинами не было сладу.

Тогда Итика решил поохотиться по ту сторону скалистых горных вершин, – там, где кончается мир живых. Его пытались отговаривать, указывая на верную смерть, ожидавшую его, ибо стая чудовищных белых волков, крупнее оленей и быстрее орлов, скиталась по тем горам в поисках добычи. В ясные и холодные ночи можно было видеть отражение лунных лучей на их сияющих, впалых боках, и хотя многие охотники переходили в былые времена через тот перевал, но ни один из них не возвращался, ибо волки настигали и убивали его.

Но Итику нельзя было удержать. Он пошел извилистой тропой по кряжу и с наступлением ночи зарылся спать в снегу, завернувшись в шкуру карибу. Вглядываясь в темноту, он увидел вспыхивающие лучи, еще в тысячу раз ярче прежнего. Небеса горели живым сиянием, которое металось взад и вперед в диком разгуле. Он слышал скрип и хруст сухого снега, попираемого волками; он слышал далекий шум приближающегося урагана, хотя воздух над его головой был скован неподвижностью.

Когда рассвело, он пошел дальше по кряжу и наконец достиг дивной долины. Спустившись по склону, он вошел в лес из высоких елей; кругом на снегу виднелись следы, широкие, как следы рыб. Он услышал вой, который становился все громче, пока не заполнил собою весь лес. То был жуткий вой: казалось, выли тысячи волков, одержимых жаждой убийства. Он осторожно продвигался вперед и, наконец, наткнулся на белое животное чудовищных размеров, которое билось под упавшей елью, крепко придавившей его к земле.

Все храбрые люди жалостливы, и Итика принялся работать топором; он пытался вызволить животное из беды, не думая о грозившей ему самому опасности. Когда животное было освобождено,

оно встало и, вместо того, чтобы убежать, обратилось к нему на чрезвычайно вежливом и изысканном индейском диалекте, без малейшего чужестранного акцента.

– Ты спас мне жизнь. Чем я могу отплатить тебе?

– Я хочу охотиться в этой долине. Мой народ голодает, – сказал Итика, чем очень обрадовал волка, который немедленно собрал всех своих собратьев на охоту.

С тех пор стоило Итике явиться на охоту в долину Юкона, исполинская стая охотилась вместе с ним. Волки и по сей день носятся по горам в ясные, холодные ночи; лунный свет мерцает на их белых боках, поднимаясь к небу странными и фантастическими изгибами. Говорят, что это – северное сияние, но беззубый старик Исаак искренно убеждал меня в правдивости древнего предания, когда я лежал, ослепленный яркими солнечными лучами, в его хижине. Он говорил, что во всем этом нет ничего замечательного, что это просто резвятся духи Итики и волков-исполинов".

– Какая странная легенда, – сказала девушка. – И таких легенд, должно быть, много в северной стране. Я уже начинаю любить ее; потом она, наверное, понравится мне еще больше.

– Возможно, – ответил Гленистэр, – хотя, по правде говоря, страна эта не для женщин.

– Расскажите мне, что вас сюда привело. Вы ведь житель восточных Штатов. У вас было положение, образование, а вы предпочли эту жизнь. Должно быть, вы любите север?

– Конечно, люблю. Он привлекает человека какими-то странными чарами – чарами, которыми не обладает ни одна более умеренная страна. Стоит вам провести здесь хоть несколько дней, долгих, ленивых июньских дней, кажущихся бесконечными, стоит вам услышать крик гусей в теплую солнечную полночь, стоит вам хоть раз пуститься в путь-дорогу холодным ясным утром, когда воздух возбуждает легкие и весь молчаливый белый мир сияет как драгоценный камень; стоит вам увидеть, как собаки рвутся в упряжи так, что полозья дрожат и звенят, а далекие горные кряжи выступают, точно дивные изваяния, так близко, что кажется, можно достать до них рукою, – и вы поймете, что во всем этом есть нечто, влекущее вас, завущее вас обратно, где бы вы ни находились.

– Когда я был еще школьником, я по часам разглядывал карту Аляски. Я совсем уходил в нее. Тогда она представляла собой обширный пустой угол Севера. Там были названия, горы и тайны. Слово „Юкон" означало для меня все неизвестное и дикое – волосатых мастодонтов, золотоносные реки, диких индейцев с костяными стрелами и в штанах из тюленьих шкур. Как только я окончил колледж, я приехал сюда; конечно, это была авантюра. Из меня хотели сделать адвоката. Должно быть, тени старика Чоата, Уебстэра и Патрика Генри содрогнулись, когда я презрел адвокатуру. Старики рвали на себе волосы...

– Я думаю, вы имели бы успех на этом поприще, – сказала девушка.

Он рассмеялся.

– Не знаю. Факт тот, что я удрал, предоставив другим пролезать в Верховный Суд Соединенных Штатов. Я приехал на Север и сразу понял, что эти места созданы для меня. Не скажу, чтобы я был вполне удовлетворен. Я слишком честолюбив. Но эта обстановка нравится мне больше других. Тут я осуществляю мои мечты. Я сколотил себе состояние. Теперь я могу поглядеть, нет ли еще чего хорошего в мире.

Он внезапно повернулся к ней.

– Вот что, – спросил он неожиданно, – а как вас зовут?

Она вздрогнула и взглянула туда, где стоял Дэкстри, но оказалось, что старик ушел во время рассказа.

– Эллен Честер, – ответила она.

– Эллен Честер, – задумчиво повторил он. – Какое красивое имя. Даже жаль менять его, выходить замуж, а это несомненно скоро случится.

– Я не для того еду в Номе, чтобы выходить замуж.

Он кинул на нее быстрый взгляд.

– Тогда вам эта страна не понравится. Вы приехали на два года раньше, чем следовало; надо было дождаться появления железных дорог и телефонов, табль-д'отов и компаньонок. Пока еще эта страна для одних мужчин.

– Я не вижу, почему бы ей не быть также и страной для женщин. Ведь и мы можем помочь цивилизовать ее. На „Орегоне" имеется полный железнодорожный состав, и через несколько недель его уже пустят с побережья на рудники. На другом пароходе находятся столбы, проволока и полное снаряжение для телефонного сообщения, которое можно установить в одну ночь. А что касается табль-д'отов, то я видела в Сэттле француза, графа с моноклем, привезшего полную ресторанную обстановку, включая заграничных устриц и страсбургские пироги. Не хватает только компаньонок. Мою компаньонку я покинула при бегстве с „Охайо"; матросы поймали ее. Как видите, все обстоит приблизительно по вашему расписанию.

– Какую роль собираетесь вы играть в цивилизации страны? – спросил он.

Она долго молчала. Когда она, наконец, заговорила, голос ее звучал шутливо:

– Я глашатай грядущей законности, – сказала она.

– Законности. Ба! Бумага, мертвый язык и орда чиновников. Ужасная вещь – законность в этой стране. Мы слишком молоды и далеки от всего мира. Закон дает слишком много власти отдельным и немногочисленным лицам. До сих пор мы, здешние жители, могли рассчитывать на свою отвагу и на свои „кольты". Если же

появятся законы, то придется отказаться от того и от другого. Мне нравятся суды безапелляционные.

Он положил руку на пояс.

– Кольты могут исчезнуть, но храбрость никогда не пропадет, – прервала она его.

– Возможно; однако до меня дошли уже слухи о заговоре, имеющем целью нарушить закон. В Упаласке один человек предупреждал Дэкстри и советовал ему быть настороже; оказывается, закон таит под своей мантией кинжал против нашей братии, владельцев богатых россыпей. Я этому не верю, но мало ли что бывает.

– Закон – основание всего; без него не может быть прогресса. Здесь же нет ничего, кроме беспорядка.

– Здесь вовсе не такой уже беспорядок, как вы думаете. До нашествия новичков у нас совсем не было преступлений. О ворах понятия не имели. Если вам показалась хижина, то вы входили в нее, не стучась, и владелец подливал кипятку в кофейник и отрезал вам грудинки. Когда вы начинали есть, он здоровался с вами и спрашивал ваше имя. Так было всегда, безразлично, был ли его ледник полон до краев или же он притащил на спине за две сотни верст свои жалкие несколько фунтов провизии. Это было гостеприимство, перед которым ваши понятия о гостеприимстве должны были бы спрятаться. Если хозяина не было дома, то вы ели, сколько хотели. Существовало лишь одно непростительное прегрешение против этикета. Оно состояло в том, что человек не заготовлял сухих щепок перед своим уходом. Меня страшит наступающее переходное время – эпоха хаоса, провал между старым бытом и новым. По правде сказать, мне больше нравится старый быт; я люблю его вольность; я люблю бороться с природой, люблю добывать, охранять свою собственность, сражаться за нее. Я уже давно живу вне власти закона и хотел бы остаться там, где жизнь течет по естественному руслу, где выживает только сильный.

Его большие мускулистые руки крепко держались за борт, и мощный голос его свободно рвался из широкой груди. Он стоял перед нею, высокий, мужественный, излучающий какой-то магнетизм. Теперь она поняла, почему он вчера так обрадовался драке – для такого человека борьба была необходима как воздух. Она бессознательно пододвинулась к нему, привлеченная чарами его силы.

– Я не знаю меры в наслаждении и умею смертельно ненавидеть. Я беру то, что хочу; так я поступал в былые годы, и я слишком эгоист, чтобы отказаться от этого принципа.

Он смотрел вдаль, на смутно светившееся ледяное пространство; вдруг он повернулся к ней и дотронулся до ее теплой руки, лежавшей на перилах, рядом с его рукою.

Она недоуменно смотрела на него, и лицо ее было так близко от его лица, что до него доносился смутный аромат ее волос.

Взор ее выражал только удивление и любопытство к новому

для нее типу человека, такому непохожему на всех знакомых ей людей. Но глаза мужчины, ослепленные ее близостью, видели только красоту ее, еще более привлекательную в смутном освещении: он ощущал теплую маленькую ручку под своей рукой. Трепет от этого прикосновения захлестнул его, и он потерял власть над собой.

– Захочу, – возьму, – повторил он и внезапно схватил ее в свои объятия, впился в ее губы длительным, страстным поцелуем. На мгновение она замерла и, задыхаясь, без сил, лежала на его груди; потом вырвала руку и изо всех сил ударила его кулаком по лицу.

Он как-будто даже не почувствовал удара; одним движением он прижал к себе ее руку, улыбаясь ей прямо в глаза, расширенные ужасом; потом, не выпуская из железных объятий, вновь осыпал поцелуями ее губы, глаза, волосы и, наконец отпустил ее.

– Я буду любить вас, Эллен, – сказал он.

– Пусть бог покарает меня смертью, если я когда-нибудь перестану ненавидеть вас! – крикнула она. Дикая страсть клокотала в ее голосе. Она повернулась и гордо пошла к своей каюте, высокая, стройная, неприступная. Он не знал, что колени ее дрожали от слабости.

Глава IV

УБИЙСТВО

В течение четырех дней „Санта Мария" наудачу искала пути среди белых ледяных полей. Весенний прилив из Берингового пролива уносил ее к северу; наконец на утро пятого дня на востоке показалось открытое море. Медленно ползя вперед, пароход под восторженные крики утомленных пассажиров выбрался на последний перегон дальнего пути. Глухой шум машины показался райской музыкой девушке, заточенной в палубной каюте.

Вскоре затем они увидали гористый берег, поднимающийся царственными, пустынными кряжами, еще белеющими от тающих снегов. В десять часов вечера, под золотистыми лучами вечернего солнца, среди пронзительных свистков, они бросили якорь на рейде Нома. Еще не улегся шум спущенных цепей и не отзвучало эхо салюта на береговых горах, как корабль уже был окружен тучей маленьких лодок, шнырявших вдоль его бортов, а чиновник, в форменном мундире и фуражке с позументом, уже всходил на мостик и здоровался с капитаном Стивенсом. Буксирные суда и барки осторожно кружили вокруг парохода, выжидая окончания кое-каких формальностей. Затем джентльмен в мундире вернулся в свою лодку и отчалил.

– С санитарной стороны все благополучно, капитан, – крикнул он, салютуя командиру.

– Благодарю вас, сэр, – рявкнул моряк в ответ.

После того гребные лодки, точно пираты, накинулись на пароход со всех сторон. Капитан повернулся и, глядя со своего мостика на палубу, встретился взглядом с Дэкстри, который с величайшим вниманием наблюдал процедуру приема парохода. Оставаясь внешне все таким же важным и торжественным, капитан Стивенс слегка подмигнул левым глазом и ухмыльнулся самым мальчишеским образом. В тот же миг с мостика посыпались резкие приказания, матросы засуетились, реи заскрипели и застучали донки.

– Приехали, г-жа Заяц, – сказал Гленистэр, входя в каюту девушки. – Санитарный инспектор пропустил нас. Пора всем посмотреть волшебный город. Идите, посмотрите, какой чудный вид.

Они впервые остались вдвоем после сцены на палубе. Она либо вовсе игнорировала его, либо устраивалась так, что они виделись только в присутствии Дэкстри, хотя он с тех пор был неизменно вежлив и внимателен. Она не могла не видеть его еле сдерживаемые порывы и страстно ждала момента, когда можно будет покинуть пароход и бежать от чар его личности. Она содрогалась, думая о нем, но при виде его не была в состоянии ненавидеть его, как ей того хотелось; он подавлял ее своей волей, не позволяя ненавидеть себя и не обращая внимания на ее пренебрежение. Она помнила, как он охотно и без всяких расспросов заступился за нее и бился с матросами с „Охайо" по первой ее просьбе. Она знала, что он всегда готов на то же самое, если не большее. Вообще трудно быть злопамятным в отношении человека, готового отдать за вас жизнь, даже если он и обидел вас, в особенности же, если он обладает физической привлекательностью, заставляющей вас забывать все веления нравственности.

– Никто не увидит вас, – продолжал он... – Толпа окончательно лишилась рассудка; кроме того, мы сойдем прямо на берег. Вам, должно быть, до ужаса надоело заточение, да и мне тоже.

Когда они вышли на палубу, дверь соседней каюты распахнулась, и на пороге показалась худая женщина с острыми чертами лица; увидав девушку, выходившую из каюты Гленистэра, она приостановилась; ее хитрые, узкие глаза метнули быстрый, злобный взор на нее и на Гленистэра.

Впоследствии им пришлось пожалеть об этой случайной встрече, ибо она была чревата для них роковыми последствиями.

– Здравствуйте, мистер Гленистэр, – произнесла дама с едкой любезностью.

– Здравствуйте, миссис Чемпион.

Гленистэр двинулся дальше. Она пошла за ним, не сводя глаз с Эллен.

– Вы сходите на берег сегодня вечером или будете ждать утра?

– Право, не знаю, – ответил он и, наклонившись к девушке, шепнул: – Надо отделаться от нее, она шпионит за нами.

– Кто она? – спросила мисс Честер минутой позже.

– Муж ее стоит во главе одной из наших крупных компаний. Она старая сплетница.

Девушка вскрикнула при первом взгляде на берег. Они покачивались на волнах маслянистого моря с оттенком полированной меди, и со всех сторон, среди глухого шума и грохота машин, десятки пароходов сбрасывали свой груз на целую армию паромов, буксиров и барж. Тут были и эскимосские „умиаки", широкие лодки из моржевых шкур; они скользили по воде, точно огромные, стоногие водяные пауки. Бесконечные ряды муравьев-буксиров, нагруженных товарами, шныряли к берегу и обратно. Город лежал в одной миле, расстилаясь наподобие белой ленты между золотистым морским песком и желтоватой мшистой тундрой.

Он не был похож ни на один город в мире. На первый взгляд могло показаться, что он весь из чистой белой парусины.

Население его за одну неделю возросло с трех до тридцати тысяч. Он тянулся тонкой, извилистой чертой на расстоянии нескольких миль вдоль берега, так как только на берегу – единственном сухом месте – можно было разбить лагерь.

Человек, рискнувший подняться на пригорок за полосой берега, проваливался по колено в мох и воду, а ступив дважды на одно и то же место, попадал как бы в болото, полное жидкой ледяной грязи.

Поэтому город, ежедневно увеличивавшийся вдвое, разрастался только в длину, и берег от Нома до реки Пении представлял собою длинное белое пространство, светящееся в лучах полярного солнца, напоминающее белую пену валов, что омывают тропические острова.

– Вон там Энвил Крик, – сказал Гленистэр. – Там и „Мидас". Смотрите. – Он указал на ущелье в горном кряже, удаляющемся от города. Это лучший „крик" на свете. Вы увидите целые караваны мулов, груженных золотом, вы увидите золотые горы. Как я рад, что вернулся. Вот где жизнь! Весь этот берег – сплошное золото; горы полны кварца; русло реки совсем желтое. Везде золото, золото, золото, в гораздо большем количестве, чем в копях старика Соломона, и, кроме того, всюду тайна, опасности, загадки...

– Идемте скорее, – сказала девушка. – Я сегодня же должна сделать одну вещь. Потом уж я как следует познакомлюсь со всеми этими чудесами.

Они сели в маленькую лодку и поехали к берегу. Компаньоны с живейшим интересом расспрашивали лодочника. Так как последний приехал за пять дней до них, то у него был большой запас новостей, и он, в качестве опытного человека, стал осыпать их

советами, пока Дэкстри, наконец, не заявил ему, что они сами „старые волки" и владельцы „Мидаса". Тут мисс Честер пришлось подивиться уважению, выразившемуся на лице лодочника, и почтительным взглядам, которые он бросал на обоих компаньонов, не обращая на нее ни малейшего внимания.

– Батюшки мои. Поглядите, сколько груза! – воскликнул Дэкстри. – Если будет шторм, он раздавит весь поселок.

Берег был забит и завален баррикадами из товаров, каждая новоприбывшая лодка добавляла свою долю, выкладывая на каждое свободное место тюки, ящики, котлы и прочий багаж. Все это валялось в величайшем беспорядке на весьма ограниченном пространстве. Крючники с песнями скатывали груз с барж и наваливали его в кучу, а орущая, ругающаяся толпа дралась над этой кучей, ища, разбирая и наваливая отдельные тюки.

Казалось, уже больше не было места, а груз все прибывал.

Стоял адский шум, люди бранились, толкались и лихорадочно торопились. Неистовая спешка звучала в голосах толпы, сказывалась в несдержанности движений, в побагровевших лицах, насыщала воздух возбуждающей, магнетической энергией.

– На берегу сущий содом, – сказал лодочник. – Вот уже три дня и три ночи, что я не спал, – места нет для сна, да и слишком светло. Яичница с ветчиной стоит полтора доллара, а виски идет по четыре доллара стакан.

Последнее было произнесено с глубокой, несказанной печалью.

– Безобразия есть? – спросил старик.

– Ого! – ответил лодочник. – Прошлой ночью было убийство в „Северной".

– Картежники?

– Да. Убийца новичок по имени „Миссу".

– Вот как, – сказал Дэкстри. – Я знаю его. Он негодяй.

Трое мужчин кивнули, но дальнейшего объяснения не последовало.

Сойдя с лодки, они вступили в царство шума и толкотни. С трудом пробираясь сквозь сумятицу, они вышли к огражденным участкам, где палатки тесно стояли одна к другой и где каждый вершок земли был занят. Здесь и там пустое место бдительно охранялось владельцем, смотревшим на остальную публику подозрительным и кислым взором. Кое-как выбравшись из этого столпотворения, мужчины остановились.

– Куда вы хотите идти? – спросили они мисс Честер.

Теперь во взоре Гленистэра уже не было той дерзости, с которой он обычно смотрел на женщин Севера. Он смутно сознавал, что ее привело в эту чуждую и антипатичную ей обстановку какое-то важное дело.

Независимость её возбуждала восторг в мужчине его типа, а холодность её только разжигала его страсть. Захваченный ею,

Гленистэр потерял всю свою чуткость. Он мог смеяться над её отвращением к нему, за исключением его поступка в ту ночь, когда он заключил её в свои объятия. Ему в голову не приходило, что в его характере могли быть черты, антипатичные ей, и он ощущал острое нежелание расставаться с нею.

Она протянула обе руки.

– Я никогда не сумею достаточно отблагодарить вас обоих за все, что вы для меня сделали, но все же я постараюсь расплатиться. Прощайте.

Дэкстри с сомнением поглядел на свою руку, грубую и жилистую, затем осторожно взял её руку и слегка потряс её.

– Мы вовсе не собираемся покидать вас таким манером, – заявил он. – Куда бы вы ни шли, мы вас доведем до места.

– У меня тут есть друзья; я найду их.

– Хотя с дамами и не следует спорить, но, зная здешние нравы вдоль и поперек, я считаю, что вас должны провожать мужчины.

– Ну, хорошо. Мне нужно к мистеру Струве из нотариальной конторы „Дэнхам и Струве".

– Я провожу вас к нему, – сказал Гленистэр.

– А ты, Дэкс, займись багажом. Жди меня через полчаса у гостиницы: мы пойдем на „Мидас".

Они пробрались между палатками, мимо куч всякого хлама и вышли на главную улицу, идущую параллельно берегу.

Нома состоял из одной узкой улицы, извивавшейся среди бесконечных рядов парусиновых палаток, недостроенных бараков; через дом было питейное заведение. Встречались довольно приличные постройки в целых три этажа вышиной; некоторые из них были крыты волнистым листовым железом, другие – цинком. В верхних окнах виднелись вывески нотариусов, докторов и инспекторов. Улица кишела людьми, прибывшими из всевозможных стран света. Эллен Честер не успевала считать все доносившиеся до нее языки и наречия. Лапландцы, в курьезных ватных треухах, лениво проходили мимо. Загорелые люди из тропиков сталкивались с белокурыми скандинавцами, а рядом с нею тщательно причесанный француз, с моноклем и в бриджах, разговаривал при помощи жестов с эскимосом, одетым в звериные шкуры. Слева было сияющее море, оживленное множеством разнообразнейших судов. Справа возвышались голые горы, необитаемые, неисследованные, хмурые и дикие, с ущельями, полными снега. С одной стороны виднелся оживленный, знакомый ей мир, с другой – было молчание, тайна, неизведанные приключения. По улице проносились всякого рода экипажи, от велосипедов до тележек с водою, запряженных собаками; повсюду копошились люди, стук молотков сливался с криками возчиков и отрывочными звуками музыки, доносившейся из питейных домов.

– И это полночь! – воскликнула Эллен, – и неужели они никогда не отдыхают?

– Для отдыха нет времени. Тут гонятся за золотом. Вы еще не вошли во вкус.

Они взошли по лестнице большого, крытого железом дома в контору Дэнхам и Струве; дверь им отворил краснолицый седой помятый человек в одном жилете и без ботинок.

– Чего вам надо? – заговорил он, покачиваясь. Глаза его распухли и были красны, нижняя губа бессильно отвисала; по-видимому, он весь был пропитан алкоголем, точно губка. Он держался за ручку двери, пытаясь справиться со сползавшими подтяжками, и время от времени охал.

– Гм, продолжаете пить со дня моего отъезда? – спросил Гленистэр.

– Кто-нибудь уже наболтал, наверно, – ответил нотариус.

В лице его не было ни любопытства, ни радости встречи с гостем, ни неудовольствия. Голова его была опущена так низко, что он даже не заметил девушки, которая при виде его отошла в сторону. Он был еще относительно молод, со следами былого изящества, почти стершимися от распутной жизни. Волосы у него были седые, и все лицо как-то огрубело и распухло.

– Я не знаю, что мне делать, – жалобно сказала девушка.

– Тут есть еще кто-нибудь, кроме вас? – спросил ее спутник нотариуса.

– Нет, я один веду дела. Не нуждаюсь ни в чьей помощи. Дэнхам в Вашингтоне, на родине. Чем могу служить?

Он попытался быть гостеприимным и шагнул через порог, но, споткнувшись, качнулся вперед и скатился бы с лестницы, если бы Гленистэр не подхватил его и не отнес назад в контору; там он бросил его на кровать в задней комнате.

– Ну, а что вы скажете, мисс Честер? – спросил он, вернувшись.

– Это ужасно, – содрогаясь, сказала она. – А мне обязательно надо поговорить с ним сегодня же.

Она нетерпеливо топнула ногой.

– Я должна с ним поговорить наедине.

– Нет, не должны, – ответил Гленистэр так же решительно. – Во-первых, он все равно ничего не поймет, а во-вторых, я знаю Струве. Он слишком пьян для деловых разговоров и недостаточно пьян для того, чтобы... ну, спокойно смотреть на вас.

– Но я должна говорить с ним. Это страшно важно, – воскликнула девушка. – Какое животное!

Гленистэр заметил, что она не ломала рук от отчаяния и даже не собиралась плакать, хотя видно было, что разочарование и беспокойство терзали ее.

– Что ж, придется ждать. Но я не знаю, куда мне пойти, в гостиницу какую-нибудь, что ли.

– Здесь нет гостиниц. Две строятся, но сегодня вы не получите в Номе комнаты ни за какие деньги. Нет ли у вас тут знакомых

женщин? Тогда предоставьте мне найти вам помещение. У меня есть друг, жена которого приютит вас.

Она возмутилась. Когда же, наконец, она сможет обойтись без его великодушной помощи? Она подумала о возвращении на пароход, но отказалась от этой мысли. Она хотела заговорить, но он уже успел сбежать с лестницы и не слышал ее; ей пришлось поневоле пойти вслед за ним.

Выйдя на улицу, они медленно пошли по тротуару, разглядывая толпу. Несмотря на общее напряжение, все лица выражали веселье, надежду и подъем духа. Энтузиазм этой юношески-настроенной толпы согревал сердце. Девушке захотелось разделить радость этих людей, быть неотъемлемой частью этой толпы. Вдруг из общего говора вырвалось несколько слов, звучавших диссонансом, всего несколько слов, коротких и негромких, но насыщенных грубой, не знающей пределов страстностью.

Эллен посмотрела кругом и увидела, что улыбка сбежала с лиц и что все глаза направлены с еще невиданным ею дотоле интересом на нечто, происходящее на улице. В этот же миг Гленистэр сказал.

– Уйдемте отсюда.

Он, как опытный старожил, понял, что назревает побоище, и сделал попытку увести девушку, но она нетерпеливо стряхнула его руку и, поглощенная интересом, стала наблюдать сцену, разыгравшуюся перед ними. Хотя ход событий был непонятен ей, она все же смутно ощущала приближение какого-то кризиса, никоим образом однако не ожидая столь быстрого и рокового его разрешения.

Глаза ее остановились на фигурах двух мужчин, от которых остальные люди отделились, как масло отделяется от воды. Один из них был худ и хорошо одет, другой тучен, в поношенном непромокаемом пальто и с мрачным лицом. Говорил тот, что был поменьше ростом. Сначала Эллен приняла его налитые кровью глаза и неверную походку за следствие пьянства; она вскоре поняла, что он трясется от ярости.

– Отдайте, говорю я вам. Отдайте запродажный лист, вы...

Растрепанный человек с рычанием повернулся на каблуках и двинулся туда, где стояли Гленистэр и девушка. Он догнал их в два шага, затем, заметив быстрое движение своего противника, повернулся с молниеносной ловкостью дикого зверя. В голосе слышалось зверское рычание.

– Ах, вы вот как. Так нате же...

Движения обоих были быстры и легки, но напряженному вниманию девушки они казались деланными и театральными. Минута эта навсегда запечатлелась в ее памяти, точно какой-то фотографический аппарат оставил в ее мозгу острый, ясный и яркий снимок этой сцены.

Спина высокого человека почти коснулась ее, когда он проходил мимо них, а опьяненный яростью человек в белой сорочке и

котелке отхлынул вместе с толпой, точно сухая трава перед ураганом; бежавшие люди и позолоченная вывеска танцевальной залы по ту сторону улицы привлекли ее внимание, а потом её с силой дернули назад: две сильные руки заставили её стать на колени около стены, и она оказалась в объятиях Роя Гленистэра.

– Не двигайтесь. Мы находимся в поле выстрелов.

Он нагнулся над нею; щека его лежала на ее волосах; и тяжесть эта заставляла ее оставаться неподвижной; его тело служило ей живым щитом от пуль. Высокий человек стоял над ними, и беспрерывный треск его револьвера оглушал их. Одновременно они услышали звон пули, ударившейся в тонкие доски, к которым они прижались.

Над их головами вновь раздался выстрел, и они увидели, что худой человек уронил оружие и внезапно сделал полуоборот, словно ему нанесли удар кулаком руки; он вскрикнул, наклонился, намереваясь поднять револьвер, и упал, уткнувшись лицом в песок.

Изрыгая проклятия, высокий ринулся к павшему врагу, не переставая стрелять. Раненый повернулся на бок и выстрелил один раз за другим так быстро, что звуки выстрелов слились, не остановив однако противника. Последний продолжал безжалостно стрелять, уже стоя над бьющимся и содрогающимся телом, лежавшим на земле в окровавленной и испачканной одежде. Затем он пошел назад, мимо двух свидетелей, прижавшихся к изгороди, и они увидели, что грубое и сумрачное его лицо было бледно, а из груди рвался хриплый свист.

Он направлялся к той двери, из которой они только что вышли; по дороге он повернулся, выплюнул сгусток крови, затем, шатаясь, вошел в дверь; в наступившем тоскливом молчании слышно было, как его тяжелые подкованные сапоги медленно застучали по ступенькам лестницы.

Улица вновь ожила. Со всех сторон сбежались люди, и жуткий предмет, лежавший в грязи, был скрыт взволнованной толпой золотоискателей.

Гленистэр поднял девушку; ее голова запрокинулась, и, не схвати он ее за руки, она упала бы вновь. Глаза ее остекленели от ужаса.

– Не бойтесь, – успокаивающе улыбнулся он ей.

Однако у него самого дрожали губы и пот каплями выступил на лбу. Он знал, что они были близки к смерти.

В толпе произошло волнение и давка, и Дэкстри кинулся к ним.

– Вы ранены? Чтоб их всех. Когда я увидел, что они начали стрелять, я стал орать вам как сумасшедший. Я думал, что вы пропали. Впрочем, не могу сознаться, что убийство это было на редкость интересным зрелищем – дело сделано было чисто и аккуратно. А то обыкновенно в этих уличных побоищах гостинцы достаются ни в чем неповинным прохожим.

– Смотри, – сказал Гленистэр.

В стене, у которой они только что стояли, сидели три пули на уровне груди.

– Это его две первые пули, – заметил Дэкстри, кивая головою в сторону человека, лежавшего на середине улицы. – Должно быть револьвер был новый и тугой, и его толкнуло вправо. Смотрите.

При всей ее неопытности девушке было ясно, что если бы ее не заставили нагнуться, то пули попали бы в нее.

– Уйдем скорее, – задыхаясь, сказала она, и они увели ее в ближайшую лавку, где она села на стул, не переставая содрогаться.

Дэкстри принес ей стакан виски.

– Вот вам, мисс. Довольно сильное переживание для чичако[1], Боюсь, что эта страна всем перестала нравиться.

Он долго говорил с ней о совершенно посторонних вещах обычным своим шутливым тоном, пока она не успокоилась.

Гленистэр сговорился с лавочником, у которого они сидели, и предложил ей провести ночь с его женою, но она отказалась.

– Я не могу сейчас спать. Не оставляйте меня, прошу вас. Я боюсь. Я сойду с ума без вас, я слишком много перенесла за последнюю неделю, и если засну, то во сне опять увижу лица этих людей.

Дэкстри шептался с компаньоном, потом купил что-то и положил к ногам Эллен.

– Вот вам пара резиновых сапог на подростка. Наденьте их и идите с нами. Мы заставим вас забыть все перенесенные неприятности, и когда вы вернетесь, то будете спать так, что сон праведника покажется вам, в сравнении с вашим сном, беспокойнейшим времяпрепровождением.

– Ну идем.

Солнце поднималось из-за Берингова моря, когда они направились в горы; ноги их уходили до щиколоток в мягкий, свежий мох, воздух был чист и ясен, и мириады разнообразнейших испарений поднимались из земли. В низинах возились кулики и другие болотные птицы, а с туманных тундровых озер доносились крики диких гусей.

Магическая сырая свежесть оживила их после долгого и томительного сидения на пароходе и вытравила из их памяти недавнюю трагедию. Девушка пришла в себя.

– Куда мы идем? – спросила она, остановившись, чтобы передохнуть после часа ходьбы.

– На „Мидас", конечно, – ответили они, и один из них, впиваясь жадными глазами в ее прекрасные светлые глаза и грациозную фигурку, мысленно сказал себе, что он с радостью бы отдал свою долю в прииске „Мидас" за то, чтобы взять обратно содеянное им в безумную ночь на „Санта-Марии".

---

[1]Чичако – новичок в стране.

Глава V,

В КОТОРОЙ ПОЯВЛЯЕТСЯ МУЖЧИНА

В жизни любой страны, в которой колеблется еще один человек, бывают кризисы, когда судьба ее становится в зависимость от какого-нибудь с виду незначительного факта.

Такой момент настал для далекого Северо-Запада в день одиннадцатого июля, хотя для всех, кто так или иначе был причастен к строительству молодой страны, этот день был не более, как днем прибытия в Аляску нового „закона".

Весь Ном собрался на берегу встречать судью Стилмэна и его свиту. Пароход „Сенатор" был тем счастливым судном, которому сочли возможным вверить драгоценную жизнь членов первого в стране суда; пароход „Сенатор" должен был водворить в дотоле дикой стране правосудие.

Интерес, возбуждаемый приездом „его чести", усугублялся тем, что на берегу его встретила очаровательная девушка, которая кинулась к нему с явной радостью на лице.

– Это его племянница, – сказал кто-то. – Она приехала на первом пароходе. Фамилия ее Честер. Не дурна, а?

Другой приезжий привлек еще больше внимания, нежели сам представитель закона. То был огромного роста изысканно одетый мужчина, с проницательными, близко посаженными глазами и с тем неуловимым изяществом движений и осанки, которые свидетельствуют об уверенности в себе, здоровье и привычке к путешествиям. В отличие от прочих он не стал терять времени на берегу и разглядывать окружающую обстановку, но, сдвинув брови, проложил себе путь сквозь толпу и направился в центр города. Его сопровождал компаньон Струве, Дэнхам, пожилой, церемонный мужчина. Они прошли прямо в контору Дэнхам и Струве, где их встретил седовласый младший компаньон.

– Очень рад познакомиться с вами, мистер Мак Намара, – сказал Струве. – Ваше имя хорошо известно у меня на родине. Моя семья живет в Дакоте и имеет какое-то отношение к политике, так что я всегда восхищался вами и рад вашему приезду на Аляску. Это великая страна, и нам нужны великие люди.

– Были у вас какие-нибудь неприятности? – спросил Дэнхам, когда они втроем вошли в жилое помещение.

– Неприятности... – сконфуженно повторил Струве. – Как бы вам сказать? Мисс Честер доставила мне ваши инструкции в точности, и я немедленно занялся ими. Скажите мне, как это вы послали девушку с таким поручением.

– Некого было послать, – ответил Мак Намара. – Дэнхам намеревался ехать на первом пароходе, но мы задержались

в Вашингтоне, и судье пришлось ждать меня в Сэттле. Мы боялись доверить бумаги постороннему человеку; он мог прочесть их из любопытства. А тогда...

Он многозначительно махнул рукой.

Струве кивнул головой.

– Понимаю. А она знает содержание документов?

– Конечно, нет. Женщин дела не касаются. Надеюсь, вы ей ничего не говорили.

– Не имел даже возможности сказать. Она почему-то чувствует ко мне антипатию. Я не видал ее со дня ее приезда.

– Судья говорил ей, что документы каким-то образом подготовили его приезд, – сказал Дэнхам, – и что если бумаги не будут переданы вовремя, то могут выйти большие неприятности, вроде тяжб, бунтов, убийств и тому подобного. Он наговорил столько общих мест, что девушка была напугана до смерти и поверила, что от нее зависит безопасность ее дядюшки и всей страны.

– Что же, – продолжал Струве, – ничего нет легче, чем вновь занять участки, а потом выкупить эти участки у них же, в особенности если они знают, что у них нет на таковые никаких прав. Но что вы будете делать, когда настоящие владельцы начнут стрелять в вас?

Мак Намара рассмеялся.

– А был такой случай?

– Как же. Стрелял благодушный, седовласый пират из Техаса, по имени Дэкстри. Он наполовину владелец „Мидаса" и наполовину горный лев. Вид у него самый мирный и елейный, на самом же деле у него бешеный темперамент. Я послал Голлоуэя вновь занять этот участок, и он поставил свои столбы ночью, когда они спали, а в шесть часов утра он прилетел сюда, как сумасшедший, и чуть не выбил мне дверь. Я в жизни не видел более напуганного человека. „Спрячьте меня скорее! – орал он. „Что случилось?" – спрашиваю я. „Я спугнул горного медведя, я схватил черную оспу, я позволил себе шутить со смертью, и у меня все нутро переворачивается. Пустите скорее". Мне пришлось укрывать его целых три дня, так как этот учтивый старый людоед шатался по улицам с револьвером в руках, грозя огнем и мором.

– А кроме него никто не поднимал скандала?

– Нет, остальные – шведы; они не умеют драться. А эти совсем другого сорта; их двое – один постарше, другой помоложе. Мне бы очень не хотелось связываться с ними и если бы их участок не был лучшим в округе, я охотно оставил бы их в покое.

– Я справлюсь с ними, – сказал Мак Намара.

– Да, господа, я порядочно поработал за это время, да притом еще втемную, – продолжал Струве. Я напустил туману и подмочил права собственников на самые богатые здешние участки, но признаюсь, не совсем понимаю, на что нам все это. Если бы мы взду-

мали судиться, то обязательно проиграли бы во всех инстанциях. В чем дело? Не шантаж ли это?

– Гм, – произнес Мак Намара. – За кого вы меня принимаете?

– Оно как-будто бы и мелковато для Алека Мак Намара, но хоть убейте, я не подберу этому другого имени.

– Не пройдет и недели, как все самые богатые участки в Номе будут в моих руках.

Голос Мак Намара был спокоен, но решителен, взгляд остер и уверен, и весь он дышал силой и уверенностью в себе; и собеседники поверили в его слова, как ни мало убедительны они были.

У Уилтона Струве, нотариуса, забулдыги и интеллигентного авантюриста, невольно екнуло сердце, когда он проник в смелый план Мак Намара. План этот показался ему совершенно невыполнимым, но тем не менее, увидя решительное лицо Мак Намара, Струве поверил ему.

– Это здорово, очень здорово, слишком здорово, – прошептал он. – Ведь это значит, что вы будете зашибать по пятидесяти тысяч долларов в день.

Дэнхам молча переступил с ноги на ногу и провел языком по сухим губам.

– Конечно, это очень много, но крепче мистера Мак Намара еще не было человека в Аляске, – сказал он. – И я составил самый крепкий план, какой когда-либо приводился в исполнение на Севере, и меня поддерживают самые крепкие люди в Вашингтоне, – продолжал политический деятель. Смотрите.

И он показал отпечатанную на машинке бумагу, на которой виднелись колонки чисел и имен.

Струве чуть не задохнулся от изумления.

– Это имена моих акционеров, а вот тут суммы вложенных ими в дело капиталов. Да, мы образовали компанию по законам Штата Аризоны, тайную, конечно. Я вам это показываю только для того, чтобы вы убедились, какая у меня поддержка.

– Черт побери! Я удовлетворен, – с нервным смехом сказал Струве.

– Дэнхам был с вами в Вашингтоне и Нью-Йорке, видел ваших друзей. Если он скажет, что все в порядке, то так тому и быть. А что, если компания лопнет и обнаружатся имена акционеров?

– Этого не будет. Книги у меня в таком месте, где их сожгут по первому знаку. Мы провели бы наши собственные земельные законы, если бы не Стортевэнт из Невады, черт его подери! Он провалил нас в сенате. Ну, довольно об этом. Вот мой план.

Он в общих чертах набросал свой план. По мере того, как он говорил, лицо Струве озарялось все большим восторгом.

– Клянусь богом, вы кудесник, – воскликнул он, когда план был изложен. – Я – ваш телом и душою. Дело опасное, поэтому оно мне по душе.

– Опасное. – Мак Намара пожал плечами. – В чем вы видите опасность? Закон за нас, или, вернее, мы сами – закон. Ну, а теперь за работу.

Как видно, диктатор Северной Дакоты умел работать. Он скинул пиджак и жилет и принялся за документы, представленные ему Струве, просматривая их с невероятной быстротой. Понемногу он заразил своей энергией двух других, и вскоре за плотно запертыми дверями конторы „Дэнхам и Струве" установилась атмосфера лихорадочной спешки, заговоров и интриг.

Эллен Честер вела судью к только что выстроенной трехэтажной гостинице, весело болтая с ним. Она находилась под обаянием юной страны и, кроме того, впервые чувствовала себя в безопасности. Гленистэр увидал их издали и пошел к ним навстречу.

– Моя племянница рассказала мне, как вы спасли ее, сэр, – начал старик. – Я рад познакомиться с вами.

– Мистер Гленистэр не только отважный рыцарь и покровитель слабых женщин, но еще и местная знаменитость, – весело заметила Эллен. – Он владелец „Мидаса".

– Вот как, – сказал старик.

Его быстрые глаза остановились на молодом человеке с явным вниманием.

– Говорят, это замечательный участок. Вы уже начали работу?

– Нет. Начинаем послезавтра. Нынче весна была поздняя, снег в ущельях был глубокий, и земля очень медленно оттаивает. Мы строим дома и прочее, но наши рабочие уже ждут на руднике.

– Меня все это очень интересует. Не пройдете ли вы с нами в гостиницу? Расскажите мне еще про эти чудесные россыпи.

– Да, надо сознаться, россыпи исключительные, – сказал золотоискатель, идя с ними дальше. – Еще неизвестно, сколько в них найдется, так как пока затронуты только верхние слои. Золото лежит так близко к поверхности и так доступно, что если бы сама природа не позаботилась о нас, мы никогда не решились бы покинуть наш участок и вечно боялись бы хищников.

– А сколько дадут прииски на Энвил Крике за лето? – спросил судья.

– Трудно сказать, сэр. Мы думаем добывать на одном „Мидасе" в среднем до пяти тысяч в день, а ведь есть еще другие прииски не хуже его.

– Ваши права на участок бесспорны, не так ли.

– Абсолютно бесспорны. Совался к нам один тип, пытавшийся сделать новую заявку, но мы не обратили на него никакого внимания. Некто Голлоуэй. Но у него не было никаких доказательств своей правоты, и он бесследно исчез. Если бы нам удалось найти его, то наши права стали бы еще более бесспорными.

Последняя фраза была произнесена с особым выражением.

– Полагаю, вы не решились бы пустить в ход насилие.

– А почему бы и нет? До сих пор право сильного функционировало у нас прекрасно.

– Однако, дорогой мой, эти дни отошли в область преданий. Теперь тут есть закон, и мы все должны повиноваться ему.

– Возможно. Но в здешних краях участок считается такой же неотъемлемой собственностью человека, как его семья. В былые времена мы не знали, что такое замок на дверях, и тем не менее жили тихо и спокойно, если не считать голода и тяжелых условий труда. Теперь, конечно, времена изменились: в течение одной весны было сделано заявок на большее количество участков, чем за всю историю Юкона.

Они дошли до гостиницы. Гленистэр пропустил судью вперед, остановился и повернулся к девушке. Когда же она двинулась вслед за судьей, он задержал ее.

– Я нарочно спустился с гор, чтобы повидать вас. Прошла неделя, такая длинная...

– Не говорите так, – холодно прервала она его... Мне неприятен ваш тон.

– Послушайте. Почему вы отталкиваете меня и бронируетесь высокомерием. Я от души сожалею о том, что я наделал в тот вечер. Я много раз уже говорил вам это. Я окончательно извел себя раскаянием.

– Не в этом дело, – медленно заговорила она. – Я много думала об этом последний месяц и теперь, когда я немного лучше разбираюсь в жизни, я вижу, что поступок ваш был, пожалуй, естествен. Это ужасно, но это так. Я не могу сказать, чтобы он был простителен, – быстро продолжала она, – О, нет, и я ненавижу вас, когда я думаю о нем, и все же я считаю, что я сама создала условия, вызвавшие подобную выходку. Я достаточно терпима и не буду осуждать вас чрезмерно; я даже думаю, что могла бы относиться к вам хорошо, несмотря на все, из благодарности за то, что вы для меня сделали. Но это не все. Вы спасли меня, я вам благодарна, но постоянно боюсь вас. В вашей силе есть что-то жестокое, что-то скрытое, сластолюбивое, свирепое, какая-то тайная дикость.

Он криво усмехнулся.

– Это, должно быть, местный колорит, приобретенный мной от здешней обстановки. Я постараюсь измениться, если вы этого захотите. Я отдам себя в руки цивилизации, пусть меня остригут, обкорнают и заставят забыть месть, честолюбие и все прочее, если я вам в таком виде буду больше нравиться. Я даже обещаю не производить никаких насилий над особой человека, который хотел отнять у нас наш участок, если я его поймаю. Это ли не доказательство, что у Самсона острижены волосы?

– Я думаю, в таком виде вы могли бы мне понравиться, – сказала она. – Но вы не можете быть таким. Вы дикарь.

На Севере нет ни рынков, ни клубов, служащих местом свидания деловых людей, ничего, кроме питейных домов, превосходящих в некотором отношении клубы. В них люди собираются для пьянства, картежной игры и коммерческих дел.

Поздно вечером Гленистэр завернул в „Северную" и лениво прошел между рядами карточных столов; по дороге он остановился у стола для игры в кости и попытал счастье, а потом проиграл пригоршню фишек в рулетку.

За „фаро" ему немного повезло и он немедленно заказал угощение для окружающих; то была формальность, необходимая для вступления в дружеские отношения с прочими игроками.

Стоя у стола со стаканом в руке, он случайно обратил внимание на человека, который с увлечением разговаривал неподалеку от него. Его трудно было не заметить, так как он был гораздо выше всех окружающих и, несмотря на это, держался как-то особенно изящно.

В кучке людей, внимательно слушавших его, Гленистэр узнал Мексико-Мэллинза, бывшего картежника, беседовавшего с Дэкстри в Упаласке.

Гленистэр стал всматриваться в эту группу; в это время какой-то пьяница неверными шагами ступил через порог, увидав высокого незнакомца, заморгал глазами и, подойдя, громко воскликнул:

– Да ведь это Алек Мак Намара. Как поживаешь, старый разбойник?

Мак Намара кивнул головой и спокойно отвернулся.

– Не вороти носа. Мне надо поговорить с тобой.

Но Мак Намара продолжал спокойно разговаривать, пока пьяница не хлопнул его по плечу; тогда он повернулся, чтоб приостановить словоизвержение, грозившее обрушиться на него.

– Отстаньте от меня. Я занят.

– Ты не хочешь разговаривать со мною? Ну, тогда я поговорю с тобой. Пожалуй, ты стал бы слушать меня, если бы я рассказал здешним ребятам все, что я знаю о тебе. А ну-ка, повернись ко мне.

В голосе его звучала угроза; он привлек к себе общее внимание. Заметив это, Мак Намара повернулся к нему и заговорил. Слова его звучали ясно, отчетливо и холодно.

– Оставьте меня в покое, вы, пьяница. Вы надоели мне. Убирайтесь, пока целы.

Он вновь отвернулся, но пьяница ухватился за него и дернул к себе, не переставая ругаться.

Терпение противника, по-видимому, придало ему храбрости.

– Извините меня на минуту, господа.

Мак Намара положил большую, белую, холеную руку на фланелевый рукав золотоискателя и осторожно вывел его из комнаты на тротуар.

Толпа улыбалась.

Перейдя порог, он молча сжал кулак, занес его и нанес пьянице страшный удар прямо в челюсть. Жертва его упала без единого звука, гулко ударившись затылком о доски.

Даже не взглянув на него, Мак Намара вернулся в питейный дом и продолжал прерванный разговор. Голос его был ровен и уравновешен по-прежнему, так же, как и движение. В нем не было заметно ни гнева, ни возбуждения, ни хвастовства. Он закурил папироску, вытащил записную книжку и занес в нее несколько сведений, сообщенных ему Мексико-Мэллинзом.

Тело избитого продолжало лежать поперек порога без всяких признаков жизни. Шум рулетки возобновился, и крупье вновь принялся за свои монотонные возгласы.

Все смотрели на равнодушного человека, стоявшего у стойки; о существе, лежавшем без сознания на пороге, никто не думал, ибо кодекс поведения этих людей запрещал даже самому гуманному из них соваться в чужие драки.

Покончив с записной книжкой, Мак Намара важно пожал окружающим руки, вышел в дверь, шагнув через распростертое тело пьяницы, и исчез, даже не взглянув на него. Дюжина рук протянулась к пьянице; его положили на рулеточный стол, и содержатель бара вылил на него несколько кувшинов воды.

– Ничего серьезного, – сказал кто-то из толпы и прибавил восхищенным тоном:

– Вот это я понимаю! Мужчина!

Глава VI

И ЗАХВАТЫВАЕТСЯ РУДНИК

– Кто староста твоей смены? – спросил Гленистэр своего компаньона несколько дней спустя, указывая на человека, приводившего в порядок одну из шлюз в шахте.

– Это, старик „Оладья" Симмз, мой старый приятель по Даусону.

Гленистэр громко расхохотался, ибо объект их разговора отличался непомерным ростом, удивительно нескладной фигурой и был одет в неописуемо грязный костюм. Он был без куртки, и его широкие, испачканные штаны еле держались на подтяжках устрашающей ветхости. Обут он был в громадные болотные сапоги не по ноге; платье болталось на нем так, что казалось, будто от малейшего неосторожного движения оно спадет с него, и он возникнет из его пены как некая Афродита. Лицо его было покрыто жесткой седой щетиной, имевшей такой вид, точно ее подстригли тупыми ножницами, а над этой зарослью величественно подымалась сияющая куполообразная голова.

– Он всегда был лысый?

– Нет. Он вовсе не лысый; он бреет голову. Раньше он носил длинную гриву, служившую пристанищем всевозможных лесных и прочих насекомых. Это так нравилось ему, что он с каким-то нелепым суеверием избегал парикмахеров и отбивался от них с револьвером в руках. Но вот однажды Хэнк (это его настоящее имя) взялся печь оладьи; при этом так энергично потряс сковородку, что тесто угодило ему прямо в его первобытный лес. Хэнк обрушил на ущелье, где это происходило, такой водопад брани, что его потом пришлось дезинфицировать. С тех пор он известен под именем „Оладьи" Симмза; теперь он бреет голову начисто, как бильярдный шар. В остальном он прекрасный рудокоп и притом прямой и честный парень.

На „Мидасе" началась промывка золота. Длинные парусиновые рукава вились от запруды вдоль по дну ручьями, похожие на исполинских змей, и шорох гравия в шлюзном желобке мелодично сливался с шумом текущей воды, звоном инструментов и пеньем стали, впивающейся в скалу. В больших белых палатках за скалами спали пятьдесят человек ночной смены; на этой работе отдыха не полагалось: работали день и ночь, не признавая ни праздничных дней, ни передышки. Ведь в их распоряжении было только сто дней, – на больший срок Север не допускает хищников врезаться в его недра.

Геринск лежал у подножия прелестных, заросших мхом и ветлами пригорков; склоны ущелья были усеяны палатками и хижинками, и везде, от водоема до горных вершин, кропотливо и терпеливо люди копали и взрывали почву, и следы их с каждым днем становились заметнее на замкнутом лице пустыни.

Гленистэр и Дэкстри смотрели на эту сцену с глубоким волнением; борьба с неуступчивой почвой за богатейшие ее сокровища, наконец, увенчивалась успехом.

– Тут мы не обкрадываем вдов и сирот, – внезапно проговорил Дэкстри, как бы выражая мысли товарища.

Они взглянули друг на друга и улыбнулись с тем взаимным пониманием, которое сильнее всяких слов.

Старик спустился в выемку, наполнил шайку землею прямо из-под ног рабочих и стал промывать ее в луже; окружавшие наблюдали за ловкими движениями, которыми он вертел шайку. Затем компаньоны высыпали осевший желтый осадок горкой, рассчитали его возможный вес и вновь радостно рассмеялись.

– Давно же я жду этого дня, – сказал старик. – Я перетерпел все ужасы пионерства от Мексики до Полярного Круга, но я не жалею об этом, так как теперь мы нашли настоящую жилу.

Пока они говорили, два рудокопа бились над большим камнем, только что вырытым ими из земли; вычистив и вымыв его, они, спотыкаясь, понесли его обратно к очищенному материку. Один из них

поскользнулся, и камень рухнул на скрепку, связывающую шлюзы. Чаны, поднятые выше человеческого роста над материком, поддерживаются сваями и наполнены проточной водой. Если бы один из шлюзов упал, то бурный поток вод унес бы осевшее золото, накопившееся в чанах, и затопил материк, вызвав тем самым катастрофу.

Компаньоны увидели, что ряд чанов закачался и нагнулся, но было уже поздно. Они не успели добежать до места катастрофы, когда „Оладья" Симмз с громким криком ринулся вниз по выемке и хватил шлюзный желоб. Высокий рост пришелся ему как нельзя кстати: вода била ключом из разъехавшихся желобов, он наклонился и головой приподнял их, придерживая их почти на прежнем уровне. Он дико размахивал руками, взывая о помощи; вода заливала его грязным ледяным потоком; она хлынула ему за сорочку и вздула широкие штаны; казалось, они вот-вот лопнут по швам, Дырявые сапоги его походили на два яростно бьющих фонтана, при этом он изрыгал неустанный поток сквернословия.

Однако его скоро вызволили, и он вылез торжествующий, хоть и весь посиневший и съежившийся; с его щетины струилась вода, сапоги хлюпали, а поток ругательств все еще рвался из его уст.

– Ну и парень, – шепнул Дэкстри. – Я считаю, что возможность слушать его есть особая привилегия. У него редкий дар.

– Подите, переоденьтесь в сухое платье, – предложили они ему, и „Оладья" направился к палаткам, приседая на каждом шагу, точно он ступал по битому стеклу.

– Ух, – рычал он. – Проклятые сапоги полны гравия. Он сел и принялся стаскивать сапог, который наконец поддался; затем, вместо того, чтобы вытряхнуть содержимое его куда попало, он высыпал его в пустую шайку Дэкстри и затем осторожно промыл ее. Туда же вытряхнул он и второй сапог. В сапогах оказалось удивительное количество осадка, так как струя, бившая из трещины, принесла с собою все сгустки песка и гравия, сосредоточившиеся в этом месте желобов. Большая часть воды, брызнувшей из них, попала „Оладье" за его широкий кушак, спустилась по линии наименьшего сопротивления в сапоги и вылилась из голенищ.

– Промойте, – сказал он. – Дело выгодное.

На дне шайки оказалась порядочная кучка, желтая и блестящая; она была так велика, что среди окружающих рудокопов раздались возгласы восхищения.

– Он набрал по сорока долларов на каждой ноге, – крикнул кто-то.

– Сколько хочешь за ногу, „Оладья"?

Старый рудокоп ухмыльнулся во весь свой беззубый рот.

– Друзья мои, золото лучше всего пристает к одеялам и к платью. Мне придется вымыть свою одежду и сполоснуть потом грязную воду, так как на моей особе сейчас на сто долларов золотого песку.

Он пошел к берегу, а остальные с песнями вернулись к работе. Позавтракав, Дэкстри оседлал свою лошадь.

– Я поеду в город за весами для золота. Вернусь к ужину, так что мы успеем сделать развеску между сменами. Судя по всему, мы должны намыть сегодня до тысячи унций.

Он поскакал вниз по ущелью, а компаньон его вернулся к выемке, где мелькали лопаты и слышался сдержанный гул работы, столь увлекшей его.

Было около четырех часов, когда он услышал возгласы, несущиеся из палаток, около которых остановилась группа всадников.

Подойдя к ним, Гленистэр узнал нотариуса Уилтона Струве и высокого элегантного приезжего из „Северной Гостиницы" – Мак Намара, человека с тяжелой рукой.

Струве немедленно обратился к Гленистэру.

– Вот что, Гленистэр, мы приехали проверить ваши права на этот участок.

– В чем дело?

– В прошлом месяце на него была сделана новая заявка.

– Да. Что же из этого?

– Голлоуэй подал на вас в суд.

– Участок принадлежит Дэкстри и мне. Мы нашли его, начали разработку, соблюдали все правила и считаем его нашей неотъемлемой собственностью.

Гленистэр говорил так пылко и убедительно, что Струве несколько растерялся, но Мак Намара, до сих пор молча сидевший на лошади, ответил за него:

– Все это так, сэр; если права ваши обоснованы, то вы найдете законную защиту. Так или иначе, в Аляске водворилась законность, и мы должны преклониться перед нею. В насилии нет никакой надобности. Вот вам в двух словах все положение дел: мистер Голлоуэй возбудил против вас дело; суд наложил арест на дальнейшую разработку вами участка до окончательного разбора дела. Это, конечно, необычайное распоряжение, но и обстоятельства в этой стране ведь тоже необычайные. Рабочий сезон столь короток здесь, что было бы несправедливо по отношению к законному владельцу вовсе приостановить работу на все лето. Дабы избежать этого, я получил полномочия и инструкцию взять на себя разработку, депонируя добытое золото в распоряжение суда. Разрешите представить вам судебного пристава Соединенных Штатов мистера Вуриза. Он вручит вам постановление суда.

– Подождите! – воскликнул Гленистэр. – Неужели вы хотите сказать, что найдется суд, который признает иск Голлоуэя.

– Закон признает все иски. Если иск его не обоснован, тем лучше для вас.

– Вы не имеете никакого права брать разработку на себя.

Слыханное ли дело подобный иск? Нам не присылали судебной повестки, и мы не имели возможности защитить свои интересы.

– Я вам только что говорил, что дело исключительное, и нам пришлось принять необычные меры, – ответил Мак Намара.

Молодой золотоискатель потерял терпение.

– Вот что. Золото никуда не убежит. Оно в безопасности в земле. Мы перестанем работать до окончательного решения суда. Не думаете ли вы, что мы откажемся от владения нашей собственностью по одному заявлению какого-то проходимца? Это просто смешно и этому не бывать. Вы должны по крайней мере разрешить нам защищаться в суде.

– Вы не единственные потерпевшие, – сказал Мак Намара. – Мы наложили арест на все окрестные прииски.

Он кивнул головой в сторону ущелья.

Пока он говорил, Гленистэр поспешно обдумывал положение и соображал, как ему вести себя в дальнейшем.

– Это дело надо обсудить в присутствии судьи Стилмэна, – сказал Струве, не подозревая о том, что творится в душе Гленистэра.

Юноша жаждал боя, – не словесной борьбы и юридических ухищрений, а настоящей физической драки с боксом и выстрелами. И он знал, что желание это вполне законно и естественно, ибо дело, поднятое против него, было неслыханным насилием. Он вспомнил слова Мексико-Мэллинза. И все же... Он медленно отодвигался, пока спина его не оказалась у входа в большую палатку. Посетители внимательно наблюдали за ним, несмотря на кажущееся равнодушие и спокойные позы. Когда он одним прыжком нырнул в палатку, где находились его сотрудники, которые могли поддержать его, он внезапно вспомнил судью Стилмэна и его племянницу.

Старик был, несомненно, честный человек. Разве доверилась бы ему в ином случае девушка? Едва ли тут могли иметь место какие-либо более серьезные махинации.

Покамест все было вполне законно, – решил он, перетряхнув все свои скудные юридические познания. Чего ради он будет лезть на рожон, он, единственный из всех золотоискателей. Никто не оказал сопротивления. Их права столь неоспоримы, что им с Дэкстри нечего бояться.

Нынче суды не обирают честных людей, – подумал он, и, быть может, Эллен была права, когда говорила, что он будет ей больше нравиться, когда перестанет быть драчуном, каким был в доброе старое время. Ясно, что вооруженное сопротивление против первого же постановления ее дяди не может ей быть приятным. Она говорила, что он слишком непосредствен, так вот он покажет ей, что может и не быть дикарем. Во всяком случае потеряно будет лишь несколько дней. Внезапно он услыхал из-за непритворенной двери негромкий голос „Оладьи" Симмза.

– Поддайся-ка немного в сторону, братец. У меня верзила на мушке.

Гленистэр увидел, что всадники схватились за кобуры, бросился к своему старосте, который шагнул через порог, прижав щеку к ложу винчестера и холодно поблескивая сузившимися глазами. Молодой человек вскинул кверху ствол ружья и вырвал его из рук старика.

– Не надо, Хэнк, – резко крикнул он. – Я скажу, когда нужно будет стрелять.

Он повернулся и увидал ряд направленных на него ружей в руках всех всадников, кроме одного. Алек Мак Намара сидел, равнодушный и веселый, покачивая головой в знак одобрения. Дуло ружья Хэнка было направлено именно на него.

– Довольно, довольно, – сказал он. – И этого достаточно, чтобы испортить все дело.

„Оладья" глубоко вздохнул, с отвращением отплюнулся и недоверчиво взглянул на своего хозяина.

– Изо всех дураков, какие есть на свете, – сказал он хрипло, – вы самый омерзительный.

Он гордо прошел мимо судебного пристава и его свиты по направлению к выемке, надел куртку и двинулся вниз по дороге, ведущей к городу, не удостоив ни одним взглядом копи и человека, не сумевшего отстоять их.

Глава VII

ЧТО ПОДСЛУШАЛ БРОНКО КИД

Во второй половине июля становится темно к полуночи, так что многочисленные огни, светящиеся в дверях и окнах, кажутся уже не такими ненужными и нелепыми, как месяцем раньше.

„Северная Гостиница" делала прекрасные дела. Только что открытый бар, стоивший сумму, равную военной контрибуции или ночному проигрышу клондайкского миллионера, сверкал ослепительной роскошью; хрустальные стекла переливались радугой и как бы отражали изменчивое настроение толпы, сновавшей взад и вперед, останавливавшейся у рулеток, либо устремлявшейся в глубину постройки – в театр.

Старая обстановка бара, когда-то привезенная на собаках по реке, была помещена в другом конце постройки, около самого входа в театр, и давала возможность театралам, хоть и с некоторыми неудобствами, наслаждаться одновременно и балетом и выпивкой.

Представление уже кончилось. Из зала вынесли стулья и сняли брезент с блестящего паркетного пола. Оркестр перебрался на сцену и заиграл залихвастский „ту-стэп". Любители танцев хлынули в зал.

Время от времени музыканты делали бешеное кресчендо: танцоры подхватывали мотив, все сливалось в дикий вой, достигавший по хроматической гамме верхней ноты, и барабанщик стрелял из кольта в ящик с сырыми опилками, стоящий рядом с ним. Все это проделывалось в такт с танцем.

Мужчины были по большей части молоды и танцевали с увлечением школьников, а женщины, такие же молодые и столь же искусные плясуньи, скользили по полу с легкостью мотыльков.

Лица раскраснелись, глаза блестели, и почти во всех голосах звучала радость. Шумели по большей части мужчины: и хотя на некоторых женских лицах можно было прочесть выражение усталости и даже грусти, в общем все же получалось впечатление неподдельного веселья.

Музыка внезапно прервалась, и парочки ринулись к стойке. Женщины пили прохладительные напитки, мужчины же по большей части поглощали виски. В общем, всякий пил, что хотел, хотя иногда какой-нибудь краснощекий любитель выпивки приставал к своей даме, требуя, чтобы она пила то же, что и он, присовокупляя: „что полезно мне, то должно быть полезно и вам". Дама неизменно соглашалась, а кавалер неизменно не замечал взгляда, которым она обменивалась с барменом. Тот молча и с величайшей ловкостью заменял виски в ее стакане имбирным элем, джин — чистой водой. Бармен брал по доллару с каждого мужчины, выдавая девушке чек, по которому она получала проценты. Наверху, в ложах с задернутыми занавесками, вино подавалось в запечатанных бутылках, так что дамы не имели возможности прибегать к обману; зато они получали за каждую бутылку чек на пять долларов.

Житель восточных штатов, впервые приехавший сюда, сразу же обратил бы внимание на прекрасный оркестр, затем на прелестные лица женщин, а потом уже на поношенные костюмы мужчин, из которых некоторые были в „муклуках"[1], другие в свитерах, с огромными вышитыми инициалами, все до одного — без воротничков.

В большом игорном зале было совсем мало женщин. Мужчины стояли толпой вокруг столов, где играли в „фаро", „колесо", „крайс", „Клондайк", „панчинги" и прочие игры. Они разговаривали о делах, о родине, о женщинах, покупали и продавали прииски и торговали всем, начиная с ветчины и кончая честью. Гладко причесанные, грязные, растрепанные и чистые люди стояли в тесноте, плечом к плечу, одинаково овеянные вольным духом золотых приисков, охваченные возбуждением.

---

[1] Род мокасинов.

Таинственный Север околдовал их всех. Хмельное вино авантюр бурлило в их жилах; они громко разглагольствовали о своих планах или с удивительной скромностью рассказывали о том, чего они уже достигли.

Бронко Кид – известный в качестве лучшего банкомета на всем Юконе, от Атлина до Нома, метал от восьми часов вечера до двух часов ночи. То был стройный человек лет тридцати, быстрый в движениях, редко улыбавшийся, говоривший мягким голосом и славившийся как покоритель женских сердец. В былые дни он вел самую крупную в здешних краях игру и не имел ни одного врага. Многие называли его другом, но втайне как-то чуждались его.

Игра была нынче серьезная для Кида; швед Сэм Даусона выбрасывал на стол одну пригоршню желтых фишек за другой: Сэм был игрок решительный и агрессивный.

Во главе стола сидел еврей, выложивший перед собой десять аккуратно сложенных кредиток и кучку более мелких денег. Он играл сердито и без системы; кроме него и шведа, играли еще человек пять, изредка ставивших по маленькой. За игрой было нелегко следить; ввиду этого крупье, сидевший на возвышении, наклонялся вперед, опершись подбородком на руку, а увлеченные зрители сгрудились вокруг играющих.

Игра в „фаро" для большинства – книга за семью печатями. Счастлив тот, кто никогда не пытался разрешить ее тайны и не играл по „беспроигрышным" системам.

Игра эта требует от настоящего игрока опыта, ловкости и уравновешенности. Банкомет одновременно должен сдавать карты и следить за меняющимися ставками, разбираться в аккуратно сложенных чеках и подсчитывать выигрыш и проигрыш с молниеносной быстротой.

Безошибочная машинная точность Кида в этом трудном деле создали ему славную репутацию. Он сдавал карты молчаливо и мрачно, скользя по ним длинными белыми пальцами.

Он был так занят игрой, что не заметил движения в толпе, вызванного появлением нового лица, близко подошедшего к нему и ставшего позади него.

Наконец, он прочел на лицах людей, сидящих напротив него, удивление и увидел, что игрок-еврей уставился маленькими черными глазами на кого-то и расплылся в восхищенную улыбку. Швед Сэм также смотрел мимо него из-под нависшей на глаза шевелюры, неуверенно трогая расстегнутую фланелевую рубашку в том месте, где полагалось быть воротничку. Стоявшие вокруг мужчины смотрели на новоприбывшего кто с удивлением, а кто и с приветливой улыбкой.

Бронко быстро оглянулся и чуть не поперхнулся – правда, только на мгновение. Позади него стояла девушка – так близко, что кружево ее платья касалось его рукава. Он уронил карту из колоды,

которую он как раз тасовал, потом кивнул девушке и спокойно сказал, нагибаясь, чтобы поднять карту:

– Здравствуйте, Черри.

Она не отвечала и продолжала рассматривать ставки.

„Что за женщина!" – подумал он.

Она была среднего роста, хорошо сложена, с высоким бюстом и длинной талией; ее изящную фигуру облегало прекрасно сшитое платье. У нее было продолговатое лицо, довольно большой рот, темно-синие большие глаза, с длинными шелковистыми ресницами. Тускло-золотистые волосы ее волнами ниспадали на уши, а улыбка ее, от которой на щеках образовывалось множество ямочек, открывала ряд блестящих зубов. Удивительнее всего в этом лице было выражение чистейшей девичьей невинности. Кид неловко стасовал карты и положил их в машинку. Вдруг женщина заговорила.

– Пустите меня на ваше место, Бронко.

Мужчины удивленно переглянулись, еврей ухмыльнулся, а крупье выпрямился на своем стуле.

– Не советую. Игра тяжелая, – сказал Кид.

Но она приказала ему властным тоном:

– Ну, скорее. Пустите меня.

Бронко встал, и она села на его место, подобрала платье, сняла перчатки и поправила бриллиантовые кольца на руках.

– Что за черт, – резко крикнул крупье. – Вы пьяны, Бронко. Уходите отсюда немедленно вниз.

Она медленно повернулась в его сторону. Черты ее лица потеряли невинное выражение, и большие глаза грозно загорелись. В ее лице произошла какая-то перемена: оно в одну секунду огрубело, веки ее презрительно опустились и губы злобно передернулись.

– Выбрось его вон, Бронко, – сказала она тоном, каким хозяин обращается к своему рабу.

– Не беспокойтесь, – сказал Кид крупье. – Она куда лучший банкомет, чем я. Это Черри Мэллот.

Не обращая внимания на любопытные взгляды, вызванные этим заявлением, девушка принялась за дело. Ее красивые, холеные руки так и летали над столом. Она быстро и безошибочно сдавала карты, с ловкостью человека, с юности привыкшего к этому делу, и орудовала фишками теми особыми жестами, которые приобретаются только долгим опытом.

Присутствующие заметили, что она ни разу не повернула головы в сторону чеков, но когда следовало платить, протягивала руку и брала соответствующую пачку, причем каждый раз безошибочно брала именно ту сумму, которая ей была нужна. Это считается идеалом профессиональной ловкости, и Бронко Кид радостно улыбался, видя всеобщее удивление, начиная с крупье и кончая всеми присутствующими, и слыша замечания мужчин, влезших

на стулья и столы для того, чтобы получше разглядеть женщину-банкомета.

Она метала банк около двадцати минут, пока комната не переполнилась выше всякой меры, причем крупье ни разу не удалось поймать ее на промахе.

Гленистэр вошел в гостиницу и протолкался в театр. Он был недоволен и сосредоточен и молча прошел мимо окликавших его знакомых.

– Что сегодня с Гленистэром? – спросил один из присутствующих. – Он какой-то странный.

– Разве вы не знаете? У него отняли „Мидас". Он страшно расстроен.

Девушка вдруг встала, не кончив сдачу.

– Не останавливайтесь, – сказал Кид, в то время как вокруг стола раздался недовольный ропот. Но она отрицательно покачала головой, со скучающим видом натянула перчатки, встала и смешалась с толпой.

На нее смотрели многие, но мало кто приветствовал. Она ни с кем не разговаривала; в ней чувствовалось какое-то достоинство, которое ограждало от каких бы то ни было посягательств толпы.

Внезапно она остановила лакея и стала его о чем-то расспрашивать.

– Он наверху в ложе, в галерее, – ответил лакей на ее вопрос.

– Один?

– Да, по крайней мере только что был один. Может, теперь к нему влез кто-нибудь.

Минуту спустя Гленистэр, наблюдавший сверху за залом, был выведен из мрачной задумчивости звуком захлопнувшейся двери ложи и шелестом шелковых юбок.

– Уходите, пожалуйста, – сказал он, не поворачиваясь. – Я не нуждаюсь в обществе.

Не получив ответа, он опять заговорил.

– Я пришел для того, чтобы посидеть в одиночестве.

Тут он остановился, потому что девушка подошла к нему и прижала две горячих руки к его щекам.

– Мой мальчик, – прошептала она, и он быстро встал.

– Черри! Когда ты приехала?

– Уже давно, – нетерпеливо сказала она. – Я приехала из Даусона. Мне сказали, что ты тут. Я ждала, сколько было мочи, и вот сама пришла к тебе. Ну, рассказывай про себя. Покажись скорее.

Она потянула его к свету и жадно глянула на него снизу вверх большими томными глазами. Она держала его за отвороты пиджака и стояла так близко к нему, что он ощущал ее теплое дыхание.

– Ну, что же, – сказала она. – Поцелуй меня.

Он взял ее за руки и отнял их от своей груди, потом сказал, серьезно глядя на нее:

– Нет. С этим все покончено. Я уже говорил тебе перед отъездом из Даусона...

– Кончено? Нет, мой мальчик! Это ты так думаешь. Ничего не кончено – и не может кончиться. Я люблю тебя. Я тебя не отпущу!

– Шш, – прошептал он. – В соседней ложе люди.

– Мне все равно. Пусть слушают, – воскликнула она с чисто женской отчаянностью. – Я горжусь моей любовью, я сама им всем скажу, всему свету скажу.

– Видишь ли, моя девочка, – сказал он спокойно, – мы уже имели с тобой длинный разговор в Даусоне и пришли к заключению, что нам лучше разойтись. Я тогда с ума по тебе сходил, как и другие, но в конце концов пришел в себя. Наши отношения ничем хорошим не могли кончиться, и я сказал это себе.

– Да, да, я знаю. Я думала, что забуду тебя, но только когда ты уехал, я поняла, как ты мне дорог. Как я мучилась эти два года.

Теперь нельзя было узнать той холодной женщины, которая только что входила в игральный зал. Голос ее дрожал от страсти.

– Я знала множество мужчин, и они любили меня, но я никого на свете не любила до того, как встретилась с тобой. Они добивались меня, а ты был равнодушен. Ты заставил меня прийти к тебе. Может быть, это-то меня и покорило. Так или иначе – я больше не в силах бороться с собой, я всем пожертвую, все сделаю ради того, чтобы быть подле тебя. Смотри, я прошу тебя как нищая. У меня нет больше гордости... Я дура... я дура... но я ничего не могу с собою поделать.

– Мне очень жаль, что так вышло, – сказал Гленистэр, – я не виноват, и все это ни к чему.

Она, дрожа, стояла перед ним, и свет угасал в ее глазах.

Но вдруг в лице ее произошла характерная перемена. Она улыбнулась, и ямочки появились на ее щеках. Она села и задернула занавеску.

– Хорошо, – сказала она, взяв его руку и прижав к своей щеке. – Я все-таки рада видеть тебя, и ты не можешь помешать мне любить тебя.

Он погладил свободной рукой ее волосы.

– Дела мои очень плохи сейчас. У нас отняли участок.

– Ба! Ты знаешь, что надо делать. Ты не калека. У тебя есть руки и ружье.

– Вот это самое говорят мне все старожилы, но я не знаю, что делать. Прежде я знал, а теперь не знаю. Я постарался пойти на соглашение с законом, с представителем его, по имени Мак Намара, крупным человеком. Дэкса не было, и я допустил их на участок. Когда же Дэкс узнал об этом, он чуть не лишился рассудка, и мы впервые поссорились. Он думал, что я испугался.

– Не может быть. Я знаю его, а он знает тебя.

– Это случилось на прошлой неделе. Мы наняли лучшего адвоката в Номе, Билла Уилтона, и пытались добиться снятия ареста. Мы предлагали какой угодно залог, но судья не принимает его. Мы требовали апелляции, но он отказал нам. Дела идут все хуже и хуже. Нам даже не дали возможности защищаться. Просто посадили к нам инспектора, руководящего работами, и дело с концом. Говорят, что с точки зрения закономерности это сущее безобразие, но что делать! Чего они добиваются? Вот что меня интересует. Я совсем убит, потому что сам кругом виноват. Если бы знал, что дело повернется таким образом, я не отдал бы своей собственности без борьбы и хотя бы в тот первый раз прогнал их. Компаньон мой от огорчения запил – впервые за двенадцать лет. Он говорит, что я проворонил прииск и теперь должен найти способ вернуть его. Он готов разорвать судью в клочки.

– Не имеют ли они зуб лично против тебя и Дэкстри? – спросила она.

– Нет. Мы не единственные потерпевшие; они точно так же забрали и остальные богатые участки, и Мак Намара повсюду назначен инспектором. Впрочем, от этого мне нисколько не легче. Шведы в ярости; они наняли всех лучших адвокатов в городе и ругаются на отчаяннейшем американском жаргоне. Дэкстри хочет собрать всех наших друзей и выбросить вон инспектора. Ему до смерти хочется кого-нибудь укокошить, но этого никак нельзя допустить, так как у них есть солдаты, на поддержку которых они могут рассчитывать. Нас предупредили, что войскам отдан приказ силой оружия защищать постановление суда. Я не понимаю, к чему клонится весь этот заговор, так как не верю в продажность старика-судьи. Девушка не допустила бы его до этого.

– Девушка?

Черри Мэллот наклонилась вперед, чтобы как следует разглядеть обеспокоенное лицо юноши.

– Девушка. Какая девушка? Кто она такая?

В голосе ее уже не было прежней ласковой томности, и губы ее сжались. Какое красноречивое лицо. На нем так ярко выражается вся гамма ее переживаний от любви до ненависти. Как легко менялось оно в былые дни в зависимости от его прихоти.

„Чудесный, избалованный маленький зверек, и притом очень опасный", – подумал Гленистэр.

– Какая девушка? – повторяла она.

– Та, на которой я хочу жениться, – медленно сказал он, глядя ей прямо в глаза.

Он понимал, что он жесток, и действовал сознательно. Это успокаивало его взволнованные нервы. Кроме того, он знал, что чем раньше и скорее она узнает его решение, тем лучше будет для нее. Он не успел убедиться в впечатлении, произведенном его словами, так как дверь распахнулась, и в ложу просунулась голова Бронко Кида, тут же принесшего извинения.

— Ошибся ложей, — проговорил он с обычной своей медлительностью и исчез, успев однако увидеть взволнованное лицо женщины и услышать последние слова Гленистэра.

— Ты не женишься на ней, — сказала Черри спокойно. — Я не знаю ее, но я не дам тебе жениться на ней.

Она встала и оправила платье.

— Приличным людям пора домой, — сказала она с усмешкой. — Проводи меня. Я веду тихий образ жизни и не хочу, чтобы эти животные шли за мной.

Солнце только что встало, когда они вышли из театра, и утренний воздух был тих и свеж. Они прошли мимо Бронко Кида, закурившего сигару и слегка кивнувшего головой в ответ на их приветствие. Он следил за ними глазами, причем руки его оставались неподвижными, пока пламя спички не обожгло его пальцы; когда же они скрылись из виду, он стиснул зубы и перекусил сигару, которая упала на землю.

— Так вот на ком ты хочешь жениться! — пробормотал он. — Посмотрим!

Глава VIII

ДЭКСТРИ ЗОВЕТ НА ПОМОЩЬ

Берег моря неудержимо привлекал Эллен Честер, и редко проходил день, чтобы она не находила на набережной укромный уголок, откуда можно было наблюдать за оживленным движением на берегу, за кораблями, стоящими на море, и за величественным прибоем.

Однажды утром она сидела в лодке, вытащенной на берег, греясь в лучах солнца и глядя на набегавшие волны. Она была погружена в глубокую задумчивость. После нескольких дней бурной погоды наступило затишье, и крючники готовились отплыть к кораблям и вновь взяться за прерванную работу.

Только накануне она узнала о несчастии, постигшем ее друзей, и хотя ей в голову не могло прийти, что здесь кроется какой-нибудь обман, она все же понимала, что они попали в очень неприятную историю. На ее расспросы дядя отвечал, что вся эта история возникла вследствие какой-то путаницы в деталях золотопромышленного законодательства, которой воспользовалось какое-то ловкое лицо для предъявления своих прав на участок.

— Вопрос запутанный, — говорил он. — С ним придется повозиться, чтобы вынести более или менее справедливое решение.

Она напомнила ему о том, что эти люди сделали для нее, но он улыбнулся и прервал ее:

– Все это так, но подобные вещи не должны влиять на мои решения в качестве судьи, и ты не должна пытаться воздействовать на меня в этом направлении.

Поняв справедливость его слов, она замолчала.

Эллен уже часто приходилось слышать кое-какие обрывки разговоров судьи с Мак Намарой и Струве с его соратниками, но она плохо разбиралась в них. Она понимала только то, что речь идет о какой-то тяжбе по поводу приисков на Энвил Крике; она, собственнно, и слушала-то довольно невнимательно, так как в жизни ее появился новый интересующий ее фактор – Мак Намара.

Сначала он выказывал только сдержанное восхищение, но в последнее время восхищение это неудержимо возросло.

Судья Стилмэн был откровенно доволен; с другой стороны, ухаживание такого человека как Алек Мак Намара могло только польстить любой девушке.

В его присутствии Эллен чувствовала себя очень неловко, а когда он уходил, думала о нем и его ухаживаниях с большой благосклонностью. Ее отношения к Мак Намаре странно противоречили ее отношениям к другому встреченному ею человеку. В этой стране для нее существовали только двое мужчин.

Присутствие Гленистэра, его откровенная любовь очаровывала и невольно сближала ее с ним, тогда как без него она вновь ощущала страх перед диким зверем, которого она угадывала в нем. Сегодня она пыталась привести свои мысли и чувства в порядок, так как чувствовала, что приближался кризис. Она не знала, может ли она полюбить друга своего дяди. В том, что того, другого, она не полюбит никогда, она была вполне уверена.

Очнувшись от своих мыслей, она увидала бесцельно бродившую по берегу знакомую фигуру Дэкстри. Вид у него был довольно унылый. Он подошел к ней, сел на песок и немедленно стал рассказывать ей о своем несчастье:

– Меня не было и мальчик провалил все дело. Я все эти дни пьянствую; потому-то я и выгляжу так скверно.

Сказал он это отнюдь не для того, чтобы оправдать себя – на Севере это считается излишним, – а просто повествуя о мелком, обыденном происшествии.

– А почему они захватили вашу заявку?

– Не знаю, я ни черта не понимаю в крючкотворстве. Я решил временно ни во что не вмешиваться, а если мальчик не сумеет выпутаться, тогда я уж сам примусь за дело. Это напоминает мне те времена, когда я работал на ранчо с одним молодым англичанином из штата Монтана, имевшим несчастье быть „младшим сынком"; его семья отправила его на ранчо с представлениями о жизни на Западе, почерпнутыми из рассказов Брет-Гарта, и знанием скотоводства, приобретенным в школе. Он считал, что знает все лучше нас, туземцев. Я был у него старостой и быстро понял, что он

славный парень, несмотря на его бриджи и монокль. Он понятия не имел о том, что такое жизнь, и повсюду таскал с собою книжку Генри Сетон-Томпсона, из которой черпал все сведения о животных, начиная с полевых мышей и кончая гориллами. В те дни нас очень беспокоили койоты, и в конце концов этот молодец послал в Монтану за парой русских волкодавов. Я советовал отравить овечий труп, но он заявил: „Нет, нет, дорогой мой. Это недостойно истинного спортсмена. Мы будем охотиться на них. Подумайте, как хороша будет охота с собаками". „К чертям, – говорю я. – Не желаю я заниматься детской игрой. Вы англичанин, и потому в счет не идете. А я человек взрослый". Он все-таки настоял на этих собаках и выписал их не то из Беркшайра, не то из Сибири: было их четыре штуки – огромные, сизые зверюги. Они были внушительны и красивы, как золотая вставная челюсть, но почему-то не могли ужиться у нас. Однажды повар выкатил бочку для дождевой воды из кухни, и когда псы увидели ее, они поджали хвосты и бросились бежать как зайцы. С тех пор я окончательно разочаровался в них. „Они трусы, – говорю я ему как-то. – Откуда вы взяли, что они умеют драться?" „Драться, – отвечает англичанин. – Дорогой мой, да ведь это кровные животные. Они стоят по семидесяти фунтов каждый. Если разозлить их, то они становятся сущими дьяволами. Они способны растерзать волка или медведя". Короче говоря, через неделю мы с ними пошли на западную границу ранчо чинить проволочное заграждение. Со мною были клещи, топор и скобы. Пройдя около мили, мы наскочили на небольшого, коричневого медведя. При виде нас он бросился бежать, но скала преградила ему путь, и он забрался на хлопковое дерево. Англичанин был вне себя от возбуждения. „Какое несчастье! Ни собак, ни ружья!" „Я поглажу его по спинке и поболтаю с ним, пока вы сбегаете за винчестером и вашими свирепыми бульдогами". „Волкодавами, – поправляет он меня с важным видом. – Кровными и стоящими по семидесяти фунтов каждый. Они разорвут бедное животное на части. Мне жаль его, но для них это будет полезным упражнением". „Может они и чудные псы – говорю я, – но вы на всякий случай захватите ружье". „Ладно". Стою я и кидаю палки в медведя, когда он делает попытку слезть с дерева. Наконец, является хозяин с собаками. Собаки поднимают жуткий вой, завидев медведя – по-видимому, они видят его впервые, – мишка лезет на самый верх дерева и испуганно наблюдает за ними, а они прыгают кругом и лают самым кровожадным образом. „Как вы заставите его слезть?" – говорю я. „Я подстрелю его в нижнюю челюсть, – говорит англичанин, – чтобы он не мог кусать собак. Это прибавит им храбрости". Он целится и стреляет три раза подряд и все мимо, до того он возбужден.

„Будет, – говорю я. – У него ведь не двойной подбородок. Сколько у вас осталось патронов?"

Оказывается, остался всего один.

„Вы целитесь слишком низко, – говорю я ему. – Поднимите ружье выше".

Он поднимает ружье и попадает мишке в морду. Тут начинается такой кавардак, что и не описать.

Несчастный медведь издает дикий рев, срывается с ветки прямо на страшных, беснующихся, семидесятифунтовых волкодавов и душит их одного за другим, словно проделывая гимнастические упражнения. Он прижимает их к своей груди, точно он только что встретился с ними после долгой разлуки, потом, расправившись с последним псом, набрасывается на „младшего сынка" и принимается за его ногу.

Что вам сказать? Он почти отгрыз ее. Англичанин испускает вой на манер чистокровного сибирского волкодава, я вступаюсь за него и убиваю медведя топором, хотя еле держусь на ногах от смеха. Та же самая история происходит теперь со мной и Гленистэром. Когда ему наскучит эта новая игра в законность, я вмешаюсь и ликвидирую это дело на благоразумных началах.

– Вы говорите так, как будто бы с вами обошлись несправедливо, – сказала Эллен.

– Вот именно, – ответил он убежденно. – Я отношусь ко всем законностям весьма недоверчиво, не исключая и этого бритого старикашки, вашего дяди. Извините, пожалуйста. Да что тут извиняться. Ведь я вам друг, а он вам седьмая вода на киселе. Нет, милая моя. Все они никуда не годятся.

Как и все жители Запада, Дэкстри был одержим недоверием к профессиональным юристам, недоверием глубоким, нерассуждающим и непоколебимым.

– А у вас есть еще родственники, кроме него? – спросил он, видя, что девушка не склонна продолжать разговор на эту тему.

– У меня есть брат, или, вернее, я думаю, что у меня есть брат. Он убежал, когда мы были еще совсем детьми, и с тех пор я не видала его. Я имела известия о нем через третье лицо три года тому назад – будто он во время первого массового движения на Клондайк был в Скэгвей. Домой он во всяком случае ни разу не возвращался. Я переехала жить к дяде Артуру после смерти отца. Я все надеюсь найти брата. Это жестоко с его стороны так прятаться от меня, – я всегда так любила его.

Оба сидели, печально глядя на волнующиеся зеленые волны. Грустные размышления сблизили их.

– Хорошо еще, что у нас с мальчиком было немного денег про запас, – вновь заговорил Дэкстри, возвращаясь к мучившему его вопросу. – Если бы не это, нам пришлось бы плохо, и мальчик не мог бы забавляться этими дорогостоящими юридическими игрушечками. Я лично считаю их роскошью, вроде шелкового белья и консервированных персиков. Нас спасло то, что я доверяю банкам

не более, чем юристам. Я купил стальной сейф и притащил его на прииски. Он весит тысячу восемьсот фунтов, и мы держим в нем свои деньги. И сейчас его сторожит человек, по имени Джонсон. Его не так-то легко украсть, а для того, чтобы взорвать его, надо такое количество пороха, что взрыв будет слышен за пять миль. Это безопаснее... Тут уже не может быть никаких проворовавшихся кассиров, ни прочих штук. Завтра я переселяюсь на прииски и начинаю наблюдать за этим инспектором до окончательного решения дела.

Эллен поднялась, он пошел проводить ее по песчаному переулку до грязной главной улицы поселка. Тогда еще не существовало ни дощатых, ни булыжных мостовых, и беспрерывное движение превратило улицу города в липкое болото шоколадного цвета. Люди увязали в этом болоте по щиколотку, а магазинные вывески, окна и ставни были сплошь забрызганы грязью. Завидев какую-нибудь повозку, пешеходы спасались в первый попавшийся подъезд и там дожидались возможности двинуться дальше. Стоило повозке в свою очередь свернуть с относительно безопасной главной улицы в боковой переулок, представлявший собою настоящую трясину, как она немедленно попадала в ужаснейшую переделку: лошади выбивались из сил, храпели, фыркали, и в воздухе носилась жуткая брань. Измотанные животные то и дело падали, а пешеходы – даже те, что были в болотных сапогах – не рисковали сойти с досок, проложенных от одного дома к другому.

Не желая попасть под фонтан грязи, брызгавшей из-под колес встречной повозки, Дэкстри увлек девушку в подъезд „Северной Гостиницы" и встал перед ней, прикрывая ее своей особой.

Несмотря на позднее время, Бронко Кид только недавно встал и теперь прогуливался в ожидании часа, когда он сможет приступить к исполнению своих обязанностей.

Когда Дэкстри с девушкой вошли в подъезд, он разговаривал с хозяином бара и, пока она с любопытством разглядывала обстановку гостиницы, он успел изучить ее лицо.

Она впервые видела игорный притон и с удовольствием познакомилась бы с ним поближе, но спутник ее двинулся дальше.

Когда они вышли, Кид обратился к Рейли:

– Кто это?

Рейли пожал плечами; тогда Кид молча повернулся и вышел черным ходом.

Сначала он шел не торопясь, но когда оказался на улице, побежал с резвостью жеребенка по узким доскам, тянувшимся вдоль домов, прыгая с доски на доску и шлепая по лужам. Добежав до первого переулка, стряхнул грязь с сапог, затем нахлобучил „сомбреро" на самые брови и вновь неторопливой походкой вышел на главную улицу.

Дэкстри и Эллен перешли на другую сторону и теперь шли ему навстречу, так что он мог хорошенько разглядеть их. Он впился внимательным взглядом в лицо и фигуру девушки, но, когда она в свою очередь взглянула на него, сгорбился и шмыгнул мимо. Потом он вновь повернулся и шел за ними до тех пор, пока мужчина, сопровождавший девушку, не распрощался с ней; произошло это у дверей новой гостиницы.

Через полчаса он уже сидел за стаканом вина в баре „Золотые Ворота" и разговаривал со своим знакомым, служащим гостиницы.

– Кто эта девушка, которая только что вошла? – спросил он.

– Вы говорите о племяннице судьи?

Они разговаривали вполголоса, как и полагалось людям их профессии.

– Как ее фамилия?

– Кажется, Честер. А что? Она вам нравится, Кид?

Тот сосредоточенно молчал, но собеседник его принял это молчание за знак согласия и продолжал разглагольствовать, бросив самодовольный взгляд на собственное отражение в зеркале и поправив бриллиантовую булавку у себя в галстуке:

– Ну, что же. Меня она может иметь. Я решил познакомиться с нею.

– Не советую, – внезапно сказал Кид таким тоном, что его собеседник вздрогнул и сразу увял.

Когда Кид вышел, он подумал про себя:

„Фу! Бронко самый неприятный человек во всем лагере. Меня мороз по коже продирает от его взгляда. Можно подумать, что он приревновал меня".

Когда Дэкстри на следующий день собрался идти на участок, к нему ворвался его компаньон. Вид у Гленистэра был взволнованный, и глаза его горели от возбуждения.

– Как ты думаешь, что они сделали? – закричал он.

– Не знаю. А что?

– Взломали сейф и взяли наши деньги.

– Что такое?

Старик в мгновение ока вскочил на ноги. Он все последние дни дулся на Гленистэра, но теперь перед лицом общего несчастья он забыл о личных счетах.

– Да. Они свиснули наши деньги, палатки, инструменты, книги, брезентовые рукава, все наши личные вещи – все. Они прогнали Джонсона и захватили весь прииск. Черт знает, что такое. Я отправился на участок, но они даже не подпустили меня к работам. Та же самая история и с другими приисками на Энвил Крике, они не позволяют нам присутствовать при взвешивании. Так они мне заявили сегодня.

– Слушай! – резко сказал Дэкстри... – Деньги в сейфе привезены нами из Штатов и являются нашей личной собственностью. Суд не имеет никакого права на них. Это еще что за чертов закон.

– О, что касается закона, то о нем уже перестали упоминать, – злобно сказал Гленистэр. – Я сделал глупость, что не убил первого же из них, вступившего на наш участок. Я вел себя как новорожденный младенец, а теперь мы попали в гнуснейшую историю. Шведы не в лучшем положении, чем мы. Они совсем растерялись после последнего постановления.

– Я все еще ничего не понимаю, – сказал Дэкстри.

– Судья издал так называемое „постановление", расширяющее права инструктора и уполномачивающее Мак Намару вступить во владение всем имуществом на участках – палатками, инструментами, запасами и личным имуществом всякого рода. Постановление это, по словам Уилтона, вышло вчера вечером без извещения другой заинтересованной стороны, в данном случае – нас. Я пошел поговорить с Мак Намаром и нашел его в нашей палатке перед сломанным сейфом.

– Что это означает? – спросил я. – Тогда он показал мне новое постановление. „Я отвечаю перед судом за каждый грош этих денег, – сказал он, – за каждый инструмент на участке. Ввиду этого я не могу позволить вам подходить близко к разработкам". „Подходить к разработкам? Вы не хотите позволить нам присутствовать при взвешивании золота на нашем собственном прииске? Как же мы будем знать, честно ли ведется дело?" „Я – представитель суда и несу ответственность перед судом", – заявил он и при этом улыбнулся с таким торжествующим видом, что я положительно озверел. „Вы лживый вор, – сказал я, глядя ему прямо в лицо. – Но вы зарвались. Вам удалось надуть меня раз, но теперь уже этот номер не пройдет".

Он скроил обиженную и огорченную мину и позвал судебного пристава Вуриза. Я не могу понять, в чем дело. Все настроены против нас: и он, и пристав, и судья – все до одного. И при этом они утверждают, что закон соблюден во всей строгости, и грозятся в случае чего вызвать солдат.

– Это самое и говорил Мексико-Мэллинз, – яростно крикнул Дэкстри. – Тут что-то не так. Ну-ка я сам схожу в гостиницу к судье. Я никогда не видал ни его, ни Мак Намары, а мне обязательно надо хоть раз взглянуть человеку прямо в глаза, чтобы знать, как вести себя с ним.

– Ты как раз застанешь их обоих, – сказал Гленистэр. – Мак Намара поехал в город вслед за мною.

Старый пионер направился в гостиницу „Золотые Ворота" и спросил, где помещается судья Стилмэн.

Мальчик в прихожей попытался спросить, как его зовут, но старик взял его за шиворот, с размаху посадил на стул и последовал в указанном направлении. Услыхав голоса в комнатах судьи, он постучал в дверь и вошел, не ожидая приглашения.

Комната была меблирована наподобие конторы: в ней стоял

большой с пишущей машинкой стол; другой стол был завален томами Свода Законов. С двух сторон вели двери в соседние комнаты. Двое мужчин оживленно разговаривали; один из них был сед, гладко выбрит и походил на пастора, другой же был высок, элегантен и самоуверен.

Золотоискатель сразу узнал в них именно тех людей, с которыми он пришел поговорить, и понял, что ему придется иметь дело только с одним из них, с высоким человеком, глядевшим на него в упор.

– Мы заняты, сэр, – сказал судья, – очень заняты. Не зайдете ли вы через полчаса?

Дэкстри внимательно оглядел его с головы до ног, затем повернулся к нему спиной и воззрился на другого. Мак Намара и он молча и пристально разглядывали друг друга, инстинктивно чуя, что они враги.

– Что вам надо? – спросил, наконец, Мак Намара.

– Я так себе, просто зашел познакомиться с вами. Меня зовут Дэкстри, Джо Дэкстри. Это имя многим знакомо к западу от Миссури. А вас зовут Мак Намара. Не так ли. А это, как видно, ваш ученый французский пудель, а? – ткнул он пальцем в Стилмэна.

– Что это значит? – спросил Мак Намара.

Судья возмущенно шепнул ему что-то.

– То самое, что я сказал. Впрочем, я не об этом пришел говорить. Я не признаю никакого лишнего баласта – ни судей, ни адвокатов, ни судебных постановлений. Они годятся для детей, жителей восточных штатов и тому подобных людей, а я всегда был сам себе судьей, присяжным и палачом и собираюсь и впредь быть собственной своей законодательной, судебной и прочей палатой до конца своих дней. Берегитесь! Мой компаньон молод и ему, как видно, нравится, что посторонние люди суют нос в его дела. Я временно хочу отпустить ему вожжи и позволить ему поиграть с вашими постановлениями и прочей гнусью. Но смотрите, не зарывайтесь. Можете обворовывать шведов: им и не полагается иметь много денег. Все равно, не вы, так другой мошенник выпотрошит их. Но боже вас упаси думать, что мы с Гленистэром похожи на них. Это злейшая ошибка. Мы – бедные, и я могу явиться сюда вот с эдакой штучкой и разнести вас на столько кусков, что к похоронам вас и склеить не удастся.

С этими словами Дэкстри сделал почти незаметное движение плечом, и в руке у него оказался шестизарядный револьвер. Он вынул его из кармана штанов с ловкостью, свидетельствовавшей о многолетней практике.

Судья Стилмэн в ужасе разинул рот и попятился к конторке. Но Мак Намара продолжал лениво покачивать ногою, сидя боком на столе. Только по блеску его глаз можно было сказать, что он заинтересован происходящим. Дэкстри мысленно отметил это обстоятельство.

– Да, – сказал он, не обращая ни малейшего внимания на судью. – Если вы не оставите меня в покое, то я как-нибудь спущу курок этой штучки, вот и все.

Он спрятал револьвер, повернулся и вышел из комнаты.

Глава IX

ПРИИСКОВЫЕ ХИЩНИКИ

– Надо достать денег, – говорил Гленистэр несколько дней спустя. – Мак Намара совсем обезоружил нас, захватив наш сейф.

На суд уже нельзя надеяться. Судья не принимает никаких залогов и не дает нам самим разрабатывать участка. Он говорит, что его постановления не подлежат обжалованию. Надо бы послать Уилтона в Сан-Франциско, пусть он там подаст жалобу в высшую инстанцию. Быть может, он добьется предписания об отсрочке.

– Ну, и что ж из этого выйдет?

– А то, что верховный суд велит здешнему суду прекратить дело и сам будет судить нас.

– Ну, так надо скорей посылать Уилтона. Мы ежедневно теряем по тысяче долларов. Его поездка продолжится около месяца. Он мог бы отправиться на „Роноке".

– Конечно, но где достать на это денег. Нет, ты подумай, до чего мы одурачены, Дэкс. Тут – совершенно явно – заговор. К сожалению, я понял это слишком поздно. Этот Мак Намара грабит весь наш край под маской законности и рассчитывает выжать все золото из приисков до того, как мы успеем вышвырнуть его отсюда. Вот к чему он стремится. Он будет изо всех сил разрабатывать участки и черт знает, куда денутся наши деньги. У него должна быть сильная поддержка, если он сумел до такой степени забрать в руки судью Соединенных Штатов. Может, у него и в Сан-Франциско весь суд на откупах.

– Если это так, то я убью его, – сказал Дэкстри. – Я работал как собака всю жизнь, а теперь, когда я нашел клад, я не намерен терять его. Если Билл Уилтон не сумеет выиграть дело законным путем, то я пойду путем справедливости.

Последние два дня компаньоны провели в зале суда, где адвокаты их и скандинавцев спорили и доказывали, пуская в ход все профессиональные и не профессиональные уловки, чтобы добиться отмены незаконных постановлений суда.

И все время в них крепло подозрение, что они имеют дело с каким-то темным комплотом, тайно поддерживаемым судьей и всем судебным механизмом. Они боролись с яростью погибающих людей; в них все росла ненависть к бабьему лицу Стилмэна, к наглой болтовне окружного стряпчего, к фамильярно ухмыляющимся

судебным чиновникам. Они видели и сознавали, что все они только игрушки в руках Мак Намара.

Их так запутали техническими терминами, так замотали, что они потеряли способность соображать что-либо, кроме одного, что их дело безнадежно, что участки их будут разрабатываться инспектором и впредь и, что всего хуже, что суд в полном составе выезжает на месяц в Сент-Майкел и до его возвращения не будет слушаться ни одно дело.

Тем временем Мак Намара набрал всех безработных в Номе и работал в две смены. Струя желтого песка безостановочно текла в банк и исчезала в его подвалах, а те владельцы приисков, которые пытались присутствовать при взвешивании суточной добычи, немедленно изгонялись с приисков. Политический деятель работал необычайно систематически и невероятно быстро. Через две недели после приезда он осуществил хвастливое замечание, данное им Струве, и фактически оказался владельцем всех самых богатых приисков. Старые хозяева были изгнаны, жалобы их отклонены судом, а сам суд уехал на месяц, предоставив ему распоряжаться по своему усмотрению.

Он презирал большинство своих жертв – тупоголовых шведов, не сумевших понять, к чему он стремится.

Что же до тех, кто понимал всю преступность, безобразие его действий, то он надеялся на мощность своей организации.

Компаньоны поняли, что бьются головой об стену и что без гроша денег немыслимо продолжать борьбу. Их приводила в ярость мысль об убытках, которые они несли ежедневно, ибо „Мидас" давал массу золота на каждую смену; еще нестерпимее было сознание, что инспектор окончательно обезоружил их кражей денег из сейфа. Это было последним ударом.

– Мы должны достать денег, – сказал Гленистэр. – Как ты думаешь? Нельзя ли где-нибудь сделать заем?

– Заем? – Дэкстри фыркнул. – В Аляске никто не занимается займами.

Вновь воцарилась грустное молчание.

– Сегодня я встретил человека, работающего на „Мидасе", – продолжал старик. – Он говорит, что они добрались до такого богатого слоя, что им приходится прочищать по утрам желобы после ночной смены, так много в них оседает золота.

– Подумайте только, – прорычал Гленистэр. – Если бы у нас была хоть часть этого золота, мы могли бы послать Уилтона в Фриско.

Внезапная мысль осенила его. Он хотел было заговорить, но ничего не сказал; его компаньон смотрел на него взглядом в котором горел мрачный огонь.

– Нынче в полночь там в шлюзах будет тысяч на двенадцать золота, – сказал Дэкстри, понизив голос.

Гленистэр уставился на него. В словах старика звучало нечто такое, что заставило его сердце лихорадочно забиться.

– Оно принадлежит нам, – сказал он. – В этом не было бы ничего нечестного.

Дэкстри насмешливо хмыкнул.

– Честно. Нечестно. Слишком высокопарные слова для такой грязной истории. Какой в них смысл? Говорю тебе, сегодня в полночь Алек Мак Намара завладеет двенадцатью тысячами наших кровных денег.

– Господи! А что, если они нас поймают, – прошептал молодой человек. – Они ни за что живьем нас с участка не выпустят. Для них это был бы самый удобный случай избавиться от нас раз и навсегда. Если же нас потянут в суд, то судья Стилмэн сошлет нас в Ситка на двадцать лет.

– Факт! Но это единственный исход. Я лучше умру на „Мидасе" в открытом бою, чем сидеть здесь и грызть ногти от ярости. Я уже стар; едва ли я успею сделать другую заявку. А насчет того, поймают ли нас, так это дело случая; я не собираюсь даваться им живым в руки, а до тех пор я еще успею подраться с ними в полное свое удовольствие. В конце концов такая драка – лучшее утешение, выпадающее на долю человека в этой долине слез. Это будет бой на открытом воздухе, под ясными звездами; чистый влажный мох будет ложем; это куда лучше, гнусных словопрений и жонглирования законами в вонючем зале суда. Карты стасованы, друг, и игра начинается. Если нам суждено выиграть, то мы выиграем, а если нет, то проиграем. Все это предрешено тысячу лет тому назад. Идем, мальчик. Хочешь?

– Хочу ли я? – Ноздри Гленистэра раздулись, и голос звучал громче. – Хочу ли я? Я с тобою до окончательного расчета, и да помилует бог того человека, который станет нам поперек дороги сегодня ночью.

– Нам нужен еще третий, – сказал Дэкстри. – Кого бы нам взять?

В этот же миг, как бы в ответ на его вопрос, без предварительного стука, составляющего отличительную черту жителей севера, в комнату протиснулся тощий, большеголовый „Оладья Симмз" в ветхом своем костюме. Дэкстри ринулся на него, как голодный волк.

* *
*

Была полночь. Миллионы звезд заглядывали через вершины гор в темную долину, и на южном небосклоне смутно мерцало сияние; казалось, то пламенел костер, лижущий огненными языками котел

золотого бога, или Берингово море восстало и разлило свои искрящиеся воды по небу. Хотя ночи с каждым днем становились длиннее, все же еще не было надобности в искусственном освещении для работы на выемке. В течение двух часов было, пожалуй, трудно увидеть что-нибудь на далеком расстоянии, но заря занималась рано и потому на приисках не находили нужным запасаться факелами.

За пять минут до конца работ староста ночной смены открывал ворота запруды, стремительный бег воды из шлюз утихал, рабочие бросали работу и поднимались по скалистому берегу к становой палатке. Жилые помещения „Мидаса" находились на некотором расстоянии от „Крика", так что место работы было частично скрыто нависающим выступом крутого берега.

Существует обычай оставлять сторожа на выемке на время обеда и ужина. Делается это не только в целях охраны прииска от чьих-либо посягательств, но и для наблюдения над шлюзами. Ночной сторож на „Мидасе" был предупрежден о том, какая на нем лежит ответственность, и, зная, что на его попечении находится большое количество золота, смотрел на каждого прохожего весьма недоброжелательно. Поэтому он немедленно вперился взором в человека, вынырнувшего из темноты у берега ручья и тащившего под уздцы нагруженную лошадь. Дорога пролегала совсем близко от шлюз, но путник не обращал на них никакого внимания, и сторожу бросилось в глаза, что он шел очень утомленной походкой.

– Какой-нибудь старатель, возвращающийся с разведки, – решил он.

Незнакомец остановился, зажег спичку, и, пока он разжигал трубку, сторож заметил, что у него черное, как вакса, лицо негра. Спичка потухла, и незнакомец нетерпеливо выругался, ища другую.

– Добрый вечер, сэр. Не дадите ли вы мне спичку, – обратился он к сторожу, стоявшему над ним на краю обрыва и, не дожидаясь ответа, начал карабкаться наверх.

Нет такого курильщика, который способен был бы отказать в огне даже самому ничтожному человечишке, и, когда негр беспрепятственно добрался до сторожа, тот протянул ему спичку.

Внезапно черный человек прыгнул вперед, точно дикий зверь, и нанес ему страшный удар. Сторож упал, издав слабый крик; африканец перетащил его за выступ берега, связал его там по рукам и ногам и заткнул ему рот тряпкой.

Одновременно внизу за поворотом показались еще два силуэта, которые приблизились к нему. Оба были верхом, и вели под узцы третью, оседланную, и еще несколько вьючных лошадей.

Доехав до места работ, они спешились и занялись довольно странным делом: один из них влез на шлюзы и стал киркой выбивать скрепы из желобов. Это дело отняло у него не больше двух-трех минут; затем он взял лопату и стал перекидывать осадок,

находившийся в шлюзных чанах, в парусиновые мешки, переданные ему товарищем.

По мере наполнения мешков их завязывали и бросали на землю. Таким образом они опорожнили четыре чана, оставив нетронутыми нижние две трети шлюз, так как золото на Энвил Крике крупное и главные массы его осаждаются в верхних желобах.

Они собрали мешки, погрузили их на вьючных лошадей, затем взобрались на второй ряд шлюз и вновь принялись за работу.

Они работали с лихорадочной быстротой и в полном молчании, ежеминутно поглядывая на оставленного ими на высоком краю берега товарища, карабкающаяся фигура которого еле виднелась в тени вербной заросли. Судя по быстроте и верности их движений, они были опытными рудокопами.

Из палатки доносились голоса ужинавшей ночной смены и смутный звон тарелок, а сквозь брезентовые стены просвечивал огонь, придававший палаткам вид огромных светляков, притаившихся в траве. Окончив ужин, староста смены шагнул через порог столовой и остановился, чтобы дать глазам привыкнуть к темноте. Он кинул беглый взор в направлении „Крика". Из темноты в освещенную полосу вынырнул сторож, и староста вернулся в палатку. В это время двое работавших внизу стояли на тех шлюзах, которые находились под прикрытием берега, и поэтому не были видны сверху.

* *

*

Мак Намара так красочно описывал богатства Энвил Крика, что Эллен Честер изъявила желание присутствовать при взвешивании золота. Они приехали на прииск, верхом из города, к ужину. Эллен понятия не имела о том, куда она едет; она знала только, что будет приготовлен для нее ужин у жены надзирателя. Узнав, что она приехала на „Мидас", она пыталась расспросить Мак Намару, почему у ее друзей отняли столь ценное имущество.

Он отвечал, как ей показалось, очень искренно и честно.

– Участок этот спорный, – объяснил он ей. – На него сделал заявку еще один человек, и до окончания тяжбы суд назначил меня инспектором приисков, дабы ни одна сторона не потерпела убытков.

Его объяснения были очень убедительны, и она удовлетворилась тем, что вся история объяснялась столь просто.

Она собиралась переночевать на участке и присутствовать при утренних расчетах. Инспектор решил воспользоваться случаем и познакомить ее со всей обстановкой работы и объяснить ей то, чего она не понимала. Его наружность очаровывала не только женщин.

Где бы он ни находился, мужчины смотрели на него с величайшим уважением, а ничто так не влияет на суждения женщины, как такое явное доказательство внутренней силы.

Он провел с нею вечер, рассказывал о своей молодости и о своих приключениях на Западе; рассказы его казались особенно яркими в этой брезентовой палатке с грудами шкур и одеял. Тонкий наблюдатель и рассказчик, он сумел оплести воображение девушки паутиной слов и оставил ее в состоянии сильного волнения и нерешительности, когда около полуночи ушел наконец к себе.

Она понимала, к чему он клонил, и все-таки не знала, каков будет ее ответ на его неминуемый вопрос. Иногда она поддавалась удивительному обаянию этого человека, но все же не могла отделаться от какого-то смутного недоверия к нему, недоверия, причины которого были ей непонятны. Ее мысли вновь обратились к Гленистэру, и она ставила их обоих, столь схожих в некоторых отношениях и во многом столь далеких друг от друга.

Внезапно до нее донеслись голоса ужинавшей ночной смены: она накинула шелковый платок на голову, вышла на свежий ночной воздух и направилась к рокочущему ручью.

„Подышу свежим воздухом, – подумала она, – а потом спать".

Она увидела высокую фигуру ночного сторожа и направилась к нему. Он наблюдал за ней, не отрываясь, и как-будто был встревожен.

„Вероятно, это потому, что тут так мало женщин, – подумала она, – или потому, что час уже очень поздний. Долой условности. Эта страна – страна инстинкта и импульса. Она заговорит с ним.

Сторож нахлобучил шапку на глаза и отошел в сторону. Она подошла к нему. За минуту до того она думала о Гленистэре и теперь заметила, что перед нею стоит человек с теми же могучими, широкими плечами и гордой посадкой головы.

Она вздрогнула, увидев, что это негр. Он держал в руке винчестер и внимательно, но нерешительно разглядывал ее.

Желая нарушить молчание и показать, что она интересуется им, она обратилась к нему с вопросом, но при первом звуке ее голоса он быстро подошел к ней и грубо сказал:

– В чем дело?

Потом на мгновение замялся и вновь заговорил странно изменившимся, неестественным голосом:

– Я – ночной сторож, мисс.

Она заметила, что внизу копошатся еще две тени и смутно удивилась не столько их присутствию, сколько их движениям: казалось, они страшно торопятся. Она увидела лошадей, стоящих поодаль, и поняла, что тут творится что-то неладное.

Она хотела заговорить, но вдруг из густой травы у ног ее раздался какой-то странный, испугавший ее звук, оформивший все ее подозрения. Она моментально сообразила, в чем тут дело.

То был стон человека. Стон повторился, и она поняла, что стоит на грани чего-то страшного.

Она вспомнила рассказ о приисковых хищниках, о дерзких налетах на рудники, и все же эта версия казалась ей невероятной.

В каких-нибудь двадцати шагах от нее находились сотни людей; она слышала их смех; один из них насвистывал популярную песенку; на расстоянии четверти мили были другие лагери. Стоит ей крикнуть, и все эти люди бросятся сюда. Вздор. Это не налет.

Но тут человек, лежавший в кустах, застонал в третий раз.

– Что там такое? – спросила она.

Вместо ответа негр направил дуло ружья ей в грудь, и в то же мгновение она услышала двойное щелкание курка.

– Стойте смирно и не двигайтесь, – сказал он. – Мы люди отчаянные и будем защищаться всеми доступными способами, мисс.

– А, вы крадете золото...

Она была страшно напугана, но стояла неподвижно; караульный смотрел то на нее, то на палатки до тех пор, пока товарищи не подали ему сигнала, значившего, что они готовы и лошади нагружены. Тогда он заговорил.

– Не знаю, что с вами делать. Думаю, что следует вас связать.

– Что? – воскликнула она.

– Я свяжу вам руки и заткну рот, чтобы вы не могли крикнуть.

– Не смейте делать этого, – яростно закричала она. – Я буду стоять тут и молчать, пока вы не уедете. Я обещаю вам. – Она умоляюще посмотрела на него, причем он опустил голову, так что она не могла разглядеть его лицо, и отошел на несколько шагов.

– Хорошо. Но не пытайтесь обмануть меня, так как я спрячусь в кустах за поворотом и буду держать вас на мушке, пока мои приятели не уедут.

Он спрыгнул с края берега, подбежал к всадникам, и, перейдя на рысь, все трое скрылись за поворотом. Она слышала, как они понукали вьючных лошадей.

Они давно уже исчезли, а девушка все еще стояла неподвижно, хотя она и знала наверняка, что за поворотом нет никого. Она стояла как зачарованная; в тот момент, когда всадники уезжали, до нее донеслось сквозь стук лошадиных копыт ее собственное имя – „Эллен".

И это-то обстоятельство помешало ей поднять тревогу; она мучительно и по кусочкам подобрала и осознала все детали странного приключения. Недоуменно сдвинув брови, она вспомнила абрис* фигуры неизвестного, взявшего ее в плен. Испуг ее окончательно пропал, уступив место сильнейшему возбуждению.

– Нет, нет, не может быть. И все-таки... – воскликнула она. – Неужели это был он?

---

*Абрис – очертание, контур.

Она уже открыла рот, чтобы крикнуть, но остановилась в нерешительности.

Она двинулась к палаткам и вновь остановилась. Уже давно замер стук копыт, а она все еще стояла, не зная, что предпринять.

Она твердо знала, что ей следует поднять тревогу, организовать преследование. Что означало это разбойническое нападение, это дерзкое нарушение закона, постановления ее дяди и Мак Намары? Эти люди были самые обыкновенные воры, преступники, находящиеся вне защиты закона и заслуживающие кары...

Но ей вспомнилась одна ночь, темнее этой, когда она бросилась к этим людям, дрожа и рыдая от страха; они защитили ее, рискуя собственной жизнью.

Она повернулась, быстро побежала к палаткам, распахнула брезентовую дверь.

При виде ее бледного лица, горящих глаз и распустившихся волос, все находившиеся в палатке, вскочили на ноги.

– Грабители! – задыхаясь, крикнула она. – Скорее! Налет! Сторож ранен.

Яростный рев потряс ночной воздух, и люди стремглав пронеслись мимо нее. Со всех сторон появились полуодетые рабочие из дневной смены.

– Где? Кто? Куда они ушли?

Показался Мак Намара, гневный и повелительный. Казалось, он инстинктом понял положение, не задав ей ни единого вопроса.

– Скорее, товарищи. Мы нагоним их. Выводите лошадей, скорее!

Он первый вскочил на лошадь; остальные последовали его примеру. Он махнул рукой по направлению к горам, замыкавшим долину.

– Разбейтесь на группы в пять человек и займите горы. Пусть кто-нибудь бежит в Дисковери и протелефонирует Вуризу, чтобы он прислал милицию.

Они уже отъезжали, когда девушка крикнула:

– Стойте. Не туда. Они ушли вниз по ущелью. Их было трое. Три негра.

Она указала на дорогу, ведущую из долины в сторону смутного сияния на южном небосклоне, и кавалькада исчезла в сумеречной дали.

Глава X

ЧЕРРИ ЯВЛЯЕТСЯ СПАСИТЕЛЬНИЦЕЙ

Три негра промчались вверх по ручью мимо других лагерей, к тому месту, где он разветвлялся на два потока. Здесь они взяли направо и погнали лошадей по заброшенной тропе к истокам речки

и через невысокий горный хребет. Они старались поскорее добраться до какой-нибудь неезженной дороги, чтобы проскользнуть незамеченными. Перед тем как выехать из долины, они дали уставшим лошадям передохнуть и кое-как смыли застоявшейся водой из лужи жирную краску с лиц. Они напрягали слух, ожидая услышать звуки погони, но все было спокойно.

Напряжение их понемногу улеглось, и они стали осторожно разговаривать между собой. На рассвете они перевалили через мшистые вершины кряжа, вновь остановились и, сняв два седла, спрятали их между скалами.

– „Оладья" распрощался с ними и поехал на юг вдоль Драй Крика по направлению к городу; компаньоны же переложили часть груза с усталых вьючных лошадей на верховых и двинулись дальше пешком по голому кряжу, ведя лошадей под уздцы.

– Просто не верится, что нам так легко удалось удрать, – сказал Дэкстри, пытливо вглядываясь в пройденный путь. – У меня появляется желание стать профессиональным налетчиком. От меня воняет актером из-за жирной мази. Держу пари, что завтра о нас будут звонить все газеты.

– Интересно, что там делала Эллен, – неожиданно вставил Гленистэр, более потрясенный встречей с нею, чем своей ролью в предпринятом ими деле.

Вместо того, чтобы сосредоточиться на победе, он то и дело вспоминал о том, как она стояла под дулом его винчестера.

„Неужели она когда-нибудь узнает, кто был черномазый разбойник?"

Он содрогался при этой мысли.

– Вот что, Дэкстри. Я непременно женюсь на этой девушке.

– Не знаю, женишься ли ты на ней или нет, но во всяком случае советую тебе присматривать за Мак Намарой.

– Что? – Молодой человек остановился, в упор глядя на него. – Что такое?

– Иди дальше, не останавливай лошадей. Я не слепой и кое-что соображаю.

– Этого не будет никогда, вздор. Ведь он мошенник. Я не отдам ее Мак Намаре. Да, это невозможно, она не выйдет за него. Она поймет, что он за человек. Я так люблю ее, нет, я не могу говорить об этом. Это слишком большое чувство.

Он красноречиво развел руками.

– Ты все равно не поймешь меня.

– Ну, конечно, нет, – пробормотал Дэкстри.

Его глаза устремились вдаль, и в них загорелся давно угасший огонек.

– Я согласен с тобой, что он мошенник, – сказал он, помолчав немного, – но он красивый, дьявол, и манеры у него такие, что рядом с ним чувствуешь себя дровосеком. Кроме того, он храбрый

человек. Эти три качества – такие козыри, что можно с уверенностью сказать, что они покроют королеву из любой человеческой масти – красную, белую или желтую.

– Пусть попробует, – прорычал Гленистэр.

Его густые брови сдвинулись, и лицо стало жестким и суровым.

Ранним серым утром они спустились с гор в широкую долину реки Ном и направились к прибрежным скалам, где среди верб был спрятан промывательный чан. Установив его, они принялись промывать землю, привезенную в мешках; делали они это осторожно, но крайне торопливо, так как могли быть тут легко накрыты.

Воистину удивительным оказалось сокровище, добытое ими на прииске, самом богатом из всех приисков, найденных с 1849 года. Они работали с горящими глазами и дрожащими руками. Золото было в крупных песчинках и самородках, иногда таких крупных, что они не могли пройти сквозь сито. В шайках оседали целые кучи мокрого, сырого золота.

Вскоре компаньоны добрались извилистыми путями до города и прямо попали в толпу, возбужденную известием о ночном налете.

Далеко в море стоял „Ронок", изрыгавший черный дым. Последний катер возвращался от него к берегу.

Гленистэр погнал взмыленную лошадь вниз по берегу и обратился с вопросом к одному из подбежавших к нему крючников.

– Нет, теперь уже не попасть на пароход. Последний катер вернулся, – был ответ. – Вам придется подождать до следующего парохода приблизительно с недельку. Слышите свисток?

Лента белого пара смешалась с темным бархатом дыма над пароходом, и послышался прощальный, негромкий и низкий вой сирены.

Челюсти Гленистэра сомкнулись.

– Скорей вы, – крикнул он лодочникам. – Достаньте мне самую легкую лодку на всем побережье и самых сильных людей на весла. Я вернусь через пять минут. Вы получите сто долларов, если мы нагоним пароход.

Он стремглав понесся по топким улицам. Билль Уилтон еще сладко храпел, когда какой-то растрепанный человек сорвал его с постели, встряхнул его и начал как попало надевать на него платье, извергая при этом водопад инструкций.

Адвокат не успел ни воспротивиться, ни возмутиться, так как Гленистэр схватил дорожный мешок и одним взмахом руки смел в него кучу документов, лежавшую на столе.

– Поторопитесь, человечина, – орал он, пока адвокат дико суетился, бегая по конторе в поисках нужных бумаг.

– К черту! Вы умерли, что ли? Торопитесь. Пароход уходит.

Он потащил еще совсем сонного Уилтона вниз по улице к берегу, где уже собралась кучка людей, жаждавших быть свидетелями гонки.

Они кинулись в лодку, и сочувствующие им лодочники быстро столкнули ее на воду. Сильная волна подхватила лодку, и вскоре они уже были в открытом море; ясеневые весла гнулись при каждом взмахе гребцов.

– Кажется, я ничего не забыл, – с трудом переводя дыхание, сказал Уилтон и натянул пиджак. – Я вчера был совсем уже готов, но так как не мог найти вас вечером, решил, что дело у вас не выгорело.

Они быстро удалялись от берега, покрывая две мили, отделявшие их от парохода. Гленистэр подбодрял и торопил гребцов, рубашки которых были совершенно мокрые, и под ними, точно железные шары, вздувались мускулы.

Они уже прошли половину пути, когда Уилтон внезапно вскрикнул, Гленистэр выругался.

„Ронок" медленно двинулся. Гребцы приостановились, а молодой человек крикнул, чтобы они продолжали грести, а сам, схватив багор, нацепил на него свою куртку и стал махать им, в то время как гребцы удвоили свои усилия. Несколько минут прошло в напряженном ожидании; видно было, как черный силуэт парохода все удалялся. Они уже потеряли надежду, как вдруг над пароходом появился клубок белого пара и до них донесся звук сирены, сказавший им, что их заметили.

Гленистэр вытер пот со лба и ухмыльнулся Уилтону.

Через четверть часа лодка их уже качалась у стального борта корабля, и Гленистэр совал адвокату тяжелый кожаный саквояж.

– Вот деньги, с которыми вы выиграете бой, Билль. Я не знаю, сколько там, но во всяком случае довольно. Всего хорошего! Возвращайтесь скорее.

Матрос кинул им канат, по которому Уилтон взобрался на пароход; затем к канату привязали саквояж, и он последовал за адвокатом.

– Срочное дело, – крикнул Гленистэр офицеру, стоявшему на мостике. – Правительственное распоряжение.

Он услышал глухой стук в машинном отделении, шум винтов, и огромный пароход двинулся дальше.

Когда Гленистэр сошел на берег и совершенно разбитый потащился в город, его окликнула Эллен Честер.

Она усадила его рядом с собой на берегу. Она впервые окликала его по собственному почину. Еще более удивительно было смущение, а может быть, и усталость, заставившая молодого человека молча и со вздохом облегчения опуститься на теплый песок.

Она заметила, что глаза его впервые утеряли свое дерзкое выражение.

– Я наблюдала за вашей гонкой, – начала она. – Было очень интересно, и я кричала вам ура.

Он спокойно улыбнулся.

– Как это вы не потеряли надежду, когда пароход тронулся. Я бы остановилась и заплакала.

– Я никогда не отказываюсь от борьбы, – сказал он.

– Неужели обстоятельства вас никогда не принуждали к этому? Это все оттого, что вы мужчина. Женщинам постоянно приходится чем-нибудь жертвовать.

Эллен ждала, что он немедленно добавит, что от нее он никогда не откажется; это было бы в его духе. Однако он промолчал, и она никак не могла решить, нравится ли он ей больше, чем в те времена, когда он подавлял ее бесцеремонностью своего ухаживания.

Гленистэр же был рад возможности отдохнуть после ночных передряг в ее умиротворяющем присутствии и молча ощущать ее близость.

Она поймала его на том, что он тайком гладит складку ее платья.

Если бы только она могла забыть о том вечере на пароходе.

„Все-таки он, кажется, хочет искупить свою вину, – подумала она. – Хотя, конечно, ни одна женщина не способна полюбить человека, совершившего такой поступок".

Но вспомнив, как он своим телом защищал ее, вспомнив, что если бы не его решительное вмешательство, ей бы не удалось убежать с зараженного корабля и поручение, данное ей, осталось бы невыполненным, она вся содрогнулась. Более того, если бы не он, она бы погибла в день высадки на берег. Да, она многим обязана ему.

– Слыхали ли вы о судьбе парохода „Охайо"?

– Нет, я был слишком занят. Кажется, санитарный инспектор поставил его в карантин, когда он прибыл.

– Его направили на Яичный Остров вместе со всеми пассажирами. Он стоит там уже больше месяца и, пожалуй, в это лето уже не выберется оттуда.

– Какое разочарование для несчастных пассажиров.

–Да, и если бы не вы, то и я была бы среди них, – заметила Эллен.

– Я немного сделал для вас. Драться – дело нетрудное. Гораздо тяжелее отдавать то, что вам принадлежит, и сидеть, сложа руки, пока...

– Скажите, вы сделали это по моей просьбе? Потому, что я просила вас отучиться от ваших старых привычек?

Она почувствовала прилив сочувствия и жалости.

– Конечно, – ответил он. – И это было совсем не легко. Но...

– Ах, как я вам благодарна, – заговорила она. – Но, уверяю вас, все это к лучшему. Дядя Артур не способен поступить несправедливо, а мистер Мак Намара честный человек.

Он повернулся к ней, намереваясь ответить, но воздержался. Он не мог сказать ей того, в чем он был глубоко уверен. Она верила в своего родственника и его друзей, и ему не подобало чернить Мак Намару. Язык его был скован.

Она опять задумалась. „Если бы только не этот его поступок". Ей от души хотелось помочь ему, так, как он помог ей когда-то. Но что могла она сделать? Закон – такая сложная, запутанная, сбивающая с толку штука!

– Я провела эту ночь на „Мидасе" – сказала она, – и вернулась верхом рано утром. Дерзкий налет, не правда ли.

– Какой налет?

– Как, разве вы ничего не слышали?

– Нет, – твердо ответил он. – Я только что встал.

– Ваш участок ограбили. В полночь три человека связали сторожа и обобрали шлюзные чаны.

Удивление его казалось вполне естественным. Он забросал ее вопросами. Однако она с удовлетворением заметила, что он избегал смотреть ей в глаза. Он был не слишком искусным лжецом.

А вот лицо Мак Намары своей скрытностью напоминало железную маску. Она невольно сравнила их, причем молодой человек, сидящий рядом с нею, ничего не потерял от этого сравнения.

– Да, я присутствовала при этой истории. Негр хотел связать меня, чтобы я не подняла тревоги, но не сделал этого из великодушия. Этот негр был настоящим рыцарем.

– А что вы сделали, когда они уехали?

– Я сдержала слово и ждала, пока они не скрылись. Затем я подняла на ноги весь лагерь и направила мистера Мак Намару и его людей прямо по следу их, вниз по ущелью.

– Вниз по ущелью! – воскликнул забывшийся Гленистэр.

– Ну, да, конечно. А вы думаете, что они ушли вверх по ручью? – Она посмотрела на него в упор, и он опустил глаза. – Нет, погоня пустилась было в этом направлении, но я направила их куда следовало.

Глаза ее странно засветились, а у него зашумела кровь в ушах.

„Она направила их вниз по ручью. Так вот почему не было погони. Значит, она подозревает. Она все знает".

Гленистэр был потрясен. Любовь к этой девушке вновь поднялась в нем неудержимой волной, требуя выхода. Но мисс Честер, не совсем уверенная в том, что сможет направить дальнейший разговор по угодному ей руслу, встала: ей пора возвращаться в гостиницу.

– Я ясно разглядела налетчиков, – сказала она на прощанье, – и могла бы установить их личность.

Дома он нашел Дэкстри, смывавшего следы ночного приключения.

– Мисс Честер узнала нас вчера.

– Почем ты знаешь?

– Она только что сказала мне. Кроме того, она направила Мак Намару и его свору вниз по ручью, вместо того, чтобы направить их вверх. Вот почему мы так удачно удрали.

– Ну, не молодец ли она? Теперь мы с нею квиты. Интересно, сколько мы намыли золота? Давай взвесим его.

Дэкстри подошел к кровати, откинул одеяло и показал четыре тяжелых и мокрых мешка из оленьих шкур, лежавших там, где он вчера бросил их.

– Тут, должно быть, золота тысяч на двадцать долларов, считая и то, что я отдал Уилтону, – сказал Гленистэр.

В этот момент дверь открылась внезапно и без всякого предупреждения. Молодой человек быстро накинул на мешки одеяло, схватил магазинку Дэкстри и направил ее в дверь.

– Не стреляй, мальчик, – раздался возглас. – Ну, и нервный же ты.

Гленистэр уронил ружье. То была Черри Мэллот. По ее тяжело вздымавшейся груди и раскрасневшемуся лицу было видно, что она бежала всю дорогу. Не дав им опомниться, она закрыла дверь на ключ и торопливо заговорила:

– Они ищут вас, ребята. Прячьтесь поскорей. Они уже близко.

– Кто?

– Что?

– Скорей. Я слышала разговор Мак Намары с судебным приставом Вуризом. Кто-то проследил вас. Говорю вам, они идут сюда. Я удрала черным ходом и прилетела сюда по грязи. Смотрите, на что я похожа.

Она стряхнула грязь с изящных ботинок и с юбки.

– Не понимаю, что вы говорите, – сказал Дэкстри, бросив многозначительный взгляд на своего компаньона. Чем мы провинились?

– А, ну, тем лучше. Я прибежала на всякий случай, чтобы вы успели скрыться, если бы вам вздумалось. У них есть ордер на арест; они уполномочены задержать вас за ограбление прииска вчера ночью.

Она кинулась к окну; мужчины посмотрели через ее плечо.

По узкому тротуару шли Вуриз, Мак Намара и еще три человека.

Дом стоял на отлете, так что всякий, кто подходил к нему, мог видеть его со всех сторон. Убежать было невозможно, так как задний выход выходил прямо на луг, представлявший собой сплошную трясину. Они увидели, что еще один человек обошел дом и приближался с тыла.

– Ах, черт! Они произведут обыск, – сказал Дэкстри, и компаньоны мрачно взглянули друг на друга.

Гленистэр с быстротою молнии выхватил мешки из-под одеял и бросился в заднее помещение, но немедленно же вернулся и безутешным взглядом обвел их почти ничем не мебилированное жилье. Тут ничего нельзя было спрятать; глупо даже думать об этом. Он вспомнил о чердаке и на мгновение воспрянул духом, но тотчас же сообразил, что именно с чердака и начнется обыск.

– Я говорил тебе, что он парень въедливый и не отстанет от нас, – сказал Дэкстри.

Шаги приближались и становились все громче.

– Он не дурак. Ему не удалось поймать нас в горах, так он прихлопнет нас здесь. Следовало бы догадаться и спрятать золото. – Он повернул барабан своего почерневшего кольта; лицо его стало жестким и сосредоточенным.

Черри Мэллот, не спускавшая глаз с Гленистэра, увидела, что на его лице вспыхнуло отчаянное выражение загнанного зверя.

Раздался стук в дверь.

Трое, запертые в доме, стояли неподвижно и напряженно слушали. Гленистэр кинул мешок на кровать.

– Иди в заднюю комнату, Черри. Будет драка.

– Кто там? – спросил Дэкстри, желая выиграть время.

Внезапно девушка скользнула к пустой железной печке, стоявшей в углу комнаты. Печка эта, очень распространенная на Севере, представляет собой вертикальный металлический цилиндр, в который сверху насыпается уголь. Она приподняла крышку и увидела, что печка на одну четверть полна золой. Она взглянула на Гленистера.

Тот понял ее, и четыре мешка немедленно очутились на дне печки; Гленистэр тотчас же засыпал их золой. Быстрота его была не менее молниеносна, чем догадливость женщины, и, когда прозвучал ответ на вопрос Дэкстри, все уже было сделано.

– У нас есть ордер на обыск в вашем доме, – сказал Вуриз.

– Что вы ищете?

– Золотой песок с Энвил Крика.

– Ладно. Ищите.

Вошедшие быстро принялись обыскивать все углы помещения, не обращая внимания ни на девушку, равнодушно следившую за ними, ни на старика, сопровождавшего яростным взглядом каждое их движение. Гленистэр сохранял равнодушно-насмешливый вид, держа правую руку наготове и готовый ко всему.

Мак Намара руководил обыском. Он потерял всю свою прежнюю притворную учтивость. Казалось, поражение озлобило его. Маска спала с его лица, и теперь обнаружилась истинная его сущность: настойчивость, высокомерие и жестокость. Он все время хранил презрительное молчание. Обыск был основательный, и много раз сердца двух мужчин и Черри Мэллот учащенно бились, когда Мак Намара или Вуриз приближались к печке или проходили мимо нее.

Наконец, Вуриз приподнял крышку и посмотрел внутрь. В тот же миг Черри с криком бросилась к Дэкстри.

– Не надо, не надо, – взмолилась она. – Не горячитесь. Вы сами будете потом жалеть, Дэкс. Ведь они уже почти кончили.

Судебный пристав не заметил ничего подозрительного в поведении Дэкстри, но, по-видимому, подметил, что старик намерен

вступить в бой. В это время Мак Намара с грозным видом выходил из задней комнаты.

– Пускай ищут, – говорила девушка растерявшемуся Дэкстри. – Все равно, ничего не найдут. Стойте смирно и не делайте глупостей.

Вуриз и так исполнял свои обязанности без всякого удовольствия; когда же он увидел горящие глаза хозяев, ему окончательно опротивел обыск в доме, где его, видимо, не прочь были подстрелить.

– Золота нет, – доложил он.

Мак Намара только насупился и впервые за все время обратился к компаньонам.

– У меня есть предписание арестовать вас обоих, и у меня есть сильное желание засадить вас, но пока я этого не сделаю. Но я еще не покончил с вами. Я еще до вас доберусь.

Он повернулся к двери и вышел, а вслед за ним вышел и Вуриз в сопровождении своей свиты.

– Знаешь, ты просто клад, Черри. Ты дважды спасла нас. Ты остановила Вуриза как раз вовремя. Я почти задохся от страха, когда он заглянул в печку, а потом чуть не расхохотался, увидев, какое у Дэкстри лицо.

Полный благодарности, он положил руки на плечи Черри. Она глубоко вздохнула и опустила глаза. Милая, женственная улыбка вспыхнула на ее лице. Она вспыхнула девичьим румянцем и смущенно рассмеялась. Потом она взяла себя в руки, и голос ее вновь стал равнодушным и беспечным, а со щек сбежал румянец.

– А ведь вы сначала не доверяли мне, а когда-нибудь ты поймешь, что старые друзья лучше новых.

Уходя, она насмешливо бросила:

– Эх, вы, горе-налетчики. К вам бы следовало приставить няньку!

Глава XI

НЕУДАЧА УИЛТОНА И БУНТ

Холодный серый день, не прекращавшийся дождь, ветер с моря и свинцовые тучи как нельзя лучше гармонировали с мрачным настроением Гленистэра. Последний месяц прошел в напряженном, выматывающем нервы ожидании известий от Уилтона. Неуверенность и необходимость ждать, ничего не предпринимая, были мучительны для человека его темперамента.

Он не мог придумать себе никакого разумного занятия. Его грызло сознание нанесенной ему обиды, он целыми днями бродил

в окрестностях „Мидаса", издали глядя на прииск и жадно ловя каждое известие, случайно доходившее до него оттуда.

Мак Намара пускал на прииски только своих служащих, так что компаньоны имели весьма смутное понятие о том, что творится на их участке, хотя, по букве закона, инспектор охранял их же собственные интересы.

Компаньонам не разрешалось предпринимать какие-либо меры для ускорения судопроизводства, соглашение же, существующее между судьей Стилмэном и инспектором, стало настолько общеизвестным, что отовсюду по их адресу слышались угрозы и ропот.

Однако, несмотря на то, что политический деятель фактически присвоил себе все лучшие прииски в округе и разрабатывал их при помощи наемных рабочих, еще не все жители Нома осознали все бесстыдство его действий и тонко продуманной и организованной системы.

Как ни странно, но нетерпеливый и несдержанный Дэкстри обрел какое-то поистине восточное терпение, совершенно, в сущности, чуждое его горячему нраву, и проводил целые дни в горах, исследуя почву.

В полдень, когда тучи немного рассеялись, на пасмурном горизонте появилась лента дыма, а затем и пароход. Он остановился в открытом море, и Гленистэр в бинокль узнал „Ронок". Часы проходили, но ни одна лодка не направлялась к пароходу; он пытался нанять команду, но лодочники хитро покачивали головами, глядя на прибой.

– У берега сегодня чертовские водовороты, а вода так холодна, что тонуть в ней ужасно неприятно, – говорили они.

Ему оставалось только ждать и сдерживать свое нетерпение.

Каждый день стоил ему бесчисленных долларов, но, казалось, природа решила идти ему наперекор: ночью поднялся сильный ветер, и утром пароход оказался на много миль западнее первоначальной стоянки, на подветренной стороне острова Следж, а прибой, белый, как кипящее молоко, гремел и разбивался о берег.

По городу распространился слух, что на пароходе находится Билл Уилтон с какой-то бумагой, не то предписанием, не то вызовом в суд, не то ордером, – словом, с чем-то вполне достаточным, чтобы прихлопнуть Мак Намару; поэтому возбуждение публики ежеминутно росло. Мак Намара держал свое золото в Аляскинском банке, и все решили, что туда-то и перенесется театр военных действий.

Никто ни одной минуты не предполагал, что самозванец добровольно согласится расстаться с награбленными сокровищами.

На третье утро пароход оказался вновь на рейде города; было видно, что он спустил лодку, и незанятая часть населения толпой ринулась к берегу.

– Они доберутся до линии прибоя, а там видно будет, – сказал кто-то.

– Готовьтесь вытаскивать их из воды, – прибавил другой. – Опасное предприятие.

И точно, лодка, быстро несшаяся по волнам, попала в водоворот. В ней находились два матроса и Уилтон. Она стремительно, как чайка, летела по вспенившейся воде, но вдруг огромный вал яростно вскипел за нею. Толпа на берегу закричала.

Лодка дрогнула, и разъяренный океан с воем засосал ее. Через секунду все исчезло, а потом килем вверх вынырнула лодка. Кругом нее беспорядочно плавали весла, решетки и всяческие снасти. Люди бегом бросились в воду, но были отброшены следующей волной на твердый, как камень песок.

Опять послышался треск дерева, затем группа людей вошла по пояс в воду и вытащила мокрую фигуру. То был белобрысый матрос; он стряхнул воду с гривы и ухмыльнулся, как только пришел в себя.

Шагом дальше присутствующие подняли второго человека; то был второй матрос – череп его был раскроен ударом шкафута. Уилтона нигде не было видно.

Гленистэр первый бросился на помощь утопавшим, обмотав себя канатом. С большими усилиями он добрался до разбитой лодки, но нигде не мог найти адвоката.

Он еле успел осмотреться, так как водоворот стал засасывать его. Вода залила его, и канат, туго натянувшись, выбросил его на берег. Шатаясь и дрожа, он уже решил вновь начать борьбу, когда волна внезапно приподняла опрокинутую лодку и перевернула ее. Из-под лодки вылетела фигура Уилтона, изо всех сил цепляющегося за сверток спасательного каната. Его вытащили на берег полумертвого.

– Все у меня, – сказал он, хлопая себя по мокрой груди. – Все в порядке, Гленистэр. Я знал, что значит отсрочка, и я рискнул идти через прибой.

Он был бледен как смерть, ноги его подкашивались. Он бы упал, если бы молодой человек не подхватил его под руку, ведя его к городу.

– Я подал в окружной апелляционный суд в Сан-Франциско, – объяснил он позднее. – Суд вынес постановление, дающее нам право жаловаться на здешний суд. Кроме того, они вручили мне приказ о приостановлении дела, направленный против судьи Стилмэна. Таким образом тяжба изымается вовсе из его ведения, и Мак Намара обязан вернуть нам „Мидас" и все добытое им золото. Что вы на это скажете? Вышло даже лучше, чем я смел надеяться.

Гленистэр молча пожал ему руку, ощущая глубокое удовлетворение. Наконец-то кончилось ожидание, и мирное и уступчивое поведение его в отношении закона принесло прекрасные плоды, оказавшись наиболее выгодным образом действия.

Как и предсказывала Эллен, теперь он явится к ней с чистой совестью; участок принадлежит снова ему, и он положит его к ее ногам и опять скажет ей, что любит ее, и обратит ее внимание на перемену, происшедшую в нем благодаря этой любви.

Он заставит ее понять это, заставит ее понять, что под грубой личиной, обретенной годами суровой жизни в дикой стране, любовь его была нежна, верна и всеобъемлюща. Он попросит ее потерпеть еще немного, пока он окончательно покорит свою природу и придет к ней с укрощенной душой.

– Я рад, что не подрался с ними, когда они явились на наш участок, – сказал он. – Теперь мы все получим обратно – и прииск, и деньги, конечно, если Мак Намара не расстратил их.

– Да, нужно всего только зарегистрировать документы и представить их на суде и Мак Намаре. Вы завтра уже будете на Энвил Крике.

Зарегистрировав в суде бумаги, Гленистэр и адвокат прошли в контору Мак Намары. Он встретил их очень любезно.

– Я слышал о вашем чудесном спасении, мистер Уилтон. Чем могу служить?

Адвокат быстро изложил суть дела и в заключение сказал:

– Я только что зарегистрировал заверенные копии этих постановлений в суде, а теперь обращаюсь к вам с формальным требованием сдать „Мидас" господам Гленистэру и Дэкстри, а также возвратить все золото, находящееся в вашем сейфе, согласно сему постановлению.

Он вручил документы Мак Намаре, который, не разглядывая, кинул их на конторку.

– А я этого не сделаю, – сказал он спокойно.

Адвокат остолбенел, точно его хватили обухом по голове.

– Как... Вы...

– Я не сделаю этого, говорю я вам, – резко повторил Мак Намара. – Неужели вы думаете, что я ввязался в это дело, не обезопасив себе тыл. Приказ о прекращении дела... Подумаешь...

И он презрительно щелкнул пальцами.

– Ну что же, посмотрим, как это вы осмелитесь не повиноваться приказу, – сказал Уилтон.

На улице он сказал Гленистэру:

– Скорее к судье.

Подойдя к гостинице „Золотые Ворота", они увидали входившего туда Мак Намару. Было ясно, что он вышел из своего дома черным ходом и перегнал их, чтобы первым повидать судью.

– Это мне совсем не нравится, – сказал Гленистэр. – Он что-то задумал.

Его предположение оказалось верным; им пришлось четверть часа ждать приема у представителя закона, и, войдя наконец в его кабинет, они нашли там Мак Намару.

Гленистэр и Уилтон были поражены переменой, происшедшей в наружности Стилмэна.

За один месяц его вялое лицо осунулось и изменилось; безволие сквозило в каждой его черте; у него появилась привычка робко следить за каждым движением Мак Намары. Казалось, его роль давалась ему не легко.

Судья небрежно посмотрел документы, и хотя вид у него был наружно спокойный, его пальцы дрожали. Наконец, он произнес:

– К сожалению, я вынужден усомниться в подлинности этих документов.

– Да что вы, – закричал Уилтон. – Это удостоверение копий постановлений высшего суда. Они предоставляют нам право апелляции, в которой вы отказали нам, и окончательно отстраняют вас от этого дела. Да. И кроме того, в силу постановления суда, этот человек обязан немедленно сдать прииск со всем инвентарем бывшим владельцам. От вас же, сэр, мы ждем приведения в исполнение этих приказов.

Стилмэн взглянул на Мак Намару, молча стоявшего у окна, и ответил:

– Вы, конечно, поступите так, как это предписывается законом, и подадите прошение в суд. Но я заранее предваряю вас, что я ничего не предприму в этом деле.

Уилтон так долго и с таким недоумением смотрел на старика, что тот, наконец, нетерпеливо отрезал:

– Вы говорите, что это – заверенные копии. Почем я знаю, что это так? Подписи могут быть подложными, все до одной. Может быть, вы сами подделали их!

Адвокат побледнел, как полотно, и чуть не задохся от ярости. Гленистэр силой вывел его из комнаты.

– Ничего, ничего, – говорил он. – Гласный суд нас оправдает. Может, тогда он утихомирится. Мак Намара загипнотизировал его, но он все же не посмеет отказаться исполнить приказание верховного окружного суда.

– Не посмеет. А что же он теперь делает, – фыркнул Уилтон. – Тут надо хорошенько подумать. Это самая отчаянная игра, в которой я когда-либо участвовал. В Сан-Франциско мне рассказывали вещи, которым я не поверил, но теперь я начинаю думать, что все это было правдой. Если судья отказывается повиноваться верховному суду, то у него безусловно должна быть солидная поддержка.

Они зашли на квартиру к адвокату, но не успели еще осмотреться, как в комнату ураганом ворвался „Оладья" Симмз.

– Черт знает, что делается! – рявкнул он. – Мак Намара вынимает ваше золото из банка.

– Это еще что такое?

– Я только что ходил в банк за анализом образцов кварца. Пробирщик был занят, и я сидел в его комнате. Вдруг впопыхах вбегает

Мак Намара. Меня он не заметил, так как я сидел за барьером и слышал, как он приказал достать сию же минуту его песок из подвалов.

– Надо помешать ему. Если он берет наше золото, то он возьмет и золото шведов, – сказал Гленистэр. – Симмз, беги в Общество Пионеров и расскажи там все. Если он успеет забрать золото, то его, пожалуй, уж не поймаешь. Идем, Билл.

Он схватил шляпу и выбежал из дому. Двое других последовали за ним. „Оладья", по-видимому, успешно выполнил данное ему поручение, так как через минуту после его прихода в банк вломились шведы. Пришли и просто досужие зрители, учуявшие необычайное происшествие, и банковский зал быстро наполнился. Из-за суматохи клерки приостановили работу, стальные двери сейфового помещения гулко захлопнулись, и кассир схватился за лежавший подле него заряженный револьвер.

– В чем дело? – крикнул он.

– Мы хотим видеть Алека Мак Намару, – ответил Гленистэр.

Явился управляющий банка, и Гленистэр заговорил с ним сквозь толстую проволоку решетки.

– Мак Намара здесь?

Еще не было случая, чтобы Морхаус кому-нибудь солгал.

– Да, сэр, – сказал он.

Он говорил нерешительно, медленным, музыкальным говором уроженца Виргинии.

– Он тут. А в чем дело?

– Мы слышали, что он хочет вывезти наше золото. Мы не допустим этого. Скажите ему, чтобы он вышел к нам, а не прятался, как нашкодивший пес.

Мак Намара немедленно вышел и стал о чем-то шептаться с управляющим. Нетерпение толпы разрешилось взрывом бешенства. Кто-то крикнул:

– Идемте. Вытащим его оттуда.

Ответный гул голосов прозвучал устрашающе. Морхаус поднял руку.

– Джентльмены, – сказал он, – мистер Мак Намара говорит, что он и не думает вывозить золото.

– Значит, он уже вывез его?

– Ничего подобного.

Вторжение толпы изменило план инспектора. Он понял, что этих людей выводить из себя не следует. Хотя он и намеревался окончательно присвоить себе деньги, но теперь он решил временно оставить их в банке. Он всегда успеет вернуться за ними, когда владельцы приисков устанут ежесекундно сторожить его. Он знал, что они жаждали его погибели и что Гленистэр был их главарем. Он впервые увидел, как этот человек ненавидит его, и понял, что за этой ненавистью скрывается нечто более сильное, чем обык-

новенное корыстолюбие, чем жажда золота, за которое они боролись.

Его внезапно осенила мысль.

– Это ваша работа, Гленистэр? – насмешливо спросил он. – Вы боялись прийти один или вы ждали случая увидеть меня в обществе дамы?

С этими словами он отворил дверь, находившуюся за его спиной. За дверью стояла Эллен Честер.

– Не выходите сюда, мисс Честер. Этот человек, пожалуй, может... словом, лучше вам оставаться там. Извините меня, если я на минуту покину вас.

Он надеялся вызвать молодого человека на какой-нибудь необдуманный эксцесс, словом или действием в присутствии девушки и рассчитывал извлечь пользу из своего героического положения – положения человека, стоящего лицом к лицу с разъяренной толпой в пятьдесят человек.

– Выходите оттуда, – прошипел его враг, глубоко потрясенный присутствием девушки и оскорблением, которое нанес ему инспектор.

– Я выйду к вам, но мне бы не хотелось, чтобы эта дама подвергалась каким-либо оскорблениям со стороны ваших друзей, – сказал Мак Намара. – Я безоружен, но я имею право уйти отсюда в безопасности, право американского гражданина. – Он поднял руки над головой. – Прочь с дороги! – крикнул он.

Морхаус открыл калитку, и Мак Намара прошел через толпу.

Как это ни странно, но люди под влиянием гнева способны выстрелить в спину безоружному противнику, но никогда не решатся учинить насилия над человеком, поднявшим руки вверх и безбоязненно глядящего им прямо в лицо. Более того, такой противник опаснее целой толпы.

Мак Намара уже неоднократно применял подобный психологический трюк и теперь применил его опять. Он медленно и спокойно прошел через толпу. Он проделал это несколько театрально, чтобы произвести должное впечатление на Эллен. Как он и предвидел, толпа расступилась перед ним. Остался один только Гленистэр, преградивший ему путь с ружьем в руке.

Было ясно, что затравленный золотоискатель потерял от ярости власть над собой. Мак Намара подошел к нему почти вплотную и остановился, так они стояли друг против друга и меряли друг друга злобными взглядами.

Девушка, с бьющимся от страха сердцем, стояла за загородкой. Гленистэр неуверенным жестом приподнял руку, потом снова опустил ее. Он покачал головой и отошел на шаг в сторону, дав противнику возможность пройти мимо него и выйти на улицу.

Уилтон обратился к управляющему:

– Мистер Морхаус, у нас есть приказы и постановления вер-

ховного окружного суда в Сан-Франциско, в силу которых деньги эти должны быть возвращены нам. – Он передал ему бумаги. Нам не до шуток; золото принадлежит нам, и мы желаем его получить.

Морхаус внимательно просмотрел документы.

– Я ничем не могу помочь вам, – сказал он. – Документы эти адресованы не мне, а Мак Намаре и судье Стилмэну. Если верховный окружной суд прикажет мне выдать вам золото, я немедленно повинуюсь, но покамест я обязан хранить его здесь, впредь до приказа суда, поручившего мне его охрану. Этим путем попало оно ко мне, этим же путем и уйдет от меня.

– Мы хотим немедленно получить золото.

– Что делать? В данном случае я не могу руководствоваться моими личными симпатиями.

– Тогда мы сами возьмем его, – крикнул Гленистэр. – Мы терпим огромные убытки, и нам это надоело. Вперед, ребята!

– Стоп! – закричал Морхаус. – Не прикасайтесь к решетке. Эй, все на места.

Последняя фраза была обращена к клеркам; одновременно он выхватил ружье из-за конторки и взвел курок. Пробирщик взялся за дробовое ружье, кассир и клерки последовали его примеру. Было очевидно, что в Аляскинском банке сейфы охраняются основательно.

– Я отнюдь не желаю ввязываться в драку, – продолжал управляющий, – но деньги останутся в сейфах до тех пор, пока их не вытребуют законным путем.

Толпа заколебалась, но Гленистэр насмешливо крикнул:

– Ну, в чем дело? Вперед. Что с вами случилось?

По всему было видно, что удержать его было уже невозможно.

Эллен почувствовала, что наступает страшная минута и старалась не терять присутствия духа. Она понимала, что и седой управляющий, и его бледные помощники, и мрачные, молчаливые люди за решеткой готовы на все.

Она видела могучих, загорелых людей, со стиснутыми челюстями и нахмуренными лицами, и светловолосых скандинавцев, в голубых глазах которых горел боевой огонь. Их морочили на каждом шагу, обманывали, раздражали постоянными придирками, и теперь они стояли плечом к плечу, выведенные из себя бессердечным законом.

Внезапно к Эллен донеслись с улицы слова команды и быстрые шаги. Над головами толпы, стоявшей против нее, блестели дула ружей. Шеренга солдат с примкнутыми штыками грубо проложила себе путь сквозь толпу у входа.

– Очистите помещение, – приказал офицер.

– Что это значит?! – крикнул Уилтон.

– Это значит, что судья Стилмэн поручил высшим властям охрану золота, только и всего. А теперь уходите, да поскорей.

Толпа постояла в нерешительности, потом молча повиновалась, ибо сопротивление синему мундиру дяди Сэма оплачивается слишком дорогой ценой.

– Они обкрадывают нас с помощью наших же солдат, – сказал Уилтон, когда они вышли на улицу.

– Да, – мрачно ответил Гленистэр. – Мы хотели действовать в согласии с законом, но они принуждают нас возвратиться к первобытным средствам борьбы. Тут начинает пахнуть кровью.

Глава XII

КОМПЛОТЫ ПРОТИВ КОМПЛОТОВ

Гленистэр ошибся, утверждая, что судья не осмелится ослушаться приказаний верховного апелляционного суда. Были сделаны заявления, требовавшие с его стороны приказаний о приведении в исполнение постановлений апелляционного суда – постановлений, неминуемо возвращавших и „Мидас" и золото, лежавшее в банке, их владельцам, но Стилмэн отказался что бы то ни было делать в этом направлении.

Уилтон созвал шведов и их адвокатов и советовал действовать всем сообща.

Дэкстри, вернувшийся из гор, присутствовал на этом собрании и по окончании его сказал:

– Мне лично гораздо приятнее бороться, когда я знаю, куда мой противник метит. Я буду следить за этой компанией.

– У нас есть люди, которые давно уже следят за ними, – сказал адвокат скандинавов. – Но им ничего не удалось узнать.

Дэкстри больше ничего не прибавил, но в ту же ночь занялся каким-то делом в постройке рядом с домом, где помещалась контора Мак Намары.

Он снял там комнату в верхнем этаже, с окнами, выходящими на задний двор, с помощью своего компаньона пропилил пол чердака, после чего вылез на крышу через слуховое окно.

К счастью, дома стояли почти вплотную друг к другу, причем на обоих возвышались четырехугольные карнизы, какие часто встречаются в лагерях золотоискателей. Так что с другой стороны улицы не было видно, что делается на крышах. Это позволило ему добраться незамеченным до соседней крыши и там пропилить дыру в чердаке. Он осторожно спустился в выпиленное отверстие на настилку, сделанную из балок, зажег свечку и, найдя место над конторой Мак Намары, прорезал дырочку таким образом, что он мог, распластавшись на балках, видеть большую часть помещения, находившегося под ним.

Здесь он водворился с раннего утра и проторчал до позднего вечера, терпеливый как индеец на охоте, и вышел оттуда только ночью, закоченев, проголодавшись и в отвратительном настроении.

За это время состоялся еще один митинг владельцев приисков, и было решено послать Уилтона, с надлежащими доверенностями и копиями некоторых протоколов суда, в Сан-Франциско на „Санта-Марии", вновь прибывшей в Ном и возвращавшейся на юг.

Он должен был подать жалобу на судью за неповиновение верховному суду; все надеялись на то, что он энергичными действиями быстро добьется удовлетворения их требований.

На заре Дэкстри вернулся на свой наблюдательный пост и только в полночь покинул его, чтобы повидаться с адвокатом и Гленистэром.

– За вами весь день шпионили, Уилтон, – начал он. – Им известно, что вы едете в Штаты. Вас арестуют завтра утром.

– Арестуют? За что?

– Я тоже не помню состава преступления, – двоеженство, насилие, измена – кто его знает. Факт тот, что они засадят вас в тюрьму, а этого им только и нужно. Они считают, что вы единственный умный адвокат, способный чинить им препятствия, и притом неподкупный.

– Так, что же мне делать? Они будут следить за каждой отходящей баржей и лодкой, а если и таким образом не смогут поймать меня, то обыщут пароход.

– Я все уже придумал, – сказал старик, в котором препятствия возбуждали жажду деятельности.

– Что вы придумали?

– Положитесь на меня. Соберите ваши вещи и будьте готовы исчезнуть через два часа.

– Говорю вам, они обыщут „Санта-Марию" от кормы до носа.

– Советую вам слушаться его. Его планы всегда хороши, – заметил Гленистэр, и адвокат стал готовиться в путь-дорогу.

Старый пионер предпринял систематический обход всех игорных домов города. Несмотря на поздний час, все они были битком набиты; в конце концов он нашел нужного его человека. Человек этот играл в „Черного Джека"; платье его пахло дегтем и морем, а сам он заливался веселым смехом. Дэкстри отозвал его в сторону.

– Мак, – сказал он, – у тебя есть два хороших качества: ты умеешь молчать и ты опытный моряк. В остальном ты злокачественное пьяное насекомое.

Моряк ухмыльнулся.

– Что ты хочешь от меня? Если дело касается денег, дел и прочих серьезных явлений жизни, то убирайся и не мешай моряку веселиться. Если же в воздухе пахнет дракой, то я к твоим услугам.

– Я хочу, чтобы ты разбудил своего кочегара, через час развел пары на своем буксире и подождал меня за мостом. Я нанимаю тебя на двадцать четыре часа, и, помни, молчок.

– Идет. Рядом со мной египетский сфинкс, сущая балаболка, в роде граммофона.

Затем старик направился в Северный трактир. Представление еще не кончилось, и он без труда нашел того, кого он искал.

Поднявшись наверх, он постучал в дверь одной из лож и вызвал капитана Стивенса.

– Я рад, что нашел вас, капитан. Слава богу, мне не придется ехать ночью к вам на пароход.

– В чем дело?

Дэкстри увлек его в укромный уголок.

– Мы с моим компаньоном желаем послать одного человека на вашем пароходе в Штаты.

– Ну, и прекрасно.

– Да, но тут есть одно „но". Этот человек – наш адвокат, и компания Мак Намары хочет засадить его в тюрьму.

– Ничего не понимаю.

– Они состряпали приказ об его аресте и завтра весь день будут охранять берег. Мы хотим, чтобы вы...

– Мистер Дэкстри, я не хочу навлекать на себя неприятностей. У меня и так их достаточно.

– Но послушайте, – настаивал Дэкстри. – Нам непременно надо послать его в Фриско, чтобы он там поднял тарарам в верховном суде. Какой-то... судья морочит нас. Мы приперты к стене.

– Мне очень жаль, Дэкстри, что я ничем не могу помочь вам. Я и так оказался замешан в одной из ваших проделок.

– В данном случае не будет никаких зайцев и вам ничего не грозит, – начал Дэкстри. Но капитан прервал его.

– Нет, и не просите. Я не согласен.

– А, вы не хотите. – Старик начинал сердиться. – Тогда послушайте меня. В лагере все знают, что мы с мальчиком абсолютно правы в этом деле и что нас обманывают и обкрадывают. Адвокат должен удрать сегодня же, а то они засадят его на основании какого-нибудь идиотского обвинения. Он просидит у них три месяца. Вот что я вам скажу. Если вы не возьмете его, то я тут же пойду к санитарному инспектору – он мой хороший знакомый – и он наложит карантин и на вас и на ваш пароход. Мне это очень неприятно делать – это не в моем обыкновении. А теперь, сэр, вот вам мой план.

Он в нескольких словах очертил его онемевшему моряку. Когда он кончил, Стивенс сказал:

– Никогда еще, сэр, со мной так не говорили. Вы употребили насилие, и при данных обстоятельствах я не в состоянии отказать вам. Я сделаю то, о чем вы просите, но не потому, что вы мне

грозите, а потому, что вы пострадали по делу „Мидаса", и потому, что я не могу не восхищаться вашей чертовской наглостью.

И он вернулся в ложу.

Дэкстри пошел в контору Уилтона.

Неподалеку от нее он заметил фигуру человека, стоявшего в соседнем подъезде.

– Они шпионят за вами, – объявил он, входя в контору. Есть у вас тут черный ход? Прекрасно. Оставьте лампу на столе, мы выйдем оттуда.

Они тихо вышли в темный, извилистый переулок, упиравшийся во вторую улицу. Шлепая по грязи, они круговым путем дошли до моста, под которым на стремительных волнах отражались огни Макова буксира.

Пары были разведены, и Дэкстри дал инструкции капитану. Они простились с адвокатом; маленькое судно понеслось вниз по течению, вышло в открытое море и исчезло в темной дали.

– Теперь я потушу лампу Уилтона, чтобы они подумали, что он лег спать, – сказал Дэкстри.

– Да, а утром я сменю тебя на чердаке Мак Намары, – сказал Гленистэр. – Вот будет потеха, когда они завтра не найдут его.

Они вернулись тем же путем в комнату адвоката, потушили свечи и пошли домой спать. На рассвете Гленистэр отправился на наблюдательный пост над конторой Мак Намары.

Нельзя сказать, что это было очень удобно – целый день лежать на балке, не отрывая глаз от трещины в полу; наблюдателю казалось, что день никогда не придет к концу.

Медленно ползли часы, и кисти Гленистэра нетерпеливо ныли, но он не смел двинуться, когда внизу кто-нибудь находился, ибо постройка напоминала своей хрупкостью карточный домик.

Впрочем, он забыл и о неудобствах своего положения, до такой степени он увлекся разыгравшимися под ним интересными сценами.

Сначала явился судебный пристав, заявивший о том, что ему не удалось найти Уилтона.

– Ему каким-то образом удалось выйти вчера вечером. Мои люди следили за ним и видели свет в его окне до двух часов ночи. В семь часов мы ворвались к нему, но его уже не было.

– Он откуда-нибудь узнал о наших планах. Пошлите понятых произвести основательный обыск на „Санта-Марии" и установите наблюдение за берегом, чтобы он не успел уплыть на маленькой лодке. Вы лично осмотрите пассажиров, идущих на пароход. Не доверяйте вашим людям. Он способен перерядиться и таким путем проникнуть на пароход. Он, пожалуй, даже может переодеться женщиной. Вы понимаете, в порту всего один корабль, и его не следует выпускать отсюда.

– Не выпустим, – сказал Вуриз убежденным тоном.

Незримый свидетель их разговора улыбнулся, так как в это время маленький буксир Мака уже находился в двадцати милях от берега, в ожидании парохода „Санта-Марии", и Билл Уилтон завтракал в его маленькой каюте.

Утренние часы проходили, не принося с собой известий об адвокате, и беспокойство Мак Намара стало возрастать.

В полдень, Вуриз вернулся с докладом, что пассажиры уже все на пароходе и что последний собирается отходить.

– Клянусь богом, он у вас проскользнул между пальцами, – бушевал политический деятель.

– Нет, не проскользнул. Он, может, и спрятался где-нибудь, в угольном ящике, но я лично думаю, что он еще на берегу и рассчитывает удрать в последнюю минуту. Я еще раз обыщу весь берег. Если мы не найдем его, то можете быть уверены, что он спрятался где-нибудь в городе и попадется нам позже. Я расставил людей вдоль берега на протяжении двух миль.

– Нельзя дать ему удрать. Если он доберется до Сан-Франциско... Скажите вашим людям, что я дам пятьсот долларов тому, кто найдет его.

Через три часа Вуриз вернулся.

– Пароход ушел без него.

Политический деятель разразился проклятиями.

– Я вам не верю! Он как-нибудь провел вас! Я в этом уверен.

Гленистэр ухмыльнулся над полусъеденным бутербродом и, повернувшись, лег на спину, различая говоривших по голосам.

Он оставался целый день на своем посту. Вечером он услыхал, как вошел Струве, очевидно опять сильно выпивший.

– Так он удрал, а? – начал он. – Я так и думал? Ловкий парень этот Уилтон.

– Ничего, он не удрал, – сказал Мак Намара. – Он еще в городе. Только дайте мне засадить его в тюрьму. Я не выпущу его до зимы.

Струве упал в кресло и дрожащей рукой зажег папиросу.

– Черт знает, что вышло, Мак. Вы думаете, мы выиграем?

Человек наверху напряженно прислушался:

– Выиграем... А разве мы уже не выигрываем? Чего вам больше надо. Только бы поймать Уилтона. Он знает кое-что, а много знать – штука опасная. Черт, если бы у меня был настоящий мужчина вместо Стилмэна. Не знаю, кой черт меня дернул привезти его.

– Вы правы. Он слишком слабохарактерен. Не то, что его племянница. Вот это девушка. Что бы вы делали без нее? Ах, молодец!

Гленистэр внезапно сжал кулаки. Какое право имел этот пьяница так говорить о ней.

– Да, она храбрая девочка. Подумайте, как она обработала Гленистэра и его дурака, компаньона. Надо быть здорово храброй, чтобы одной везти сюда ваши инструкции; если бы не она, дело

наше никогда не прошло бы так гладко. Не могу без смеха вспомнить, как эти двое прятали ее в своей каюте, а сами спали с овцами на твиндеке, когда все бумаги были спрятаны у нее же на груди. А потом, когда мы принялись за дело, она взялась за них и уговорила их отдать свой прииск без борьбы. Вот это называется „отвечать взаимностью любящему человеку".

Ногти Гленистэра впились в его ладони, и он смертельно побледнел. Он не был в состоянии сразу осознать услышанное им. Он испытывал чисто физическую боль, и моментами ему хотелось ударом кулака отбросить ужасное подозрение, навеянное словами нотариуса.

По природе своей он не был недоверчив, и девушка казалась ему существом чистым, таинственным, особенным и абсолютно неспособным на обман. Он любил ее, чувствуя, что придет день, когда и она неминуемо полюбит его.

В ее больших, прозрачных глазах он не нашел и тени двоедушия. И все же... Неужели она все время знала?

Он пропустил мимо ушей часть дальнейших разглагольствований адвоката. Теперь же он вновь припал к своей щелке в полу.

Мак Намара стоял у окна, глядя на темную улицу и повернувшись спиной к адвокату, валявшемуся в кресле и неустанно болтавшему.

Гленистэр скрипнул зубами – его охватило яростное желание дать волю своему гневу, сорвать голыми руками настилку потолка и ринуться на двух собеседников.

– Она понравилась мне, как только я ее в первый раз увидел, – продолжал Струве.

Он помолчал, и черты его лица как-то сразу погрубели.

– Знаете, Мак, я без ума от нее. И я нравлюсь ей, я уверен в этом. Во всяком случае она бы...

– Вы хотите сказать, что вы влюблены в нее? – спросил Мак Намара, не меняя позы.

Вопрос этот был задан равнодушным тоном, а между тем Гленистэр заметил, что он так стиснул сложенные за спиною руки, что вся кровь отлила от них.

– Люблю ли я ее?.. Это зависит... ха, ха. Вы сами знаете... Судья у меня в руках... и она будет моей, если...

Он захлебнулся в хрипе.

Мак Намара беззвучно бросился на него и стал его душить, прижав к стене. Гленистэр видел, как он отнял левую руку от горла Струве и уронил ее, продолжая держать извивавшуюся жертву одною рукою.

Струве тщетно старался оторвать душившую его руку. Мак Намара всей тяжестью давил его, держа свободную руку за спиной и неподвижно стоя на мощных своих ногах; усилия его жертвы стали, наконец, ослабевать.

Струве задыхался, и глаза его выкатились из орбит; лицо, поднятое кверху, к дыре, в которую смотрел Гленистэр, почернело. Его нижняя челюсть отвисла, язык высунулся изо рта, и он перестал биться.

Мак Намара кинул его на пол; он упал, как мешок, ударившись лицом о пол. Мак Намара постоял над ним, потом исчез из поля зрения Гленистэра и вернулся, неся ведро с водой.

Он ногой повернул несчастного на спину и облил его водой, потом уселся, закурил сигару и стал ждать, чтобы его жертва пришла в себя. Он даже не шевельнулся, чтобы вытащить его из образовавшейся лужи воды.

Струве застонал и вздрогнул, повернулся на бок и с трудом сел. Теперь в глазах его таился бесконечный ужас; опьянение его прошло; в нем были только страх и слабость, подлый страх перед огромным человеком, который сидел перед ним, покуривая и поглядывая на него леденящим взором.

Он нерешительно потрогал горло и вновь застонал.

– Зачем вы это сделали? – прошептал он.

Но тот промолчал.

Струве попытался встать, но колени его подогнулись, он пошатнулся и снова упал. Наконец, он кое-как поднялся и дошел до двери; когда он уже выходил, Мак Намара заговорил сквозь стиснутые зубы, не вынимая изо рта сигары:

– Не смейте никогда говорить о ней. Я женюсь на ней.

Оставшись в одиночестве, он с любопытством взглянул на потолок.

– Тут развелось большое количество крыс, – пробормотал он, – по-моему, их там целые полчища.

Несколько минут спустя в дыру на крыше соседнего дома вполз человек и затем уже вышел из дверей на улицу. В отдалении медленно двигалась фигура нотариуса Струве. Случайный встречный едва ли мог сказать, который из этих двух прохожих только что задыхался под тяжелой и безжалостной рукой, так как на обоих лица не было, и оба шли пошатываясь.

Гленистэр бессознательно свернул к своей хижине; однако, покинув освещенную улицу, он с отвращением представил себе ее безмолвие и мрак. Нет, он не в состоянии остаться наедине с собой и своими мыслями.

Он боялся одиночества. Дэкстри, вероятно, в городе, и он тоже пойдет туда, где шум и свет.

Он провел языком по сухим, потрескавшимся губам.

В былые годы он, бывало, возвращался в лагерь после изнуряющих походов, когда ему приходилось бороться с голодом и холодом, когда его члены немели от усталости, когда влажная одежда примерзала к телу, мозги притуплялись и отказывались работать.

В такие минуты его охватывала всепожирающая жажда, жажда, которая мешала и терзала его, жажда, которую нельзя было утолить ни водой, ни талым снегом; дикая жажда какого-то огненного опьянения, какой-нибудь палящей удушающей влаги.

Он жаждал виски, он жаждал брэнди.

Памятуя эти редкие дикие порывы, он не осуждал слабых и несчастных, неспособных устоять против подобного искушения.

И вот он внезапно вновь ощутил себя во власти той же всепоглощающей жажды. Казалось, жестокий холод сковал его тело, и бесконечная усталость, как после долгого пути, легла на его плечи.

То не было безрассудное желание утолить горе в вине и рассеять тяжелые мысли. Нет, то была настоящая, жгучая, физическая жажда. Он вспомнил, что уже больше года не прикасался к виски, и лихорадка прежних лет пронзила его тело.

Он протолкался через толпу к Северному театру; сидевшие у бара потеснились – они прочли на его лице знакомое выражение жажды.

Вид этих людей заставил Гленистэра взять себя в руки. Тут ведь не заброшенная заметенная снегом придорожная харчевня. Он не должен напиваться на глазах у грузчиков и крючников. Такие вещи надо делать в одиночестве...

Сосед его поднял стакан, и Гленистэр еле сдержал дикое желание вырвать его из его рук.

Он бегом бросился в театр, вошел в ложу и задернул занавеску.

– Виски, – хрипло крикнул он официанту, – поскорей, вы слышите меня! Виски!

С другого конца залы Черри Мэллот увидела, как он вошел в ложу и задернул занавески. Она встала и вошла к нему, не постучавшись.

– В чем дело, мальчик? – спросила она.

– А, я рад, что ты пришла. Поболтай со мной.

– Благодарю вас за любезное приглашение. Ты бы еще попросил меня придумать для тебя какую-нибудь остроту. Что это у тебя такой утомленный вид? Что случилось?

Она разговаривала с ним до тех пор, пока не вернулся официант. Увидев, что он принес виски, она схватила стакан с подноса и вылила его содержимое на пол. Гленистэр вскочил и схватил ее за руку.

– Это еще что такое? – грубо спросил он.

– Это виски, мальчик, – ответила она, – и ты не будешь пить его.

– Разумеется, это виски. Принесите еще, – крикнул он официанту.

– Что с тобой, – настаивала Черри, – я никогда не видала тебя таким. Ведь ты никогда не пьешь, я не позволю тебе пить. Этот дурман годится только для дураков и драгунов. Не пей, Рой. Скажи, у тебя какие-нибудь неприятности?

– Говорю тебе, мне хочется пить, и я буду пить. Разве ты не знаешь, что это за чувство, когда внутри все горит, когда высыхает кровь в жилах.

– С той девушкой что-нибудь неладно, – со спокойной уверенностью произнесла женщина, – она обманула тебя.

– Ну, да, и что же из этого? Я хочу пить. Она выходит замуж за Мак Намару. Я свалял дурака...

Он скрипнул зубами и протянул руку за вновь принесенным стаканом.

– Мак Намара – мошенник, но он мужчина и ни разу не напивался за всю свою жизнь.

Черри говорила равнодушно и спокойно; тем не менее Гленистэр замер, держа стакан в руке.

– Ну, так что же. Продолжай. Тебе очень к лицу эти добродетельные разговоры.

Она покраснела, но продолжала говорить.

– Мне просто показалось, что если ты не в силах справиться со своими желаниями, то где же тебе победить человека, который умеет управлять собой.

Гленистэр молча поглядел на виски и поставил стакан обратно на поднос.

– Принесите два лимонада, – сказал он со смехом, походившим на рыданье.

Черри Мэллот наклонилась и поцеловала его.

– Ты такой чудесный парень. Зачем тебе пить? Ну, а теперь расскажи мне все по порядку.

– О, это слишком длинная история. Я только что узнал, что эта девушка все время участвовала в заговоре судьи и Мак Намара. Она – их агент, их разведчик. Она привезла Струве их инструкции и уговорила нас с Дэксом не сопротивляться захвату нашего участка, она уговорила нас довериться закону и ее дядюшке. Да, она загипнотизировала меня до того, что я отдал свое состояние ее жениху – этому политикану. О, она кого угодно обманет своей внешностью. Когда она улыбается, чувствуешь себя согретым, веселым и добрым. Ее глаза чисты и прозрачны как горный ключ, но она лжива... она лжива – и, о господи, как я люблю ее.

Он закрыл лицо руками.

Когда Черри Мэллот умоляла его пощадить самого себя, она была совершенно искренна; теперь же, когда он заговорил о другой женщине, с ней произошла какая-то перемена, которой он в своем горе не заметил. Она надела свою обычную маску, и в ее глазах засветилось что-то неприятное.

– Все это я могла бы тебе сказать раньше, и даже больше.

– Больше? Что может быть еще?

– Помнишь, когда я прибежала предупредить тебя и Дэкстри о предстоящем обыске на вашей квартире. Это она направила их

на вас; я это узнала потом. Ключи от сейфа Мак Намары хранятся у нее, и это она командует судьей, а вовсе не Мак Намара.

Черри лгала без запинки, и он поверил ей.

– Помните, как они взломали ваш сейф и взяли ваши деньги?

– Да.

– Откуда они знали, что у вас там десять тысяч.

– Не знаю.

– О, я знаю: Дэкстри говорил ей.

Гленистэр встал.

– Довольно, – проговорил он. – Я сойду с ума; у меня трещит голова, со мной еще никогда не случалось ничего подобного. Видите ли, все эти годы я жил как животное, пил, когда хотелось пить, и брал все, что хотел, потому что я был достаточно силен, чтобы брать. Но такие вещи для меня новы. Пойду вниз, постараюсь рассеяться, а потом домой.

Оставшись в одиночестве, она отдернула занавески, облокотилась о барьер и стала смотреть вниз на толпу. Представление окончилось, и танцы были в разгаре; но она не видела их; она была погружена в размышления; казалось, она наконец-то увидела перед собой цель, к которой она так упорно и так долго стремилась. Она не заметила ни знаков, подаваемых ей Бронко Кидом, ни человека, стоявшего рядом с ним. В конце концов игрок привел своего знакомого к ней в ложу и представил его в качестве мистера Чемпиона.

– Не хотите ли потанцевать? – спросил новоприбывший.

– Нет, я лучше посмотрю, мне хочется сегодня общества. Вы человек светский, мистер Чемпион. Что слышно новенького... Может быть, скандальчик какой-нибудь или что-нибудь в этом роде?

– Определенного ничего не слыхал. Но сплетен много. Забавно, как много люди воображают о себе. Как-будто мы не все равны между собой здесь, севернее пятьдесят третьего градуса широты. Просто смешно!

– Кого вы имеете в виду? – спросил Бронко.

– Племянницу судьи, – мисс Честер.

Черри резко повернулась к говорившему, а Кид медленно отпустил на пол передние ножки своего стула.

– В чем дело? – спросила Черри.

– Оказывается, она порядочно скомпрометировала себя с этим молодцом, Гленистэром, прошлой весной на пароходе. Моя жена говорит, что это просто стыд и срам. Она ехала на одном с ними пароходе и была возмущена их поведением.

„Ах, так, значит, Гленистэр рассказал не всю правду, – подумала Черри. – Только теперь выясняется истина".

В этот момент Чемпион взглянул на нее и решил, что она типичная представительница своего мира – мира танцулек и балов, хитрая, ревнивая, на все способная авантюристка.

– И такая девка позволяет себе изображать приличную барышню, – насмешливо фыркнула она.

– Она и есть приличная барышня, – сказал Кид.

Он сидел прямой, как палка, и костяшки на его кулаках побелели от напряжения.

Полумрак, царивший в ложе, не дал остальным присутствовавшим заметить, как побледнело его загорелое лицо.

Больше он ничего не сказал. Чемпион вскоре ушел. Когда дверь затворилась за ним, Кид встал, потягиваясь, как после сильного напряжения. Черри посмотрела на него.

– Чего ты улыбаешься? – Потом, вглядевшись в него, она вздрогнула. – На кого ты похож? Ты болен.

Ни один человек на Аляске не видел такого выражения на лице Бронко Кида.

– Нет, я здоров, – ответил от изменившимся голосом.

Девушка хрипло рассмеялась.

– И ты влюблен в нее! Что это такое? Все мужчины в городе сходят по ней с ума.

Она заломила руки – плохой признак для человека властного и нервного – и, увидав Гленистэра, пересекавшего внизу зал, произнесла:

– Я готова убить его за это.

– И я тоже, – сказал Кид и вышел, не попрощавшись с ней.

Глава XIII

О ЧЕЛОВЕКЕ, ОДЕРЖИМОМ БЕСАМИ

Черри Мэллот долго сидела, погрузившись в размышления. Она так далеко унеслась от музыки и танцев, что звуки бала доносились к ней лишь в виде какого-то хаотического шума.

Она приставила стул к двери, подсунув его под дверную ручку, чтобы ей никто не мог помешать, бросилась в кресло и глубоко задумалась.

По мере того, как она думала, лицо ее все больше омрачалось и загоралось ненавистью. Моментами она невнятно стонала, как бы боясь, что ее планы могут провалиться. Время проходило незаметно для нее; вдруг среди говора в соседней ложе, до нее донеслось имя, заставившее ее вздрогнуть. Мужской голос возбужденно рассказывал что-то о Гленистэре.

– Я ничего подобного не видал со времен знаменитого случая с Мак Мастером в Виргинии тринадцать лет тому назад. Ну и везет человеку.

– Весьма возможно, – с сомнением возразил другой голос. – Но я все же не намерен входить к вам в долю.

– Тогда одолжите мне деньги. Я отдам их вам через час, только, ради бога, давайте скорее. Я вам говорю, он сегодня стоит миллионы. Сегодня – его ночь. Через четверть часа уже нельзя будет пробиться к столу: весь лагерь до последнего человека прибежит сюда.

Итак, насколько она поняла, Гленистэр играл. И притом так счастливо, что возбуждал зависть во всех жителях Номе. Весть о его счастливой игре распространялась по улицам, и любители этого спорта стекались отовсюду с целью примазаться к нему. Кто не имел денег, занимал их, чтобы поставить на его счастье.

Черри покинула свое убежище, сбежала вниз по лестнице и увидела странную сцену. Танцевальный зал был пуст. В нем остались одни музыканты, которые продолжали энергично играть в надежде вернуть часть толпы, хлынувшей в игорный зал. Больше всего народа толкалось около стола, стоявшего посередине зала.

Черри не видела, что там происходило, так как мужчины и женщины окружали стол в десять рядов. Иные влезли на стулья и столы, тянувшиеся вдоль стен. Вдруг раздался рев, за которым наступило мертвое молчание; затем послышался звон серебра. Еще через секунду толпа вновь заговорила и засмеялась.

– Он выиграл восемнадцать ставок подряд, – раздался голос банкомета. – Делайте вашу игру.

Опять наступил напряженный момент, слышался стук костей, а потом загремели торжествующие крики. Банкомет выхватил деньги, и Гленистэр встал с места и прошел к рулетке. Толпа последовала за ним. На столе, из-за которого он встал, не осталось ни одной ставки. К Черри подошел Мексико Меллинз, и она засыпала его расспросами.

– Он только что сорвал банк в „Крэп", – сообщил он. – Он выиграл девятнадцать раз подряд.

– Вы играли?

– Нет, разве вы не знаете, что я играю только в рулетку. Если счастье не покинет его, то и я поставлю в рулетку на его номер.

Возбуждение толпы начало передаваться и Черри, хотя она не принимала участия в игре. Торжествующие возгласы, внезапные затишья и всеобщее нервное напряжение действовало на нее.

Какой-то незнакомец вынырнул из толпы и подбежал к Меллинзу и Черри. Он был мал ростом и рыжеват, с бегающими глазами и коротким подбородком. Глаза его горели, крысиные зубы сверкали.

Он крикнул им, словно дикий зверь, травимый собаками. Неестественное возбуждение звучало в его пронзительном голосе.

– Не дурно, а? Для трех ставок!

Он помахал связкой банкнотов.

– Почему же вы перестали играть? – спросил Меллинз.

– Я не так глуп. Я знаю, когда надо уходить. Он не может

выигрывать все время. Он играет без системы. Ну вот, что я вам говорил?

У стола вновь раздался шум.

– Да ведь он опять выиграл, – сказал Меллинз.

– Что вы говорите? Ах, черт. Я слишком рано ушел.

Он помчался обратно, но через минуту вернулся, сжимая деньги в кулаке.

– Вы думаете, можно играть? В жизни не видал я такой отчаянной игры. Лучше бросить, а?

Он заметил насмешливую улыбку Черри и опять убежал.

Они видели, как он пробирался к своему месту у рулетки.

– Пустите, – орал он, – у меня есть деньги. Я хочу ставить.

– Фу, – сказал Меллинз с отвращением. – Это один из этих горе-игроков, не сделавших ни одной ставки до тридцатилетнего возраста. Если Гленистэр проиграет, он возненавидит его на всю жизнь.

– Их тут много, – ответила девушка. – Мерзкие, копеечные душонки.

Внезапно к ней подошел Бронко Кид. Он прислонился к стене и стал наблюдать за тонкой струей дыма, подымавшегося от его папиросы; казалось, он не замечал окружающего. Ничего не напоминало в нем человека, только что пережившего сильное волнение.

– Солидное избиение, а? – сказала Черри.

Игрок равнодушно кивнул головой.

– Ты не держишь банка? Ведь сегодня твоя очередь.

– Вчера вечером отказался. Как раз вовремя.

– Тебе повезло.

– Да. И я купил вчера его место.

– Что ты говоришь? Значит, он выигрывает твои деньги?

– Вот именно, по тысяче долларов в минуту.

Она взглянула на ряд опустошенных столов. Судя по усилившемуся шуму, Гленистэр снова выиграл. Черри вдруг подумала, что человек, стоящий рядом с нею, как-то неестественно спокоен и что взор его чересчур равнодушен.

Как выяснилось через минуту, она не ошиблась.

Музыкантам надоело зазывать танцоров и, решив принять участие в общем увлечении, они бросили играть. Дирижер положил скрипку; пианист доиграл последнюю руладу и встал со своей табуретки.

Все они пересекли залу и вмешались в толпу, доставая деньги.

Увидя их, Бронко Кид внезапно возгорелся дикой яростью. Он шагнул вперед и, схватив одного из музыкантов за плечо, отшвырнул его в сторону.

– Куда вы идете?

– Никто не хочет танцевать, так что мы решили тоже попытать счастье.

– Убирайтесь вон отсюда, черт вас побери.

Он как-будто обрадовался случаю дать исход накопившейся в нем ярости. Одного взгляда на его взбешенное лицо было достаточно для музыкантов, и они поспешно вернулись на свои места.

Тем временем Кид уже овладел собой и вновь надел свою обычную маску. Однако за этот короткий миг Черри успела заметить, что человек этот в сущности вовсе не такая ледяшка, как предполагали его знакомые.

Он повернулся к ней и сказал:

– Ты серьезно говорила там, наверху?

– Не понимаю.

– Ты говорила, что могла бы убить Гленистэра.

– Да. Могла бы.

– Разве ты его не любишь?

– Я ненавижу его, – глухо ответила она.

Кид невесело улыбнулся и, увидав, что игрок, метавший банк, встал из-за стола, подозвал его.

– Тоби, – сказал он, – когда Гленистэр сядет за „Фаро", я буду метать банк, а машинка пусть будет у тебя. Понимаешь?

– Понимаю. Ты хочешь вытряхнуть его, а?

– Я еще ни разу не мошенничал в этом городе, – сказал Кид, – но сегодня я либо обыграю этого человека, либо убью его. Слушай внимательно. Я сейчас объясню тебе знаки, которые я буду подавать тебе. Если ты проморгаешь их, ты погубишь нас обоих.

Он наскоро сообщил Тоби значение различных условных знаков, говоря на совершенно непонятном для непосвященных жаргоне и еле заметно двигая то одним, то другим пальцем, либо кистью руки. Черри стояла подле него; ей, как опытному банкомету, не требовалось никаких объяснений, она читала по этим знакам, как в открытой книге, и запомнила их скорее, чем Тоби.

За игрой в „Фаро" игроку, заменяющему крупье, полагается сидеть напротив банкомета; перед ним стоит „машинка". Когда банкомет вынимает карту из своего ящичка, визави его со своей стороны нажимает кнопку „машинки", соответствующую данной карте.

Таким образом игроки узнают, какие карты еще остались неигранными. Дело это весьма несложное, но очень ответственное, потому что, ошибись он хоть раз, вся игра пойдет на смарку.

При правильной сдаче „Фаро" самая правильная из всех игр; однако она так сложна, что предоставляет шулеру обширное поле деятельности.

Поколения шулеров изобрели бесчисленные способы надувать неопытных игроков, все эти шулерские приемы так ловко замаскированы, что одни лишь посвященные в состоянии уловить, в чем тут соль, а круговая порука, практикуемая в этой среде, так сильна, что разоблачения чрезвычайно редки.

Пренебрегая обычным способом „булавочных уколов", при котором невидимая булавка колет палец банкомета, указывая

на присутствие той или иной карты, Бронко Кид решил пустить в ход „песочный способ".

Иными словами, он должен был играть колодой, в которой некоторые карты были слегка натерты песком или наждачной бумагой; если посильнее придавить такую карту к колоде, то нижняя карта пристанет к неровной поверхности верхней и тем самым даст банкомету возможность сдавать две карты зараз.

Кроме того, еле слышный звук при сдаче, происходящий от трения неровной поверхности, указывает банкомету на присутствие меченой карты. Углы иных карт слегка срезаются для того, чтобы, уложив их в машину, можно было разглядеть масть и цифру на краю карты, лежащей под обрезанной картой.

При большой практике все это проделывается безошибочно, игра ведется наверняка, и жертва обыгрывается дотла.

Ясно, что союзник банкомета должен следить за всеми его движениями с неусыпным вниманием, так как каждая его ошибка может повести к крупным неприятностям.

Покончив с инструкциями, Бронко Кид удалился, и Черри проскользнула к рулетке. Ей хотелось посмотреть на Гленистэра, но толпа мешала ей подойти к нему. Глаза всех были устремлены на стол, словно от этих красных и черных рядов зависело спасение души. Было так тесно, что крупье с большим трудом бросал шарик; он отталкивал игроков, но те лезли вперед, загипнотизированные жужжанием крутящегося шарика, обезумевшие от капризов фортуны.

Оказалось, что Гленистэр все еще продолжает выигрывать и что вскоре банк будет сорван.

Черри с трудом пробралась сквозь толпу и заняла место у стола „Фаро", где Кид уже метал банк.

Лицо его было по обыкновению равнодушно, а движения длинных, белых пальцев были размерены и спокойны; спокойствие это свидетельствовало о колоссальной выдержке и огромном мастерстве.

Кид ждал; напротив него сидел Тоби.

Вскоре Гленистэр вместе с толпой перекочевал к „Фаро". Черри с трудом узнала его; тупая безнадежность исчезла с его лица, ставшего багровым и жестким; воротник его рубашки был растегнут, и из него выступала могучая, мускулистая шея; он весь как-то погрубел от азарта и опять превратился в жестокого, неукротимого, примитивного обитателя дикой страны.

Он вступил было на новый путь, но он оказался негодным для него; он вернулся на старый путь, и прошлое поглотило его.

Покинув Черри, он стал искать забвения; он хотел избавиться от преследовавших его мыслей и стал играть. Выигрывая, он не снимал ставок. Они удваивались, утраивались и т. д., но он оставался равнодушным как к выигрышу, так и к проигрышу; он проявлял

полное презрение к теории вероятности, рассчитывая поскорей проиграть выигранные деньги и пойти домой. Но счастье не покидало его; тогда он повысил ставки и все-таки продолжал выигрывать.

Уже другие игроки начали ставить на его карты, увлеченные завистью и азартом. Толпа ежеминутно росла, а с толпой росло и возбуждение; наконец, возбуждение передалось и ему, сначала незаметно, потом все сильней и сильней, до тех пор, пока азарт не захлестнул его окончательно.

Сев за „Фаро", он не обратил ни малейшего внимания на Черри. Он интересовался только своей ставкой.

Черри сжала кулаки и пожелала ему скорейшего проигрыша.

– Какая ваша крайняя ставка, Кид, – спросил Гленистэр.

– До двухсот, – ответил Кид.

Это обозначало, что можно ставить до двухсот долларов на каждую карту, исключая последнюю, на которую ставится только половина указанной суммы.

Игра началась. Кид сдавал, платил и принимал деньги с точностью машины. Зрители приумолкли в ожидании кульминационной точки всего вечера. Все прочие игры были детской забавой в сравнении с „Фаро".

Сначала Гленистэр безостановочно выигрывал; а потом Черри заметила, что Кид делал знак рукой, и банк немедленно выиграл; так как это был его первый более или менее значительный выигрыш, игроки не обратили на него внимания.

Однако скоро счастье стало определенно склоняться на сторону банкомета.

– Это скучно, – внезапно сказал Гленистэр. – Надо играть поживее.

– Пожалуйста, – ответил Кид. – Удвоим ставки.

Ставки были повышены до четырехсот долларов на карту, и тогда-то Кид начал играть по-настоящему.

Гленистэр теперь безостановочно проигрывал небольшими суммами, но с удивительной точностью.

Мастерство Бронко Кида положительно потрясло Черри; она никогда еще не видала такую работу. Невезение, казалось, только увеличивало нервность толпы, и нетерпение ее еще возросло от того, что Тоби два раза подряд ошибся и указал неправильные карты, так что тем, кто поставил в последнюю сдачу большие ставки, были возвращены их деньги.

Черри заметила ошибку Тоби раньше Кида. Очевидно, Тоби начал сбиваться с толку.

Банкомет работал слишком скоро для него и не имел возможности указать его ошибки из страха перед стоявшей позади него толпой. Не делал он этого еще и потому, что боялся, как бы кто из присутствующих не предложил заменить неопытного крупье; в толпе было много игроков, вполне пригодных для этого дела.

Все, что Киду оставалось делать, это – метать озлобленные взгляды через стол на своего несчастного союзника.

Девушка внезапно обратилась к Тоби.

– Пустите меня на ваше место, вы устали.

Тоби вопросительно взглянул на Кида; тот кивнул головой. Тоби встал со своего места, и девушка заменила его. Банкомет знал, что она не допустит ни одной ошибки; острый ум ее стал еще проницательнее от ненависти, сквозившей в выражении ее лица.

Едва ли мог Гленистэр избегнуть разорения в эту ночь.

В голове новой помощницы банкомета было одно твердое решение: Рой должен быть сегодня уничтожен, унижен, разорен и сделан посмешищем толпы. Тогда, павший, потерявший кредит, он, быть может, вернется к ней, как в давно прошедшие времена. Он ускользал от нее, и это ее последний шанс.

Внимание и ловкость ее подзадоривали Бронко, и сам он стал еще ловче и внимательнее.

Гленистэр выругался про себя, говоря что карты заколдованы. Он был похож на пьяного и на самом деле он был опьянен игрою, как вином. Он качался, сидя на месте; жилы на его шее надулись и вздрагивали, лицо было налито кровью.

– Я хочу поставить самую большую ставку. Что это, детская игра, что ли? – воскликнул он.

Банкомет бросил торжествующий взгляд на девушку и согласился.

– Хорошо, крайних ставок уже не существует. Можете наваливать их хоть до потолка.

Он начал тасовать карты.

Воздух стал жарким и тяжелым внутри тесного круга людей.

По загорелой коже Гленистэра стекал пот, но он этого не замечал. Он встал и сорвал с себя куртку; стоявшие за ним нетерпеливо переступали с ноги на ногу.

Кроме Роя, теперь играло всего три человека; это были те из игроков, которые больше других выиграли в начале игры. Теперь же, когда счастье отвернулось от них, они не решались бросить игру.

Черри надоел звук свистящего, храпящего дыхания; повернув голову, она увидала маленького человечка, бывшего в столь возбужденном состоянии в начале игры. Рот и глаза его были широко раскрыты, и губы подергивались. Он давно проиграл выигранные сотни и даже больше того. В окружавшей стол толпе не было ни одной женщины; их давно оттиснули назад. Черри была довольна, что она тут. Она поможет разбить и унизить Гленистэра. Да, поможет, и с какой радостью!

Рой поставил сто долларов и проиграл на третьей сдаче. Он затем поставил двести и еще проиграл, затем четыреста и проиграл в третий раз. Фортуна отвернулась от него. Он скрипнул зубами и стал удваивать ставки до чудовищных размеров, но

с одинаковым результатом. Безумная, еле сдерживаемая ярость поднималась в душе Гленистэра. Деньги не его; что же, если он и проиграет их!.. Он решил играть, пока не выиграет. Он непременно выиграет. Эта несчастная полоса должна же когда-нибудь кончиться; однако она продолжалась с дьявольской настойчивостью. Другим игрокам шла лучшая карта, пока он не начинал ставить вместе с ними; тогда и они начинали проигрывать.

Как ни странно, но капризная судьба на самом деле изменила Гленистэру, и Бронко Кид теперь уже сдавал вполне честно. Он был слишком хорошим игроком, чтобы не использовать счастливую полосу. Его выигрыш принимал колоссальные размеры. Девушка, участница этой драмы, находилась в состоянии сильнейшего нервного напряжения и то смотрела на свои фишки, то вглядывалась в профиль своей жертвы. Гленистэр продолжал проигрывать, и она радовалась, что приближается его разорение. Когда у него изредка бывала хорошая карта, она содрогалась от страха, боясь, что ему удастся спастись. Хоть бы он решился сразу рискнуть всем состоянием. Тогда ему поневоле пришлось бы вернуться к ней.

Конец был ближе, чем она рассчитывала. Толпа, еле переводя дыхание, упорно следила за игрой. Слышался только стук передвигаемых фишек и отдаленные звуки оркестра. Наблюдатель неподвижно, с потухшей сигарой в губах, сидел на своем возвышении, не отрывая глаз от стола. Тут же столпились золотоискатели, неподвижные и напряженные. Если кто-нибудь кашлял, то десятки глаз с укором взглядывали на него и быстро снова возвращались к столу.

Гленистэр вынул из-под платья пачку банкнотов, столь толстую, что он еле охватывал ее руками. Наблюдавшие заметили, что банкноты были в большинстве желтого цвета. Он сосчитал их при общем молчании и быстро взглянул на банкомета. Тот кивнул, и Гленистэр толкнул пачку на короля. Тяжелый вздох вырвался из груди толпы. Север не видел еще такой ставки, — это было целое состояние. Тут был материал для легенды о человеке, разбогатевшем в один вечер и проигравшем целое состояние на одной ставке. Судьба его зависела от одной карты.

Пальцы Черри Мэллот были холоднее льда и вздрагивали так, что ящик дрожал у нее под руками; сердце ее билось неудержимо. Она знала, что если Гленистэр выиграет эту ставку, то он бросит играть. Если же он проиграет, то... Ах, можно ли сравнить чувства Кида, игравшего ради мелкой мести, с теми надеждами на счастье и на жизнь, которые она соединяла с исходом игры.

По-видимому, Бронко Кид знал, какая будет следующая карта; он не сделал ей никакого знака и медленно и решительно двинул верхнюю карту из ящика. Хотя это была самая большая игра в его жизни, но он не выказал никакого беспокойства. Вышла девятка бубей, и толпа тяжело вздохнула. Король не выиграл. Бит ли он?

Взоры всех были прикованы к маленькому никелированному ящику. Судьба самой большой из сделанных в Аляске ставки зависела от следующей карты.

Рука банкомета медленно вернулась к ящику. Он прикоснулся к девятке бубей, и вместо нее появился король треф. Молчание было, наконец, нарушено.

Люди заговорили, некоторые засмеялись, но смех их звучал невесело. Будто кто-то задыхался. Все время стоявшие люди топали затекшими ногами. Банкомет захватил пачку банкнот, и, не считая, бросил их в ящик стола.

Черри провела дрожащей рукой по лицу, на руке осталась кровь от закушенной губы. Гленистэр продолжал сидеть, нахмурив брови, сумрачный, с нависшими на лоб волосами и покрасневшими мутными глазами.

– Я досижу до конца талии, если ты позволишь мне играть на веру, – сказал он.

– Конечно, – ответил банкомет.

Когда игрок просит играть на веру, то ему разрешается назначать ставки, не кладя их эквивалента на стол, и банкомет имеет право разрешить или отказать ему в зависимости от его кредитоспособности.

Это дело верное, так как на Севере никто не отказывается от уплаты карточных долгов, и многие тысячи проигрываются таким образом.

В ящике осталось еще несколько карт, и банкомет дал их, проиграв трем остальным игрокам. Гленистэр безучастно сидел на своем конце стола, насупившийся и хмурый.

Черри смертельно устала. Последний час стоил ей такого напряжения, что она еле могла сидеть на месте. Однако она твердо решила досидеть до конца игры. Перед последней сдачей многие поставили уже ставки, и Бронко собирался сдавать, когда Гленистэр заговорил:

– Стой. Сколько это заведение стоит, Бронко?

– Что такое?

– Ведь оно твое. Ну, во что оно тебе обошлось?

Бронко ответил не сразу. Толпа с любопытством навострила уши, а Черри обратила удивленный и смущенный взор на золотоискателя.

– Считая задолженность банку, обстановку и все остальное, выйдет сто двадцать тысяч долларов. А что?

– Я поставлю на туза мою половину „Мидаса", если ты рискнешь своей проклятой лавочкой.

Среди присутствующих воцарилось полное молчание, когда они сообразили смысл этого предложения. Человек сошел с ума. Оставались всего лишь три карты; одна могла выиграть, другая проиграть, третья же значила бы ни в чью.

Черри Мэллот не вполне понимала побуждения Гленистэра. Не страсть к игре и не простое упрямство мешали ему бросить игру, а какое-то более глубокое чувство. Он был в отчаянии.

Эллен была утеряна для него, хуже того, она была недостойна его чувства, а кроме нее ему ничего на свете не надо было. На что ему „Мидас" с тяжбами, мошенничествами и интригами? Ему все до смерти надоело, хотелось все бросить и уйти подальше. Если он выиграет, – прекрасно; если же проиграет, то Северная страна уже не увидит его.

Услыхав его предложение, Бронко Кид опустил глаза, как бы призадумавшись. Девушка видела, что он с глубоким вниманием рассматривает карты в своем ящике и что пальцы его слегка дотрагиваются до верхней из них, пока все внимание толпы было устремлено на Гленистэра; наконец, она увидела на лице его мимолетную улыбку торжества, которого он не мог скрыть от нее; ответные слова его прозвучали медленно и неуверенно, но Черри поняла, что Гленистэр уже нищий.

– Можешь ставить.

– Сдавай, – настойчиво и хрипло требовал Гленистэр.

Девушке хотелось крикнуть. Она задыхалась. От торжества ли? За ней еще громче и сиплее дышал маленький человек, а наблюдатель облизывал сухие губы.

Человек, которого разорили при ее участии, нагнулся вперед; худощавое лицо его окаменело, в глазах было странное выражение боли и усталости.

Она никогда не могла забыть этого взгляда.

Толпа, еще не пришедшая в себя от волнения после последней громадной ставки, уже нетерпеливо выжидала.

Ей был хорошо известен „Мидас" и то, что он собою представлял. Половина его лежала под одной картой.

Кид с мучительной медленностью открыл верхнюю карту. Тройка пик. Гленистэр не сделал ни единого движения. Кто-то кашлянул, и звук этот показался громким, как выстрел. Банкомет преднамеренно остановился, затем улыбнулся девушке, когда тройка исчезла и появился туз, знаменовавший собою полное разорение Гленистэра. Тот поднял глаза с диким выражением.

Вдруг жуткая тишина нарушилась внезапным треском; Черри Мэллот с размаху захлопнула свой ящик, закричав высоким и пронзительным голосом:

– Ставка не считается. В ящике ошибка.

Гленистэр вскочил, опрокинув стул, а Кид нагнулся вперед, через стол, и протянул свои удивительные, ногтеобразные руки, как бы стараясь удержать богатство, которое она вырывала из них. Руки эти перебирали пальцами и трепетали в немой ярости, впиваясь в клеенку стола. Лицо его побелело и стало жестоким, и он глядел на нее уничтожающим взглядом до тех пор, пока она, объятая ужасом и дрожа, не встала с места.

Сознание медленно вернулось к Гленистэру, а вместе с ним и понимание окружающего. Казалось, он проснулся от кошмара; ему стал ясен и понятен взгляд бессильной ненависти банкомета, направленный на женщину, которая дрожала перед ним, как кролик под взглядом змеи.

Она пыталась заговорить, но не могла. Банкомет пришел в себя и, подняв кулак, ударил им о стол с такой силой, что фишки запрыгали и покатились, а Черри закрыла глаза, чтобы не видеть страшной гримасы, исказившей его черты.

Гленистэр взглянул на него и сказал:

– Мне кажется, я понимаю. Однако деньги были ваши, так что мне все равно.

Смысл его речи был ясен, и Кид внезапно открыл ящик стола, но Гленистэр сжал кулак и нагнулся над ним. Он мог бы убить банкомета одним ударом, так как тот сидел и потому был беззащитен.

Кид остановился, и лицо его задергалось; по-видимому, нервы его не выдержали ужасного напряжения.

– Вы дали мне хороший урок, – только и сказал Гленистэр, проталкиваясь сквозь толпу на свежий, ночной воздух.

Сверху мерцали звезды, его встретил запах моря, чистый и свежий. Идя домой, он слышал вой собак-ублюдков. В нем звучала вся тайна и печаль Северной страны.

Гленистэр остановился и, сняв шапку, долго стоял, медленно приходя в себя.

Он давал себе обещание, торжественно клянясь, никогда больше не брать карты в руки.

В это время Черри Мэллот быстро, как бы спасаясь от погони, подходила к своему домику.

Перед тем, как войти, она вскинула руки в темноте широким жестом отчаяния.

– Зачем я это сделала? Ах, зачем я это сделала? Я сама себя не понимаю.

Глава XIV

ПОЛУНОЧНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

– Разве ты не понимаешь, дорогая Эллен, что мое официальное положение требует от меня исполнения известных общественных обязанностей.

– Ты прав, дядя Артур, но мне гораздо приятнее сидеть дома.

– Ну, вот еще. Ступай, повеселись хорошенько.

– Я разлюбила танцы. Все это прекрасно там, дома. Однако, если и ты пойдешь...

– Нет, я слишком занят. Я должен проработать весь вечер и не в настроении веселиться.

– Ты нездоров, – сказала племянница судьи. – Я давно уже это заметила. Или переутомился от работы. Ты нервничаешь, ничего не ешь и худ, как вешалка. Посмотри, ты весь в морщинах, как старик.

Она встала из-за стола, за которым они завтракали, и, подойдя к нему, ласково погладила его серебрившуюся голову.

Он взял ее свежую руку и прижал к своей щеке; его обычное выражение озабоченности сменилось улыбкой.

– Это от работы, девочка, тяжелой и неблагодарной работы. Страна эта годна для людей молодых, а я слишком стар для нее.

Он вновь задумался и нервно сжал ее пальцы, как бы вспоминая нечто неприятное.

– Это страшная страна, лучше было бы, если бы мы никогда ее не видели.

– Не говори этого, – воскликнула Эллен. – Это дивная страна. Подумай, какая для тебя честь. – Ты первый судья Соединенных Штатов, приехавший сюда! Ты творишь историю, строишь страну, о тебе будут писать в книгах.

Она нагнулась и поцеловала его; но он почти содрогнулся от ее ласки.

– Я скажу Мак Намаре, чтобы он зашел за тобою в девять часов, – сказал, уходя, судья.

Эллен вынула давно заброшенные наряды и когда Мак Намара вечером явился за нею, он нашел ее красивейшей из женщин.

Он еще больше возгордился, когда они очутились на балу, так как собрание мало походило на вечеринку в лагере рудокопов.

Женщины были элегантно одеты, а все мужчины во фраках. Широкая зала тянулась во всю длину гостиницы; по бокам ее были ложи, пол блестел, как стекло, а стены были эффектно разукрашены.

– Ах, как красиво, – сказала Эллен, войдя. – Это совсем, как дома.

– Я видал быстро выраставшие города, – сказал он, – но их нельзя и сравнивать с этим. Впрочем, если северяне способны построить железную дорогу в месяц и целый город за одно лето, так почему бы не иметь симфонические оркестры и бальные залы в стиле Людовика XV?

– Я знаю, вы отличный танцор, – сказала она.

– Будьте моим судьею. Я ни с кем не хочу танцевать, кроме вас.

После первого вальса он оставил ее, окруженной кавалерами, и вышел из бальной залы. Он впервые после приезда на Север дозволил себе развлечение. „Не следует превращаться в скучного домоседа", – подумал он, покусывая сигару и с необычайным для него волнением думал о стройной сероглазой девушке, с пышными волосами, белыми плечами и веселой улыбкой. Он представил ее себе танцующей ту-стэп и поймал себя на том, что ему была

неприятна мысль, что другой хотя бы на мгновение наслаждается ее прелестью.

– Держись, Алек, – пробормотал он. – Ты слишком старый волк, чтобы терять голову.

Это не помешало ему, однако, быть на месте к их следующему танцу. Ему показалось, что она уже не так весела.

– Что случилось. Разве вам не весело?

– О, нет, – быстро ответила она. – Я отлично провела время.

Когда он пришел к третьему своему танцу, она была еще рассеяннее.

Они вместе прошли мимо группы женщин, среди которых была миссис Чемпион и другие дамы, жены выдающихся лиц горсда. Он встречал некоторых из них в доме судьи Стилмэна и крайне удивился тому, что они не ответили на его приветствие и игнорировали Эллен. Она слегка вздрогнула, и он понял, что случилось что-то неладное, но что именно, не мог себе уяснить.

Он умел справляться с мужскими делами, но разные женские тонкости были совсем за пределами его понимания.

– Что с ними такое? Они оскорбили вас?

– Я сама не понимаю, в чем дело? Я заговаривала с ними, но они притворяются, будто незнакомы со мною.

– Незнакомы с вами? – воскликнул он.

– Да. – Голос ее дрожал, но она высоко подняла голову. – Кажется, все женщины в Номе сговорились игнорировать меня. Я совсем сбита с толку.

– Говорил ли вам кто-нибудь что-либо? Я хочу сказать, говорил ли мужчина?

– Нет, нет! Все мужчины очень милы со мною. Это одни женщины.

– Идемте домой.

– Ни за что! – гордо ответила она. – Я ничего не сделала такого, чтобы мне надо было от них прятаться. Я хочу узнать, в чем дело.

Мак Намара стал искать знакомого, к которому он мог бы обратиться за разъяснением. Большинство мужчин в Номе либо ненавидели либо боялись его, однако ему удалось найти подходящего, и он увел его в сторону.

– Я хочу, чтобы вы прямо, не кривя душою, ответили на один вопрос. Понимаете? Я сам прямой человек и прошу вас быть откровенным.

– Хорошо.

– Ваша жена бывала в доме мисс Честер. Я видел ее там. Сегодня же она отказывается узнавать ее, и я хочу знать, в чем тут дело.

– Почем я знаю?

– Если не знаете, то я прошу вас узнать.

Собеседник Мак Намары с улыбкой покачал головой. Мак Намара вышел из себя.

– А я говорю, что вы узнаете и, мало того, заставите вашу жену извиниться перед мисс Честер, или же вы ответите мне, как мужчина мужчине. Я не позволю кучке выскочек из золотоискателей относиться с неуважением к мисс Честер.

Собеседник его ответил не сразу, так как трудно иметь дело с человеком, совсем не считающимся с условностями; в особенности, если он умеет требовать послушания. Репутация же Мак Намары была общеизвестна.

– Ну, как вам сказать, – я кое-что слышал, но, конечно, лично я не доверяю подобным слухам. Лучше не поднимать этой истории.

– Дальше.

– Среди дам было много разговоров – ну, дело тут в Гленистэре. Миссис Чемпион была в каюте рядом с ним, когда ехала сюда из Штатов, и видела там разные вещи. Что касается меня, я считаю девушку вправе делать то, что ей хочется, но у миссис Чемпион собственные взгляды на приличие.

Мак Намара мог бы единым словом рассеять эту сплетню, заставив этого человека выяснить положение дел своей жене, а через нее – ее знакомым, вывести таким образом Эллен из неприятного положения и сконфузить злоязычных болтуний. Но он колебался.

Пожалуй, он сумеет использовать это обстоятельство. Он поблагодарил знакомого за сведения и, войдя в зал, увидал девушку, спешившую к нему навстречу.

– Пойдемте скорее. Я хочу домой.

– Вы передумали.

– Да, да, идемте.

Она тяжело переводила дыхание и шла так быстро, что он еле поспевал за нею. Она молчала, и он не нарушал молчания; когда же они дошли до дома, он вошел, снял пальто и осветил маленькую гостиную. Она бросила накидку на спинку стула и стала ходить взад и вперед в настоящей ярости. Глаза ее блестели от слез, лицо покраснело, и кулаки нервно сжимались. Он стоял, прислонившись к камину, и наблюдал за нею сквозь дым сигары.

– Вам незачем рассказывать мне, – сказал он наконец. – Я знаю, в чем дело.

– Я рада. Я никогда не решилась бы повторить, что они говорили. Как подло! – Голос ее оборвался, и она закусила губу. – Зачем я спросила их! Почему я не сумела удержаться! Когда вы ушли, я подошла к этим женщинам и спросила. О, они были жестоки! Хотя какое мне до них дело! – Она топнула ногою в бальной туфле.

– Мне придется когда-нибудь убить этого человека, – сказал он, сбрасывая золу сигары в камин.

– Какого человека? – Она остановилась, глядя на него.

– Гленистэра, конечно. Если бы я думал, что сплетня дойдет до вас, то я давно бы покончил с ним.

– Но не он же распространяет ее! – вскрикнула она, горя негодованием. – Он благородный человек. Все эта несчастная сплетница, миссис Чемпион.

Мак Намара слегка, но многозначительно, повел плечами, и она это заметила.

– Конечно, я не хочу сказать, что он поступил так преднамеренно. Для этого он слишком порядочный человек, но всякому приятно поговорить о красивой девушке. А госпожа Мэллот ревнивая штучка.

– Мэллот? Кто она? – с любопытством переспросила Эллен.

Он молчал, задумавшись, а она наблюдала за ним. Как красив он был в вечернем костюме! Высокий рост его, сильная и энергичная фигура особенно эффектно бросались в глаза в уютной, маленькой и мягко освещенной комнате. В глазах его было то восхищение, которое заставляло женщин многое прощать. Он поднял смелое и красивое лицо и встретил ее взгляд.

– Я охотнее предоставлю вам самой узнать, кто она, так как не охотник до сплетен. У меня есть более важная тема для разговора, самое важное, что я когда-либо говорил вам, Эллен.

Он впервые назвал ее по имени, и она задрожала, со страхом поглядывая в сторону двери. Она ждала этого момента, но все же еще не приготовилась к нему.

– Не сегодня, не говорите сегодня, пожалуйста.

– Нет, сегодня удобнее всего. Если вы не можете сразу дать мне ответ, я вернусь к вам завтра. Я хочу, чтобы вы были моей женой, хочу дать вам все то, что может дать мир. Я хочу, чтобы вы были счастливы, Эллен. Теперь всякие сплетни прекратятся, я защищу вас от всех неприятностей, и все, чего бы ни захотели, я положу к вашим ногам. Я в состоянии это сделать.

Он поднял сильные руки, и она увидала по выражению его решительного лица, что, пожелай она, он в самом деле способен дать ей все, что только может дать смертный: любовь, защиту, обожание и завидное положение.

Она нерешительно заговорила, но воспоминание об унижении и обиде, испытанных ею в этот вечер, вихрем налетело на нее. Этот город, этот первобытный, полуобразованный лагерь рудокопов восстал против нее, осуждая ее с холодной жестокостью. Женщины, ревнивые болтуньи-сплетницы, готовы выбросить ее из своей среды и сделать ее жизнь в Северной стране невыносимой, причем у нее не будет никакой поддержки, кроме собственной гордости.

Она ясно представляла себе саму себя в будущем, безжалостно оставленную в одиночестве, унижаемую, оскорбляемую и в то же время неимеющую возможности ни уехать отсюда, ни разъяснить положение.

Ей придется оставаться и выносить все это в течение нескольких лет, пока ее дядя пробудет здесь судьей. Этот же человек может освободить ее. Он любит ее, он предлагает ей все, чего бы она ни захотела; он крупнее, чем все они, вместе взятые, они – игрушки в руках его и хорошо это знают.

Она не была уверена в том, что любит его, но сила его привлекала ее и вызывала в ней глубокое восхищение. Из всех людей, виденных ею, никого нельзя было сравнить с ним, кроме Гленистэра.

Ба! Животное! Сначала он глубоко оскорбил ее, а теперь унизил.

– Хотите быть моей женой, Эллен? – тихо повторил Мак Намара.

Она опустила голову, и он шагнул вперед, чтобы привлечь ее к себе, но вдруг остановился, прислушиваясь.

Кто-то взбежал на крыльцо и громко постучал в дверь. Мак Намара с рассерженным видом вышел в переднюю, открыл дверь и впустил Струве.

– Вот ты где, Мак Намара! Я везде искал тебя! Черт знает, что случилось!

Эллен с облегчением вздохнула и подобрала накидку; звук их голосов неясно долетал до нее. Она успела прийти в себя до их появления в комнате.

Политический деятель говорил недовольным тоном:

– Меня вызвали на прииски, и надо немедленно ехать. Как можно скорее ехать. И так уже, пожалуй, слишком поздно. Я уже час, как ищу тебя, – говорил Струве. – Твоя лошадь оседлана и стоит у конторы. Не стоит переодеваться.

– Ты говоришь, Воорхез поехал с двадцатью понятыми? Это хорошо. Оставайся в городе и разузнавай как можно точнее, что здесь происходит.

– Я телефонировал на „Крик" с приказом рабочим вооружиться и выставить пикеты. Если поторопишься, попадешь туда вовремя. Теперь всего только полночь.

– В чем дело? – беспокойно спросила мисс Честер.

– Сегодня собираются сделать нападение на прииски, – сказал адвокат. – Противная сторона пытается захватить их, и ожидается драка.

– Вы не должны туда ехать! – в ужасе воскликнула она. – Там будет кровопролитие.

– Именно поэтому я и обязан ехать, – ответил Мак Намара. – Я вернусь утром и хотел бы повидать вас наедине. До свидания.

На лице его появилось странное и новое для нее выражение. Для человека, не привыкшего к обращению с женщинами, он великолепно вел свою игру.

Он мрачно улыбнулся про себя, торопливо шагая в темноте по направлению к своей конторе.

„Она завтра даст мне ответ. Благодарю вас, мистер Гленистэр!" – сказал он себе.

Эллен долго расспрашивала у Струве, но узнала от него лишь, что полицейские сыщики, проработав уже несколько недель подряд, теперь разузнали о существовании союза „Бдительных". По их сведениям, члены его собирались произвести в эту ночь налет на прииски, и они забили тревогу.

– Как! Вы нанимали шпионов? – недоверчиво спросила она.

– А как же? Без этого никак нельзя было. Противная сторона устроила слежку за нами, и теперь дошло до того, что для нас это дело жизни или смерти. Я говорил Мак Намаре, что не обойдется без кровопролития еще тогда, когда он задумывал свой план, то есть, я хочу сказать, когда неприятности еще только начинались.

Она всплеснула руками.

– Вот чего боялся дядя перед отъездом из Ситтля! Вот, почему я пошла на такой риск, привозя сюда документы. Я думала, вы получили их вовремя и успеете избегнуть всех этих осложнений.

Струве засмеялся, с любопытством глядя на нее.

– Знает ли дядя Артур обо всем этом? – продолжала она.

– Нет, мы говорили ему только самое необходимое; он не сильный человек.

– Да, да, он нездоров.

Адвокат опять улыбнулся.

– Кто во главе этого движения „Бдительных"?

– Мы думаем, что Гленистэр и его бандит-компаньон из Новой Мексики. Во всяком случае эти двое сплотили остальных.

Она немного помолчала.

– Я думаю, они искренно считают себя владельцами этих приисков, – заговорила Эллен.

– Без всякого сомнения.

– Но ведь это не так, не правда ли?

Вопрос этот за последнее время почему-то настойчиво вставал перед нею, так как она поняла, что ей неизвестно еще многое, касающееся этой глухой яростной борьбы. Она не допускала возможности несправедливости в отношении владельцев приисков; однако до нее беспрестанно доходили сбивающие с толку слухи. Когда она хотела проверить последние, ее знакомые старались замять разговор.

Никто не открывал ей глаз. Три местные газеты – все поддерживали суд и его образ действий. Она внимательно читала их и еще больше терялась в догадках, не будучи уверенной, как будто стояла на опасной и неверной почве. Она ощущала смутное и неприятное беспокойство.

– Да, возмущение вызвано этими двумя людьми. Если бы не они, дело было бы в шляпе.

– Кто такая мисс Мэллот?

Он ответил без запинки:

– Самая красивая и самая опасная женщина на всем Севере.

– Каким образом? Кто она?

– Трудно сказать, кто и откуда она. Она не похожа на прочих женщин. Она приехала в Даусон в самое первое время. Просто приехала, и мы не знали, ни каким образом, ни почему, и до сих пор не знаем. В одно прекрасное утро она оказалась здесь. К вечеру мы уже все ревновали ее друг к другу, а к концу недели она превратила нас в стадо идиотов. Во всем этом, пожалуй, играли роль таинственность и соревнование. В ту пору простая певичка могла нажить состояние за одну зиму или выйти замуж за миллионера, но мисс Мэллот себя не утруждала. Она не танцевала до упаду на навощенных полах, а сам Соломон в его великолепии показался бы нищим рядом с нею.

– Вы говорите, она опасная?

– Вот вам пример. Был здесь зимой 1898 г. один молодой человек из хорошей семьи, по имени, кажется, Дейн. Большой такой, белокурый юноша. Он хотел жениться на ней, но был застрелен банкометом во время игры в „Фаро". Затем был Рок, из верховой полиции, лучший офицер на этой службе. Его разжаловали. Она знала, что он идет к черту ради нее, и как будто бы совсем не интересовалась этим. Были и другие. При всем том она – великодушный и добрейший человек. Она кормила всех нуждающихся на Юконе, и нет ни одного пионера в стране, который не встал бы горой за нее. Я был ужасно влюблен в нее сам. Несмотря на это, она опасна для всех, за исключением Гленистэра.

– Почему?

– Она ездила на Юкон выхаживать человека, лежавшего в цынге, и ледоход не пускал ее обратно. Меня там не было, но, оказывается, Гленистэр каким-то образом доставил ее домой тогда, когда никто не решался взяться за это. Их несло на льдине пять верст вниз по реке, пока ему не удалось выбраться с нею на берег.

– Что же случилось тогда?

– Разумеется, она влюбилась в него.

– И он, верно, так же бешено влюбился в нее, как и вы все? – презрительно сказала она.

– Тут-то и начинается странная часть истории. Сначала она очаровала его, но затем он сбежал от нее, и о нем долго ничего не было слышно. В конце концов она последовала за ним сюда, и на прошлой неделе свела с ним счеты. Она отплатила ему за то, что он спас ее.

– Я ничего не слышала об этом.

Он рассказал ей эпизод, имевший место в игральном зале Северной гостиницы, и закончил словами:

– Я хотел бы присутствовать при этом происшествии; говорят, возбуждение было громадное. Она заявила, что ошиблась, и потому игра не идет в счет; конечно, с ней не стали спорить, она настояла на своем. Один из присутствующих сказал мне, что она солгала.

– Так что, помимо других своих пороков, мистер Гленистэр еще и отчаянный игрок? – спросила с возмущением Эллен. – Приходится гордиться тем, что я в долгу перед такой личностью. Удивительные разновидности встречаются в этой стране.

– Вот и ошиблись! – засмеялся Струве. – До сих пор его никто не видел за азартной игрой.

– Ах! Мне надоели эти противоречия, – сердито вскрикнула она. – Питейные дома, игральные залы, скандалы, авантюристки. Фу. Я ненавижу все это. Ненавижу. Зачем я сюда приехала?

– Эти вещи составляют неотъемлемую часть каждой молодой страны. До этого года мы ничего другого и не видали. Но нашему брату нужны такие женщины, как вы, мисс Эллен; вы во многом можете помочь нам.

Ей не нравился взгляд его, и она вспомнила, что дядя ее наверху спал у себя в комнате.

– Прошу вас извинить меня теперь, – сказала она. – Поздно, и я очень устала.

Стрелка часов уже перешла за полночь; выпустив его, она потушила свет и с трудом поднялась к себе.

Она сняла платье и накинула на плечи легкий капот. Распуская тяжелые волосы, она с тоской вспомнила рассказ о Черри Мэллот. „Так Гленистэр и ей спас жизнь, рискуя своей. Какой галантный кавалер, подумаешь. Ему следовало бы завести себе герб, который изображал бы дракона, вооруженного рыцаря и девицу, падающую без чувств; тут же надпись: „Спасаю дам в несчастьи, особенно красивых". „Красивейшая женщина на Севере", – говорил Струве.

Она взглянула в зеркало и сделала гримасу усталому и сердитому лицу, отразившемуся в нем. Она живо представила себе Гленистэра, прыгавшего с одной плавучей льдины на другую; холодные волны вздымались и шумели у его ног, а толпа на берегу криками ободряла женщину, которую он держал на руках.

Как крепко умели обнимать его руки!

Она покраснела, внезапно вспомнив, что пока она тут мечтает, этот человек, возможно, борется в темном горном ущелье с другим, с тем, за которого она собирается выйти замуж.

Немного позже кто-то опять поднялся на крыльцо и постучал. Что за беспокойная ночь! Когда же люди перестанут ходить сюда? Она не помнила себя от усталости. Однако, подумав о страшных происшествиях за городом и о спящем больном старике, зажгла свечу и пошла вниз. Она думала, что увидит посланного от Мак Намары.

Отворив дверь, она отступила с изумлением, оставив ее широко раскрытой, так что огонь свечи заколебался и замигал от ночного воздуха.

Перед нею стоял Рой Гленистэр, мрачный и решительный; его широкая белая шляпа была надвинута на лоб, штаны заткнуты

в невысокие желтые сапоги, в руке он держал винчестер. Под курткой виден был пояс с желтыми патронами и никелированный револьвер. Он шагнул через порог без приглашения и закрыл за собою дверь.

– Мисс Честер, вы с судьею должны скорее одеться и идти со мною.

– Я не понимаю вас.

– „Бдительные" идут сюда с намерением повесить его. Идите со мною в мой дом, где я сумею защитить вас.

Она, дрожа, схватилась за грудь, побледнев, как полотно. Они услышали легкий шорох наверху и увидали судью Стилмэна, далеко высунувшегося за перила.

Он накинул халат, прибежал и теперь конвульсивно держался за перилы; лицо его было желто, и глаза, опухшие от сна, широко раскрыты от ужаса. Губы беззвучно шевелились.

Глава XV

„БДИТЕЛЬНЫЕ"

На следующее утро после происшествия в Северной гостинице Гленистэр проснулся, подавленный разочарованием и тоской. Разнообразные переживания последних суток казались ему далекими и ненастоящими.

За завтраком он постыдился рассказать Дэкстри о вчерашнем картежном дебоше, так как, по правде сказать, действовал предательски в отношении старика, когда ставил на карту половину прииска, хотя они и решили между собою, что каждый из них имеет право поступить со своей частью по собственному усмотрению.

Все пережитое казалось ему сплошным кошмаром; и часы, которые он провел лежа в комнате над конторой инспектора, когда вера в любимую девушку покидала его, и эти порывы, – то к вину, то к игре.

Это была последняя вспышка его прежней необузданности; теперь же бунтующие чувства потухли и улеглись.

Он сознавал, что теперь навсегда останется господином самого себя, что страстям уже не совладать с ним.

Дэкстри заговорил:

– Вчера была сходка „Бдительных".

– Что решено?

– Они решили действовать быстро и идти на всякий захват, „линч" и тому подобное, поскольку будет необходимо. В своре Мак Намары слишком много мошенников, адвокатов и новых чиновников, которые могут добраться до „Бдительных". Они хотят выкинуть ставленников инспектора и водворить нас обратно на прииске.

– Вот и прекрасно! На сколько народу можно рассчитывать?

– Приблизительно на шестьдесят человек. Мы исключим многих, чтобы остались лишь те, что, в собственных интересах, не станут болтать.

– Мне хотелось бы устроить драку с судейскими и вызвать такой скандал, чтобы его услышали в Вашингтоне. Остальные попытки оказались все неудачными; остается только обратить на себя внимание правительства; то есть, конечно, если Билл Уилтон не сумеет добиться своего в калифорнийских судах.

– Я мало рассчитываю на него. Мак Намара не больше боится калифорнийских судов, чем мальчишки игрушечной пушки. У него слишком большая поддержка у власти. Если „Бдительные" нам не помогут, то просто придется идти придушить всю компанию, как змеиное гнездо. Если и это не удастся, то я уеду в Соединенные Штаты и сделаюсь доктором.

– Доктором? Это зачем?

– Я где-то прочел, что в Соединенных Штатах ежегодно употребляется сорок миллионов галлонов спирта для медицинских целей.

Гленистэр засмеялся.

– Говоря о спирте, Дэкс, ты что-то много напиваешься за последнее время, то есть много для тебя.

Старик покачал головой.

– Нет, для меня это немного.

– Ну, как бы там ни было, пора перестать.

В тот же день один из разведчиков, нанятых шведами, встретил Гленистэра на Передней улице, и незаметно дал ему понять, что хочет говорить с ним. Когда они оказались наедине, он сказал:

– За нами налажена слежка.

– Я давно это знаю.

– Окружной стряпчий нарядил еще несколько человек. Я познакомился с женщиной, живущей рядом с ним, и через нее узнал многих, но еще не всех. Это все дрянной элемент, по большей части остатки шайки Сопи Смита из Скагуей. Они не перед чем не остановятся.

– Благодарю вас. Я буду осторожен.

Через несколько дней Гленистэру пришлось вспомнить слова шпиона; он понял, что игра становилась жаркой и отчаянной. Хижина его находилась на окраине города, и, чтобы добраться до нее, он обыкновенно шел по одному из извилистых дощатых тротуаров, проходящих через лабиринт палаток, складов и домиков на задах двух главных улиц, которые пролегали вдоль набережной. Эта часть города не была расположена прямоугольными кварталами, так как при первом торопливом наплыве пионеры захватывали первое попавшееся свободное место и немедленно застраивали его как попало для закрепления его за собой. В результате полу-

чился бесформенный лабиринт хижин, домиков и навессв, без поперечных улиц и без освещения. Ночью после освещенных кварталов темнота здесь казалась еще непрогляднее. Дорога была так хорошо знакома Гленистэру, что он мог бы найти ее с завязанными глазами. Он вспомнил, подходя к углу склада, что дощатая настилка тротуара в этом месте сорвана, не желая попасть в грязь, он легко перепрыгнул через поврежденное место. Одновременно с этим он заметил движение в темном углу у стены и увидел огонь револьверного выстрела. Стрелявший спрятался за постройкой и был так близко от него, что, казалось, было невозможно не попасть в него. Гленистэр тяжело упал на бок, в мозгу его промелькнула мысль: „Убийцы Мак Намары пристрелили меня".

Нападавший выскочил из-за угла и кинулся бежать по тротуару; его быстрые и глухие шаги затихли в отдалении. Не ощущая никакой боли, Гленистэр встал на ноги, испытующе ощупал себя, затем крепко выругался. Он был совсем цел; выстрел не попал в него, но шум его, поразивший Гленистэра в самый момент скачка, очевидно, заставил его потерять равновесие, и он упал. Нападавший уже был далеко, и поймать его не было никакой возможности. Ввиду этого Гленистэр, порядочно озадаченный, направился дальше и дошел до дома, где рассказал Дэкстри о происшедшем.

– Ты думаешь, это дело Мак Намары? – спросил тот, выслушав его.

– Конечно. Ведь сегодня еще меня предупреждали.

Дэкстри покачал головой.

– Я не думаю, чтобы игра зашла так далеко с их стороны. Со временем мы доберемся до них, но пока еще они победители. Так зачем им убивать тебя? Не думаю, чтобы это было делом их рук; как бы то ни было, но будь осторожен, не то попадешься.

– Давай теперь вдвоем возвращаться домой, – предложил Гленистэр.

Они согласились выходить вместе, зная, что опасность может поджидать их за каждым углом. Их оставили на время в покое, хотя как-то вечером Гленистэр увидал тень, скользнувшую от их хижины в направлении непроглядной темной тундры; казалось, кто-то поджидал его у дверей и затем скрылся, увидав, что он не один. Он решил никогда не выходить без оружия...

Через несколько дней Дэкстри вернулся домой около десяти часов. Гленистэр сидел, занятый писанием писем. Старик закурил папиросу и, вдыхая дым ее, заговорил.

– Сегодня я сам чуть не попал на тот свет. Меня приняли за тебя, и я вовсе не желаю повторения этого комплимента. Мы с тобой почти одинакового роста и носим одинаковые шляпы. Я выходил из-за кучи сложенного леса, когда на меня выскочил молодой человек и приставил мне револьвер к носу. Он уже собирался снести мой скальп, когда вдруг узнал меня. Тогда он опустил оружие и сказал: „Извините, я ошибся. Проходите".

— Ты узнал его?
— Разумеется. Догадайся, кто?
— Не могу.
— Бронко Кид.
— Вот как! — воскликнул Гленистэр. — И ты думаешь, он поджидал меня?
— А кого же еще, скажи, пожалуйста! Тут дело совсем не в Мак Намаре и не в том скандале с игрой; тут кроется что-то иное.
Дэкстри впервые упоминал о происшествии в „Северной".
— Я не знаю, почему он зол на меня. Я не делал ему никаких одолжений, — цинически заметил Гленистэр.
— Ну, смотри в оба, вот и все. Я бы охотнее померился с Мак Намарой и всеми его мошенниками, чем с этим игроком.
В последующие дни Гленистэр постарался встретить владельца „Северной" лицом к лицу, но Кид окончательно исчез. Его не было видно ни вечером в игральном зале, ни днем на улице. В день бала в гостинице молодой человек, все еще разыскивая его, случайно встретил одного из „Бдительных", который сказал ему.
— Разве вы не опоздаете на митинг?
— Какой митинг?
Убедившись в том, что они одни, заговорщик сказал.
— Сегодня вечером в одиннадцать часов митинг. Кажется, дебатируется важный вопрос. Я думал, вам дали знать.
— Странно, — сказал Рой. — Это наверно произошло случайно. Я пойду вместе с вами.
Они перешли через реку в менее людный квартал и постучались у дверей большого, неосвещенного склада, окруженного с трех сторон высокой деревянной изгородью, за которой находились в большом количестве уголь и лес. Их впустили, и они, пройдя мимо плохо освещенных и высоко наваленных груд товаров, дошли до задней комнаты. Здесь хранились нежные товары во время холодов; окон не было. Идеальное помещение для тайных сборищ.
К удивлению своему, Гленистэр увидал тут всех членов союза, не исключая Дэкстри, которого он считал сидящим дома. По-видимому, происходили прения, так как председатель находился на своем месте, а члены собрания восседали на ящиках, бочках и кипах товаров. Неровный свет плохо освещал серьезные лица шестидесяти „Бдительных", известная неловкость изобразилась на них при входе Гленистэра. Председатель слегка сконфузился, но лишь на одно мгновение. Гленистэр почувствовал приближение важных и страшных обстоятельств; напряженность сказывалась в позах и выражениях лиц людей. Он хотел расспросить соседа, но председательствующий уже продолжал свою речь:
— Мы соберемся здесь без шума и в полном вооружении к часу ночи; советую вам не болтать и не распугать этих мерзавцев.
— Я опоздал, товарищ председатель, так что не знаю ваших

намерений, – сказал Гленистэр. – Я понимаю, однако, что вы собираетесь действовать, и хочу быть с вами заодно. Могу ли я узнать, в чем дело?

– Конечно. Дело дошло до того, что умеренные средства уже стали бесцельны. Мы решили действовать и действовать быстро. Мы истощили все законные средства борьбы и теперь хотим уничтожить эту шайку разбойников совместными усилиями. Мы соберемся через час, разделимся на три группы по двадцать человек, с начальником в каждой. Затем отправимся к домам Мак Намары, Стилмэна и Воорхэза, возьмем их в плен и...

Он окончил широким движением руки.

Гленистэр молчал несколько минут. Толпа упорно смотрела на него.

– Вы основательно обсудили это? – спросил он.

– Как же. Мы поставили вопрос на голосование, и он прошел единогласно.

– Друзья мои, когда я вошел сюда, я почувствовал себя лишним, почему, не знаю, так как я более других работал по организации нашего движения и пострадал не менее других. Я хочу знать преднамеренно ли меня исключили из этого собрания?

– Это затруднительный вопрос, – серьезно ответил председатель. – Однако, если товарищи пожелают, то я буду говорить за всех.

– Да, говори. Валяй, – ответили голоса присутствующих.

– Мы не сомневаемся в вашей лояльности, Гленистэр. Но мы не просили вас на это собрание, зная ваше отношение, лучше сказать – ваши чувства, к племяннице, то есть я хотел сказать к семейству судьи Стилмэна. До нас с разных сторон дошло, что на вас там произвели давление во вред вам и интересам вашего компаньона. В деле же „Бдительных" сентиментальные чувства не могут играть никакой роли. Мы идем производить суд и считаем, что лучше всего вас игнорировать, дабы обойтись без споров и неприятностей.

– Это ложь! – хрипло закричал молодой человек. – Проклятая ложь! Вы боялись неприятных разговоров со мной. Вы были правы, – я поговорю с вами. Вы намекнули на мои чувства к мисс Честер, так позвольте вам сказать, что она невеста Мак Намары, а мне до нее никакого дела нет. Кроме того, скажу вам, что я не дам вам ворваться в ее дом и повесить ее дядю, даже если он мерзавец. Нет. Нам не надо таких насилий, мы и без них выиграем свое дело. Будем бороться, как люди, а не безобразничать, как стая волков. Если хотите помочь нам, то возвратите нас обратно на прииски и поддержите нас там, но ради бога, не опускайтесь до убийства и тактики итальянской мафии.

– Мы знали, что вы будете рассуждать таким образом, – сказал председатель под недовольный ропот толпы.

Один человек заговорил:

– Мы хладнокровно обсудили все это, Гленистэр: тут дело идет о нашей жизни и нашей свободе.

– Верно! – прибавил другой. – Мы не в состоянии захватить прииски, потому что у Мак Намары есть солдаты, которые пристрелят нас. Вы последний должны бы возражать против этого.

– Не спорю, Мак Намара заслуживает линча, но не Стилмэн. Он слабый старик (кто-то презрительно фыркнул) и у него в доме живет женщина. Он единственный ее защитник, и вам придется убить ее, чтобы добраться до него. Если вам это кажется необходимым, то схватите других, а его оставьте.

Но они только отрицательно покачали головами и стали проталкиваться мимо него.

– Все получат поровну, – сказал один, выходя.

С их точки зрения, они действовали согласно требованиям справедливости, и он не мог уломать их.

Они считали, что существование и благополучие „Севера" в их руках, и никто из них не колебался. Гленистэр стал умолять председателя, но тот ответил:

– Теперь уж поздно разговаривать. Позвольте напомнить вам о вашем обещании, связывающем вас, как честного человека.

– О, не думайте, что я подведу вас, – ответил Гленистэр. – Но предупреждаю вас, чтобы вы не осмеливались врываться в дом Стилмэна.

Он вышел вслед за другими; Дэкстри исчез, очевидно, во избежание препирательств. За последние дни Рой заметил признаки беспокойства в сдержанном пионере, указывавшие на мучившее его желание сорвать тоску на людях, которые попрали, по его мнению, самые святые его права.

Рой увидел, что у него остался лишь час времени, чтобы найти выход.

Его инстинктивно влекло к товарищам и хотелось посчитаться с людьми, столь тяжело обидевшими его; с точки зрения критериев молодой страны, они были разбойниками, и их следовало уничтожить.

Однако он не считал возможным поддержать товарищей в их намерении. Он знал, что „Бдительные" не удовлетворятся этим мщением и что легче подстрекать толпу на насилие, чем сдержать ее разнузданные инстинкты.

Мак Намара и Воорхез, очевидно, станут защищаться и будет бунт, кровопролитие и хаос. Будут вызваны солдаты, объявлено военное положение, и улицы превратятся в арену стычек и бойни.

„Бдительные", несомненно, останутся победителями, так как все обитатели Севера бросятся к ним на помощь, судья будет убит вместе с другими, а она?.. Что станется с нею?

Он взял ружье, вычистил его и надел пояс с патронами, но все

еще колебался между верностью „Бдительным" и велениями собственной совести. „Ведь она – член их шайки, – рассуждал он, – она хитрила с ними вместе, стремясь погубить его, воспользоваться его же любовью к ней, и она стала невестой того единственного человека на свете, которого он ненавидел слепой и фанатической ненавистью. Что она ему?.."

Прежде он радостно встал бы во главе „Бдительных", но теперь он изменился. Что случилось с ним? Это не трусость и не осторожность. Это нечто неуловимое, но тем не менее заметное для других, что и доказало ему поведение его друзей.

Он вышел из дому. Толпа могла делать, что хотела, в других местах, но к ней он никого не впустит. Он увидел освещенное окно в ее доме и, подойдя, разглядел разговаривающих Струве и Эллен. Он отошел назад в темноту и ждал довольно долго после выхода адвоката, прячась от возвращающихся с бала и проходивших мимо него людей.

Когда последняя группа скрылась из виду, он подошел к двери и резко постучал. Эллен открыла ему.

Волосы девушки распустились и лежали тяжелыми и спутанными прядями на шее и плечах; а сама она тяжело переводила дыхание, неожиданно увидав его, и краска медленно разливалась по бледному и испуганному лицу.

Он почувствовал острую боль в сердце. Эта девушка была его злейшим врагом, и он не может ждать ничего хорошего от нее.

Он на время позабыл было, что она лжива и скрытна, а теперь, вспомнив, заговорил как можно резче и грубее, не доверяя своим натянутым нервам. Объяснив, что он хотел сделать для них, он прибавил:

– Не берите ничего с собою. Одевайтесь и идите за мной.

Дрожащее существо на лестнице заговорило:

– Что это за вторжение, мистер Гленистэр?

– Жители Нома взялись за оружие, и я пришел спасти вас от них. Не спорьте со мной.

Он говорил нетерпеливо.

– Это какая-нибудь хитрость, придуманная с целью овладеть моей особой!

– Дядя Артур!

Она умоляюще взглянула на Гленистэра.

– Не понимаю, что за безобразие. Они с ума сошли! – плакался судья. – Сбегайте в тюрьму, мистер Гленистэр, и велите Воорхезу прислать мне сюда охрану. Эллен, протелефонируй в воинскую часть.

– Стойте. Это все ни к чему, провода перерезаны. Я не стану предупреждать Воорхеза. Пусть он сам устраивается, как знает. Я пришел помочь вам, и если вы хотите спастись, то перестаньте болтать и идите со мною.

– Я не знаю, что делать, – сказал Стилмэн, терзаемый страхом и нерешительностью. – Ведь вы не причините зла старику? Подождите, я сейчас вернусь.

Он побежал наверх, кутаясь в халат и, видимо, позабыв о племяннице.

– Стой, дядя Артур. Ты не должен убегать.

Она стояла, прямая и решительная.

– Ведь это наш дом. Ты – представитель закона и правительственной власти. Ты не должен бояться кучки безобразников. Мы, конечно, останемся здесь и встретим их как следует.

– Да ведь это сумасшествие! – воскликнул Гленистэр. – Эти люди не безобразники, а лучшие граждане Ном. Вы не усвоили себе, что здесь Аляска и что они поклялись уничтожить свору Мак Намары. Идемте скорее.

– Благодарю вас за добрые намерения, – ответила она, – но мы ни в чем не виноваты и поэтому нам не надо скрываться. Мы подождем этих трусов. А вам советую уходить, чтобы они не застали вас здесь.

Она пошла вверх по лестнице, уводя с собою дядю.

Она спокойно взяла на себя ответственность за положение, и оба мужчины не решились спорить с нею.

Дойдя доверху, она остановилась и сказала:

– Мы все-таки благодарны вам за ваше отношение к нам. Доброй ночи.

– Я не думаю уходить, – ответил молодой человек. – Если вы останетесь здесь, то я подавно.

Он обошел комнаты в нижнем этаже, запирая окна и двери на крюки и на ключ. Он понял, что внизу совсем нельзя было продержаться при атаке, и что придется найти пункт для защиты в верхнем этаже.

Он позвал Эллен:

– Можно зайти?

– Можно, – ответила она, и он поднялся наверх, нашел Стилмэна все еще полуодетым и трепещущим, пока Эллен переодевалась в передней комнате.

– Потушите огни, – сказал Рой. – Я стану у окна и увижу их, раньше чем они дойдут до ворот.

Она стала рядом с ним у окна, а судья прикурнул на своей постели; в комнате было слышно только его тяжелое дыхание.

Молодые люди стояли так близко, что Рой ощущал свежий запах, который шел от ее одежды и неудержимо будил в нем воспоминания.

Он вновь забыл об ее предательстве, забыл, что она невеста другого, забыл все, в нем жила лишь его верная и чистая любовь, от которой он так мучительно страдал. Плечо ее коснулось его плеча, он слышал легкий шорох ее платья. Кто-то прошел по улице, и она со страхом схватила его за рукав. Маленькая и очень мягкая рука уже была холодна, но он не пытался взять ее в свои руки.

Минуты бесконечно тянулись.

Иногда она заговаривала с ним, и ее теплое дыхание касалось его лица: тогда он упрямо стискивал зубы.

Раздался собачий вой, а затем донеслись звуки ссоры и драки.

У судьи от страха зубы застучали, как кастаньеты. Он изредка стонал.

Наблюдающие совсем уже потеряли счет времени, когда, наконец, разглядели темные силуэты, выдвигавшиеся из темноты.

– Идут, – шепнул Гленистэр, отстраняя ее от окна. Но она вернулась на прежнее место.

Рой высунулся из окна и проговорил негромким, но решительным голосом, неожиданно нарушившим молчание:

– Стойте. Не заходите за изгородь. – Затем, не дав опомниться пришедшим, он продолжал: – Я Рой Гленистэр. Я предупреждал вас, что не дам тронуть этих людей; мы будем защищаться.

Предводитель нападавших заговорил:

– Вы – предатель, Гленистэр.

Он вздрогнул.

– Быть может. Но вы первые обманули меня; как бы там ни было, сюда вы не зайдете.

В толпе поднялся говор, и кто-то сказал:

– Мы не тронем мисс Честер, нам нужен только судья. Мы его даже не повесим, если он согласится пощеголять в приготовленном для него костюме. Пусть он не боится. Деготь очень полезен для кожи.

– О, господи! – простонал представитель закона.

Вдруг появился человек, бегущий к толпе по дощатому тротуару.

– Мак Намара удрал, а с ним и другие! – прокричал он.

Наступило молчание. Затем лидер прокричал:

– Рассыпьтесь, братцы, врывайтесь в дом. Это твоя работа, проклятый предатель.

Послышалось щелкание курка Гленистэра; на лбу его выступил пот. Он думал о том, будет ли он в состоянии стрелять в своих товарищей. Казалось, что руки не могут подняться на такое дело.

Эллен оттолкнула его и, далеко высунувшись в окно, громко и отчетливо прокричала:

– Стойте. Подождите. Мистер Гленистэр никого не предупреждал. Они решили, что вы собираетесь напасть на прииски, и уехали туда еще до полуночи. Я вам говорю правду, они давно уехали.

Все узнали ее голос.

Внизу нерешительно зашептали. Выделился новый голос. Рой и Эллен узнали голос Дэкстри.

– Товарищи, нас перехитрили. Нам здешние люди не нужны, нам требуется Мак Намара. Эта старая бритая физиономия там, наверху, делает то, что ему начальство приказывает, а двадцати нападать на одного противно. Я иду домой.

Толпа еще пошепталась, и заговорил лидер, требуя судью Стилмэна.

Старик подошел к окну, дрожа как в параличе и пораженный ужасом. Эллен была рада, что снизу нельзя было его разглядеть.

– На этот раз мы не тронем вас, судья, но помните – с нас довольно. Постарайтесь исправить сделанное вами зло, не то мы подвесим вас к фонарю. Пусть это будет предупреждением для вас.

– Я б-буду исполнять свои об-обязанности, – сказал судья.

Толпа растаяла в темноте. По уходе ее Гленистэр закрыл окно, спустил штору и зажег лампу. Он понимал, как близки они были к трагедии. Если бы он выстрелил в толпу, то началась бы резня, которая погубила бы всю компанию судейских и его самого. Он пал бы под чужим знаменем. Кто знает, и теперь еще ему, пожалуй, придется умереть за него. По всем вероятностям, „Бдительные" сочтут его предателем; во всяком случае, он сам себя лишил поддержки, единственной своей поддержки в Северной стране.

С этого дня он ренегат, пария, одинаково ненавидимый обеими сторонами. Он нарочно не глядел на судью и отвернулся от него, когда последний протянул ему руку, выражая свою благодарность. Он исполнил свою обязанность и стремился как можно скорее покинуть этот дом. Эллен пошла за ним к двери и положила руку на его рукав.

– Я не могу выразить словами, я не в состоянии отблагодарить вас за то, что вы для нас сделали.

– Для „нас", – подавленным голосом ответил Рой. – Неужели вы думаете, что я пожертвовал честью, предал друзей, убил последнюю свою надежду и превратил себя в отверженного ради „нас". Сегодня я в последний раз беспокою вас, и, может быть, в последний раз вас вижу. Что бы меня ни ожидало, вы дали мне прекрасный урок, и я благодарю вас за него. Теперь я буду мужчиной, а не безвольной тряпкой.

– Вы всегда были мужчиной, – сказала она. – Я ничего не понимаю во всем этом деле, и, кажется, никто не хочет разъяснить мне его. Должно быть, я просто глупа. Не вернетесь ли вы завтра и не расскажете ли вы мне все толком?

– Нет, – грубо ответил он. – Вы не принадлежите к моей среде. Мак Намара и его близкие – мне не друзья, и я не друг им.

Он уже сбежал с лестницы, когда она тихо проговорила:

– Прощайте и будьте счастливы, мой друг.

Она вернулась к судье, находившемуся в жалком состоянии, и долго успокаивала его, как ребенка. Она хотела расспросить его о вопросе, наиболее интересующем ее, но первый намек на прииски привел его в капризное раздражение.

Эллен просидела у его кровати, пока он не заснул, и все старалась разобраться в происшедшем.

Она еле-еле дотащилась до постели, на которой беспокойно

ворочалась с боку на бок, не будучи в состоянии заснуть от усталости.

Наконец, когда она стала погружаться в забытье, ей вспомнилась фраза; ей даже показалось, что она сказала ее вслух:

– Самая красивая женщина на Севере... но Гленистэр убежал от нее.

Глава XVI

В КОТОРОЙ ПРАВДА НАЧИНАЕТ ОБНАРУЖИВАТЬСЯ

На следующий день Эллен проснулась около полудня и узнала, что Мак Намара приехал с „Крика" и завтракал с судьей. Он спрашивал о ней, но, узнав о приключениях этой ночи, не позволил будить ее. Они ушли вместе с судьей.

Благоразумие Эллен вполне оправдывало принятое ею накануне решение; несмотря на это, она ощущала странное нежелание встречаться с Мак Намарой. Она не знала ничего дурного о нем, кроме того, что подразумевалось под обвинениями озлобленных на него людей; ей также было известно, что каждый сильный и властный человек создает себе врагов в прямом соотношении с качествами, составляющими его силу.

Несмотря на это, она переживала непредвиденную душевную борьбу.

Мак Намара, столь спокойно веривший в то, что она будет его женой, не имел никакого нравственного влияния на нее.

За последнее время она привыкла делать длинные и одинокие прогулки верхом вдоль берегов моря и по извилистым долинам у подножия гор. Сегодня же лошадь ее захромала, и она решила пройтись пешком. Во время первых своих прогулок она с некоторым страхом встречалась с незнакомыми людьми, пока не убедилась, что держат они себя вежливо и почтительно.

Самые простые рудокопы были полны предупредительности в отношении женщин.

Она привыкла свободно разговаривать с ними.

Таким образом, со стороны людей не предвиделось никакой опасности, но девушке говорили о бешеных собаках, скитавшихся по городу, объясняя ей, что жара особенно действует на косматых, густо псовых „маламутов".

Аляска – страна собак; зимой они трудятся, мерзнут и голодают, летом же они шатаются без дела, дерутся, толстеют и бесятся от жары.

Эллен возвращалась с дальней прогулки по мало знакомым улицам на окраине города, которые она выбрала, чтобы избегнуть, после происшествия на балу, встречи со знакомыми дамами.

Ей показалось, что сзади доносятся слабые крики. Она заметила, что находится в одиноком и пустом квартале и что только на некотором расстоянии впереди идет какая-то женщина...

Крики становились громче, грянул выстрел. Повернувшись назад, она увидела бегущих людей, один из которых держал дымящийся револьвер. Впереди же, ближе к ней, слышалось рычание дерущихся собак.

Любопытство девушки превратилось в ужас, когда она увидала, что одна из собак, смяв других, внезапно вырвалась из катающегося по земле клубка и быстро побежала по деревянной панели к ней.

Это был красивый маламут – эскимос, большой, серой масти и волосатый как волк, такой же быстрый, сильный и хитрый, как его родич. Собака низко опустила голову, из раскрытой пасти капала пена и слюна. Животное бежало к Эллен, быстрое, угрожающее и безжалостное.

Укрыться было негде, кроме отдаленного дома, к которому приближалась женщина впереди нее. Мужчины же были слишком далеко и лишь хрипло кричали что-то.

Эллен повернулась и побежала к далекому домику. Вне себя от ужаса, она была уверена, что собака догонит ее. Колена ее подгибались от страха, а до двери еще оставалось несколько шагов.

В это время лошадь, привязанная у дороги, встала на дыбы и захрипела, напуганная бегущими. Бешеная собака бросилась в сторону, кинулась под ноги лошади и стала яростно хватать их.

Перепуганный конь оборвал повод и ускакал; благодаря этой задержке девушка, уже слабая и обессиленная, успела добежать до двери домика. Она дернула дверь, но дверь оказалась запертой. В отчаянии Эллен уже повернула от нее, как вдруг увидала за собою другую женщину, спокойно выжидавшую нападения собаки с крошечным револьвером в руке.

– Стреляйте! – закричала Эллен. – Почему вы не стреляете?

Раздался выстрел, и собака закружилась на месте, рыча и воя. Женщина еще несколько раз выстрелила. Затем, когда собака уже лежала без движения, спокойно заметила, выбрасывая из револьвера пустые гильзы:

– Этот калибр так мал, что с ним почти ничего не поделаешь.

Эллен опустилась в изнеможении на ступени.

– Как хорошо вы стреляете!

Глаза ее уставились на взъерошенный серый клубок, подкатившийся, в предсмертных конвульсиях, к самым ее ногам. Мужчины подбежали, возбужденно разговаривая: женщина обратилась к Эллен.

– Зайдите ко мне и отдохните немного, – сказала она, вводя ее в дом.

Эллен очутилась в уютной, даже роскошной комнате.

На фортепьяно лежали разбросанные в беспорядке ноты, и везде виднелись красивые и нарядные женские принадлежности, невиданные Эллен с тех пор, как она покинула родной город.

Хозяйка скрылась за занавеской и разговаривала с нею из соседней комнаты.

– Это уже третья бешеная собака, виденная мною за один месяц. Водобоязнь у нас делается обычным явлением.

Она вернулась, неся маленький серебряный поднос с графином и рюмками.

– Вы потрясены, но бренди поможет вам, если согласитесь выпить. Затем пройдите ко мне и прилягте немного.

Она говорила с такой искренней добротой и симпатией, что Эллен кинула на нее взгляд, полный благодарности.

Она была высока и стройна, особенно гибка; казалось, ее стан должны были лучше всего облегать мягкие шелковые материи. Эллен сразу привлекли прелестная улыбка, дружеское сочувствие во взгляде, и сердце ее почувствовало влечение к единственной доброй женщине в Номе.

– Вы очень добры, – сказала она. – Но мне уже лучше. Я страшно испугалась. Какая вы храбрая!

Она следила глазами за грациозными движениями женщины, поставившей поднос на стол, и при этом увидела фотографию Роя Гленистэра.

– Ах! – воскликнула Эллен и остановилась, внезапно поняв, кто эта женщина.

Она быстро окинула ее взглядом. Да, не удивительно, что мужчины находят женщину с такой улыбкой красивой.

Открытие, сделанное ею, потрясло ее, и она встала, стараясь скрыть смущение.

– Благодарю вас за вашу доброту. Теперь я совсем пришла в себя и могу уйти.

Перемена, происшедшая в ней, не могла пройти незамеченной женщиной, достаточно свыкшейся с пренебрежительным к ней отношением лиц ее собственного пола.

Черри Мэллот бесчисленное множество раз замечала эту еле приметную презрительную перемену в манерах женщин и ненавидела себя за то, что реагировала на нее.

Однако перемена, происшедшая в этой девушке, особенно оскорбила ее. Отвечая ей, она выдала себя лишь некоторой пристальностью взора и неподвижностью улыбки.

– Не останетесь ли вы, пока не отдохнете вполне, мисс...

Она приостановилась, протягивая руку.

– Я – мисс Честер, Эллен Честер, племянница судьи, – торопливо и смущенно ответила та.

Черри Мэллот отдернула руку, и лицо ее сделалось неприятным и злым.

– А, так вы – мисс Честер, и я спасла вас!..

Она резко рассмеялась.

Эллен постаралась сохранить спокойствие.

– Мне жаль, что это вам неприятно, – сказала она спокойно. – Я вполне ценю вашу услугу.

Она двинулась к двери.

– Подождите, мне надо поговорить с вами.

Так как Эллен уходила, не обращая на нее внимания, то Черри воскликнула с озлоблением:

– Да не бойтесь вы. Я знаю, что вы виновны в непростительном грехе уже тем, что разговариваете со мною, но никто вас не увидит, а по вашему закону преступление имеет значение только в том случае, когда оно обнаружено. Поэтому вы в безопасности. Я хочу, чтобы вы знали, что, какая бы дурная я ни была, я все же лучше вас, так как я верна тем, кто ко мне хорошо относится, и не предаю своих друзей.

– Не могу сказать, чтобы я понимала вас, – холодно произнесла Эллен.

– Нет, понимаете. Не притворяйтесь такой невинной овечкой. Конечно, такая уж ваша роль, но при мне не стоит разыгрывать ее.

Черри стояла перед своей посетительницей, прислонившись спиной к двери; выражение ее лица было злое и насмешливое.

– Маленькая услуга, только что оказанная мною вам, дает мне, кажется, некоторые права, и я воспользуюсь ими, чтобы сказать, как плохо идет вам ваша маска. Ужасно дерзко с моей стороны, не правда ли? Вы заодно с компанией отъявленных мошенников, и я любуюсь ловкостью, с которой вы исполнили вашу долю грязной работы, но когда вы принимаете этот шокированный, сверх-добродетельный вид, то мне делается противно.

– Выпустите меня.

– Я делала дурные вещи, – продолжала Черри, не обращая внимания, – но обыкновенно меня принуждали их делать. Зато, могу сказать, я никогда не пыталась сознательно погубить человека ради его денег.

– Что вы хотите сказать? Кого я предала из моих друзей и кого я хотела погубить?

– Ба! Я сразу поняла, что вы за штучка, но Рой-то ничего не понимал. Затем Струве рассказал мне то, о чем я не успела еще догадаться. Дайте ему бутылку вина и женщину, и этот болван расскажет все, что он знает. Мак Намара поставил большую ставку и хорошо сделал, что впутал вас в свою игру; вы умны, у вас крепкие нервы, и наружность ваша прекрасно годится для вашей роли. Уж мне, казалось, можно знать. Немало штук и я проделала в свое время. Вы извините, пожалуйста, этот порыв профессиональной зависти. Я просто завидую вашему умению. Теперь же, раз вы видите, что мы с вами стоим друг друга, вам не следует презирать меня.

Она раскрыла дверь и выпроводила гостью с насмешливой любезностью.

Эллен так растерялась и была так унижена этими злобными и бессвязными нападками, что ничего не поняла из них, кроме того, что Черри Мэллот обвиняла ее в участии в заговоре, как оказывалось, существовавшем по общему мнению.

Тут опять выступал уже не раз слышанный ею намек на нечестный образ действий судьи и инспектора. Не играла ли в этом роль жалкая зависть? Впрочем, Черри говорила, что все рассказал ей Струве, не могущий устоять перед бутылкой вина и хорошеньким лицом. Зная это, Эллен поверила. Ее опять охватило желание разобраться, выяснить.

Отчего бы Струве не рассказать и ей того, что он говорил другим женщинам!

Она свернула с дороги и направилась на Переднюю улицу, быстро решая в уме, как действовать. Черри Мэллот считала ее актрисой. Прекрасно, она сумеет оправдать это мнение.

Она нашла Струве в его конторе; при виде ее он кинулся к ней навстречу и предложил ей стул.

– Здравствуйте, мисс Эллен. Вы хорошо выглядите, несмотря на неприятную ночь. Судья рассказал мне все, как было; позвольте вам сказать, что вы замечательно храбрая девушка.

Она мрачно улыбнулась, вспомнив слова, от которых до сих пор горело ее лицо.

– Вы, верно, очень заняты, господин адвокат.

– Да, но для вас у меня всегда найдется время.

– Я к вам не по серьезному делу, – сказала она весело, – я просто шла мимо и зашла.

– Что ж, это еще приятнее, – сказал он изменившимся тоном и поворачивая свой стул к ней. – Я в восторге.

Она осталась довольна тем, что он отбросил свой профессиональный тон.

– Да, мне надоело разговаривать с дядей и мистером Мак Намарой. Они оба говорят со мной, как будто бы я еще девочка.

– Когда вы предпринимаете фатальный шаг?

– Какой шаг?

– Я говорю о вашей свадьбе. Не удивляйтесь. Мак Намара сообщил мне о ней уже месяц тому назад.

Вспомнив о разговоре с Мак Намарой, он потрогал горло пальцами; однако глаза его загорелись, когда она шутливо ответила:

– Не ошибаетесь ли вы? Он, вероятно, просто пошутил.

Она ловко завлекала его, удивляя его новым легкомысленным тоном; он не имел понятия, что она могла быть такой дразнящей, почти фамильярной, а вместе с тем такой далекой. Он осмелел.

– Скажите, что у нас нового? – спрашивала она. – Дядя молчит, а из Мак Намары за последнее время и слова не вытянешь.

Он быстро взглянул на нее.

– Относительно чего?

Она собралась с духом и победила нерешительность.

– Пожалуйста, не говорите и вы со мною, как с ребенком. Мне это надоело; я исполнила свою часть программы и хочу знать, что делают остальные.

– Что вы хотите знать? – спросил он осторожно.

– Все. Разве вы думаете, что до меня не доходят различные толки и разговоры?

– Ах, вот что! Ну, так не обращайте на них внимания.

Она поняла свою ошибку и торопливо продолжала.

– Почему же? Разве мы не все вместе работаем? Я не хочу, чтобы меня эксплуатировали, а затем отбрасывали за ненадобностью. Я имею право знать, удастся ли наш план. Неужели вы думаете, что я не умею молчать?

– Конечно, умеете! – смеялся он, пытаясь переменить разговор. Но она встала, прислонилась к конторке рядом с ним и поклялась, что не уйдет, не узнав хотя бы часть интересующей ее тайны. Его манеры поддерживали в ней убеждение, что от нее что-то скрывают. Этот умный кутила, очевидно, был основательно знаком с положением и, хотя начал колебаться благодаря ее просьбам, но все еще из осторожности молчал.

Она нагнулась к нему и улыбнулась.

– Вы такой же, как другие, и не хотите сделать мне приятное.

– Вот, все вы женщины одинаковы, – цинически сказал Струве. – Только уступай им, давай им. Эгоистические особи. Что же вы нам со своей стороны ничего не предлагаете. Мужчины – торговцы, женщины – ростовщицы. Вы любопытны, поэтому и несчастны. Вы считаете, что я обязан помочь вам за одну вашу улыбку, и просите меня изменить обещанию и долгу чести ради вашего каприза. Что же, это по-женски, я готов отдать себя в ваши руки, но не даром. Мы будем торговаться с вами.

– Это вовсе не из любопытства, – с негодованием отрицала она. – Это мое право.

– Нет, вы просто слыхали праздные слухи и загорелись любопытством. Вы думаете, что я могу пролить новый свет или отбросить новую тень на всю вашу жизнь, а вы больше не доверяете своим близким. А что если я скажу вам, что у меня тут в сейфе лежат привезенные вами весною документы и что в них – правда о том, невинен ли ваш дядя, или его следовало бы дать повесить толпе, приходившей к вам? Что тогда? Что дали бы вы, чтобы прочитать их? Ну так знайте: документы у меня, и если вы настоящая женщина, то вы не успокоитесь, пока не увидите их. Хотите ли торговаться со мною?

– Да, да, дайте мне их! – воскликнула она.

При виде ее нетерпения кровь волной залила ему лицо, и он

быстро встал с места и направился к ней, но она отступила к стене, бледная, с широко раскрытыми глазами.

– Разве вы не понимаете, – бросила она ему, – что мне необходимо видеть их?

– Конечно, понимаю, но я хочу получить поцелуй для закрепления договора в счет платежа.

Она оттолкнула его и пошла к двери.

– Как знаете, но я уверен, что вы не успокоитесь, не повидав этих бумаг. Я изучил вас и держу пари, что вы не в состоянии ни выйти за Мак Намару, ни взглянуть в глаза вашему дяде, не узнав настоящей правды. Если бы вы были уверены, что они мошенники – другое дело, но, только подозревая их, вы попадете в безвыходное положение. Это по-женски. Приходите, когда захотите, и я дам вам доказательства, так как не позирую на высокую добродетель. Я, Уилтон Струве, довольно ловкий торгаш. На моем надгробном памятнике можно сделать надпись: „Он получил все полностью". Теперь идите этой дверью, и никто вас не встретит.

Убегая, она дивилась тому, как она могла так долго оставаться у него и слушать его. Какое чудовище!

Его намерения были ясны с первого дня их знакомства, к тому же он был совершенно лишен совести. Она знала это и, несмотря на это, с гордой самоуверенностью молодости обратилась к его помощи в самый отчаянный час.

Он был проницателен и хитер, и попытка ее не удалась; однако девушка знала, что не успокоится, пока не найдет ответа на мучившие ее вопросы. Она должна вырвать разъедавшее ее душу подозрение.

Она с нежностью вспомнила о доброте к ней ее дяди, отчаянно цепляясь за веру в последнего близкого человека и бслезненно ощущая отсутствие брата, проживавшего где-то в этой таинственной стране.

Мак Намара не мог помочь ей; она совсем мало знала этого человека, на которого теперь легла тень ее подозрений.

Эллен чувствовала себя невыносимо одинокой и покинутой после недавно пережитого, а затем и встречи с Струве; она решила, что гордость не должна останавливать ее, раз есть факты, о которых ей необходимо разузнать.

Через несколько минут, она уже стучалась к Черри Мэллот.

Когда последняя вышла к ней, Эллен с удивлением увидела, что лицо Черри заплакано.

Молодая девушка не имела понятия о буре, перенесенной Черри за время ее отсутствия. Вид свежей молодой красоты Эллен разбудил в душе авантюристки целый вихрь озлобления и ревности. Была ли Эллен виновата перед ним или нет, но ясно, что Гленистэр не мог колебаться между ними двумя, говорила себе Черри. Теперь она негостеприимно и молча уставилась на посетительницу.

– Не впустите ли вы меня? – попросила Эллен. – Я хочу сказать вам одну вещь.

Когда они вошли в комнату, Черри продолжала смотреть на нее непроницаемым и холодным взглядом.

– Мне не легко было вернуться, – начала Эллен, – но я чувствовала, что так надо. Помогите мне, если можете. Вы сказали, что совершается большое беззаконие, что вы это знаете; я подозревала, но не смела сомневаться в своих близких. Вы думали, что я заодно с ними, что я предавала своих друзей. Подождите, – торопливо продолжала она, увидав ироническую улыбку собеседницы. – Скажите же мне, что вы знаете, что вы слышали обо мне и о других. Я хочу добиться правды. При такой борьбе много ходит всегда слухов, но скажите, имеются ли определенные доказательства вины моего дяди?

– Это все?

– Нет. Вы сказали, что Струве знает обо всем. Я была у него и пыталась выманить у него правду, но...

Она вздрогнула при этом воспоминании.

– И что же, с успехом? – спросила Черри, ощущая страшное любопытство, несмотря на всю свою антипатию.

– Не спрашивайте меня. Мне противно вспоминать об этом.

Черри разразилась жестоким смехом.

– Итак, потерпев у него неудачу, вы вернулись за новой услугой к отверженной. Ну-с, мисс Эллен Честер, я не верю ни единому вашему слову и ничего не скажу вам. Возвращайтесь к дядюшке и верзиле-любовнику, пославшему вас, и скажите им, что я заговорю, когда придет время. Они находят, что я слишком много знаю, не так ли? И послали вас шпионить ко мне? Хорошо же, сговоримся. Вы ведите вашу игру, а я буду вести свою; оставьте Гленистэра в покое, и я не выдам Мак Намару. Идет?

– Нет, нет, нет! Разве вы не понимаете! Это совсем не то. Мне только надо узнать всю правду об этом деле.

– Тогда вернитесь к Струве и узнавайте; он скажет вам, а я не согласна. Сговоритесь с ним повыгоднее, вы на это мастерица. Вы одурачивали и людей получше его, теперь попытайтесь сладить с ним.

Эллен ушла, поняв бесцельность дальнейших попыток, но для нее было ясно, что женщина эта не столько сомневается на самом деле в ее искренности, сколько из ревности притворяется, будто не верит ей.

Придя домой, она написала две короткие записки, и позвала прислуживавшего ей японца-мальчика.

– Фред, прошу тебя найти мистера Гленистэра и передать ему это письмо, – сказала она. – Если ты не найдешь его, то передай другое его компаньону.

Фред исчез и через час вернулся с письмом к Дэкстри в руках.

– Я не нашел его, – объяснил он. – Молодой человек сказал, что он уехал дня на два. Вот ответ от молодого человека.

Гленистэр писал:

„Дорогая мисс Честер, нам с вами бесполезно обсуждать столь избитую тему, как вопрос об Энвил Крике. Если желание ваше появилось вследствие происшествий вчерашнего вечера, то прошу вас не беспокоиться. Мы не нуждаемся в вашей жалости.

Остаюсь вашим слугой
Рой Гленистэр".

Судья Стилмэн вошел, когда она читала эту записку. Он показался ей состарившимся со вчерашнего вечера, лицо его было изрыто морщинами, и щеки отвисли.

– Алек сказал мне о вашей помолвке; вы снимаете тяжелую тяжесть с моей души. Я очень рад, что ты выходишь за него; он – удивительный человек и один может спасти нас.

– Как спасти? От чего спасти? – спросила она, избегая обсуждать заявление Мак Намары.

– Да от толпы, разумеется. Они еще вернутся, ведь они обещали. Но Алек держит в руках военное начальство, и благодаря ему нас будут охранять солдаты.

– Ведь они не тронут нас.

– Ну, пожалуйста. Я знаю, что говорю. Опасность больше, чем когда бы то ни было, и если мы не рассеем этих „Бдительных", то будет отчаянное кровопролитие. Они хотят изгнать меня и сами творить суд и расправу. Вот о чем я хотел с тобою поговорить, они сговорились убить Алека и меня, – так он говорит, – и мы должны действовать быстро, дабы предотвратить убийство. Этот молодой Гленистэр один из них и знает имена других. Как ты думаешь, ты не сумела бы заставить его проболтаться?

– Я не совсем понимаю вас, – сказала девушка, еле шевеля побелевшими губами.

– Нет, нет, понимаешь. Мне нужны имена предводителей, чтобы иметь возможность засадить их в тюрьму. Ты отлично можешь выудить их из этого молодца.

Эллен сначала уставилась на старика в немом ужасе. Затем хрипло проговорила:

– Как можете вы просить меня сделать такую низость?

– Глупости, – сказал он с раздражением. – Теперь не до вздорной совестливости, когда дело идет о жизни или смерти для Алека и для меня.

Он сказал последние слова вкрадчиво, но она ответила, по-настоящему сердясь:

– Это низость. Вы требуете, чтобы я обманула и предала человека, так недавно спасшего нас. Ведь он рисковал жизнью ради нас.

– Это не предательство, а самозащита. Либо мы их уничтожим, либо они – нас. Я не трону этого молодого человека, но накажу других. Ну, пожалуйста, не отказывайся.

Но она ответила решительным отказом и ушла к себе, где долго и неподвижно сидела запершись. Наконец, она зашептала:

– Боюсь, что это – правда. Боюсь, что это – правда.

Она пробыла весь день у себя; как могла она теперь встретиться с Мак Намарой, когда, несмотря на молчаливо данное согласие быть его женой, она все больше подозревала его в том, что он из ряду вон выходящий мошенник.

Она все еще боролась с мыслью, что судья, заместивший ей отца, в заговоре с Мак Намарой; однако хладнокровная беспринципность дяди, предложившего ей стать предательницей, возмутила ее до глубины души. Раз он способен на это...

Просидев весь вечер у себя, она проголодалась и вышла искать Фреда.

Она услыхала голоса в гостиной и остановилась неподвижно, прислушиваясь к ним. Первые же услышанные ею фразы положили конец ее колебаниям.

Она с глубоким вниманием выслушала то, что долетело до нее, затем быстро и неслышно вернулась к себе. Она стала переодеваться с безумной торопливостью.

Ночь была непроглядно-темная, без единой звезды; несмотря на это, Эллен одела густую вуаль.

Выйдя в прихожую, она услыхала голос прощавшегося Мак Намары и вновь скрылась, пока судья медленно поднимался по лестнице; он остановился у ее двери, тихо позвал ее, но она не ответила, и он ушел к себе. Тогда она вышла из дома, снаружи заперла дверь на ключ и спрятала его на груди. Она торопливо побежала, полная одной лишь мыслью:

– Я опоздаю. Я опоздаю.

Глава XVII

ЖУРЧАНИЕ ВОДЫ ВО МРАКЕ

Однако вскоре наступила такая тьма, что Эллен еле могла продвигаться вперед.

Тяжелый воздух был насыщен электричеством – приближалась гроза – и, казалось, вздыхал и вздрагивал от сдержанной мощи.

Эллен разочаровалась, приблизившись к хижине Гленистэра; в ней не было огня. Она подошла к двери, но вдруг вскрикнула: двое мужчин выступили из темноты и грубо схватили ее. К щеке ее приставили что-то холодное, ушибившее ее. Она стала вырываться и закричала.

– Стой – это женщина! – вскрикнул человек, державший ее за руку. Другой опустил револьвер и заглянул ей в лицо.

– Мисс Честер, – сказал он. – Что вы тут делаете? Вы рисковали нарваться на большие неприятности.

– Я шла к Уилтонам, но, должно быть, сбилась с пути в темноте. Кажется, вы оцарапали мне лицо.

– Как обидно, – сказал один из мужчин. – Мы приняли вас за...

Но другой резко перебил его:

– Бегите скорее. Мы тут поджидаем одного человека.

Эллен бежала назад тем же путем, поняв, что посланные еще не успели захватить Гленистэра. Она слыхала разговор дяди с Мак Намара об их намерении послать понятых с обыском по всему городу, с тем, чтобы захватить не только знакомых ей двух людей, но и всех, подозреваемых в участии в союзе „Бдительных". Жертвы были бы посажены в тюрьму без обвинения, без права быть взятыми на поруки и без суда до самой осени, если это окажется необходимым. Они говорили, что обыск уже начался; Эллен побежала к домику Черри Мэллот, но там никого не оказалось дома. Она растерялась и не знала, где ей искать столь нужного ей человека. Облава уже шла по всему городу. Каждая потерянная минута приближала катастрофу.

Рой как-то говорил ей, что он никогда не оставляет начатого дела неоконченным. Она докажет ему, что и девушка может быть решительной; теперь было не до пугливой конфузливости. Она крепче натянула вуаль вокруг лица и быстро побежала к освещенным улицам, туда, где среди безмолвной тишины раздавались звуки веселья. Она искала задний вход в театр Северной гостиницы, не смея идти с парадного хода. Наконец, показалась высокая постройка, задыхаясь, подбежала она к задней двери, но нашла ее запертой. Из-за нее несся грохот медных инструментов и пение. Она стала колотить в дверь, предчувствуя, что именно здесь находится тот, которого она с таким отчаянием искала. Наконец, дверь открылась, и показался силуэт толстого юноши в жилете, закричавшего на нее:

– Чего вы тут стучите во время представления? Идите к парадному входу.

Она увидела угол кулис с беспорядочно сложенными декорациями; он не успел захлопнуть дверь, как она всунула ему серебряный доллар в руку. Он взял деньги и впустил ее.

– Ну, говорите, в чем дело? Акт сейчас кончается. – По-видимому, это был режиссер, как бы в ответ на его слова раздался финальный хор акта. Он торопливо сказал:

– Подождите.

Когда же занавес опустился и актеры разошлись по уборным, он вернулся к ней.

– Знаете ли вы мистера Гленистэра? – спросила Эллен.

– Конечно знаю, я видел его сегодня же. Идите сюда.

Он подвел ее к рампе и отдернул угол занавеса, так что она могла взглянуть на танцевальный зал. Она никогда не бывала в подобном месте и, несмотря на возбуждение, не могла не заметить, как здесь пестро и нарядно. Вверху шла галлерея с рядом лож, в которых за занавесами мужчины с женщинами веселились, пили и ели. Стулья выносились из партера, снимался брезент, покрывавший ярко навощенный пол. В широко открытых дверях, ведущих в игральный зал, стоял человек, зычным голосом призывавший публику танцевать. Скоро завертелись пары.

– Я не вижу его, – сказал ее проводник. – Ступайте лучше сами и ищите.

Он указал на лестницу, которая вела к ложам на галлерее и на ступеньки в партер; но она протянула ему еще монету, умоляя его найти и привести Гленистэра.

Режиссер с любопытством уставился на нее, говоря:

– Недурно вы бросаете деньги, точно только что получили наследство. Приходите, когда хотите. Всегда готов к услугам.

Она бесконечно долго ждала, пока ее посланный не показался вверху лестницы, ведшей в ложи, и не поманил ее. Он в седьмом номере.

Она стояла в нерешительности.

– Ничего, ничего, идите, – продолжал он успокаивающим тоном. – Вот что, если он ваш милый, не делайте ему скандала, потому что он не флиртует с этими дамами. Нет, можете поверить мне.

Она вошла в указанную ей дверь и нашла Роя, лениво наблюдавшего за танцующими. Он вопросительно взглянул на нее, затем, когда она подняла вуаль, стремительно встал и задернул занавески.

– Эллен, что вы тут делаете?

– Скорее уходите, – еле дыша, проговорила она. – Они хотят арестовать вас.

– Они? Кто? И за что?

– Воорхез и его люди. За бунт или что-то в этом роде, относящееся к вчерашнему.

– Пустяки, – сказал он. – Я не принимал в этом участия, – вы сами знаете.

– Да, но вы „бдительный", и они ловят вас и всех ваших товарищей. Ваш дом окружен, и город полон понятых. Они решили засадить вас в тюрьму и держать там неопределенное время под каким бы то ни было предлогом. Уходите, пока еще не поздно.

– Как вы узнали это? – спросил он серьезно.

– Я слышала разговор дяди и Мак Намары.

Глаза его загорелись.

– И вы пришли сюда спасти меня, пришли, рискуя своей репутацией?

– Разумеется, я то же самое сделала бы ради Дэкстри.

Свет в глазах его погас.

– Ну, пусть приходят, – сказал он. – Дело мое все равно пропало: Уилтон написал мне, что у него там ничего не выгорело; у них вышло какое-то затруднение в судопроизводстве. Пожалуй, уж и не стоит бороться.

– Слушайте, – сказала она. – Вы должны спасаться, я уверена, что творится какая-то огромная несправедливость, и мы с вами обязаны помешать ей. Я, наконец, поняла вас и вижу, что вы правы. Спрячьтесь хотя бы на время.

– Хорошо. Если вы на нашей стороне, то дело еще не проиграно. Благодарю вас за то, что вы пошли на риск, чтобы предупредить меня.

Она подошла к барьеру ложи и, заглянув за занавеску, с трудом подавила крик:

– Поздно! Уже поздно! Они тут. Не показывайтесь, они увидят вас.

Воорхез проталкивался через игральный зал со свитою из четырех людей.

– Бегите вниз по задней лестнице, – шепнула она.

Он схватил ее руку, еще раз благодаря ее, и исчез.

Она опустила вуаль и собиралась уже выйти, когда он вновь появился.

– Ни к чему, – спокойно сказал он. – Внизу ждут еще двое.

Представители закона осмотрели публику и теперь направлялись к парадной лестнице, отрезая ему путь. Ни других выходов с галлереи, ни окон на ней не было. Так как обыск производился мирно, то внизу не переставали танцевать.

Гленистэр вынул револьвер; и в глазах его появился холодный блеск, уже знакомый Эллен.

– Нет, только не это, ради бога.

Она, дрожа, схватила его за руку.

– Я не могу впустить их, они найдут вас тут. Я буду драться с ними в коридоре, а вы спасетесь в суматохе.

Но она оторвала его руку от двери, шепча в ужасе:

– Они убьют вас. Слушайте, что я говорю вам. Прыгайте. – Она подтащила его к барьеру. – Тут невысоко, и вы успеете пробежать сквозь толпу.

Он понял, всунул револьвер назад в кобуру, перекинул ногу через барьер, повис на руках и соскочил вниз в партер. Он уже успел вновь вытащить оружие, когда ему стали кричать, чтобы он остановился.

В зале произошел переполох, приказания понятых тонули в крике женщин, треске опрокинутых стульев и шуме бегущей толпы, расступившейся перед Гленистэром и отхлынувшей к стене точь-в-точь так же, как в день приезда Эллен. Музыкант, с закры-

тыми глазами игравший на тромбоне, встрепенулся от неожиданности, и инструмент его издал испуганный рев. Высокая женщина, заткнув уши пальцами и крепко закрыв глаза, захныкала:

– Не стреляйте.

Гленистэр прицелился в понятых, от которых соседи шарахнулись, как от прокаженных.

– Руки вверх, – резко крикнул он, и они неподвижно замерли на нижних ступенях лестницы. Воорхез показался наверху и также внезапно остановился, попав под прицел револьвера молодого человека.

– У меня приказ о вашем аресте, – крикнул Воорхез, и голос его гулко прозвучал в тишине.

– Можете полюбоваться им, – ответил Гленистэр, показывая зубы в невеселой усмешке,

Он стал отступать поперек зала; каблуки его стучали в тишине, а глаза бегали вверх и вниз по лестнице.

Эллен ясно видела всю картину.

Она видела девушек, спрятавшихся за кавалерами, заинтересованных, но испуганных мужчин и служителя бара, высоко поднявшего в руке стакан, который он начал вытирать. Затем внезапное движение на другой стороне зала отвлекло ее внимание.

Она увидала человека, быстро откинувшего занавеску ложи напротив ее и так далеко высунувшегося за барьер, что, казалось, он сейчас упадет.

Он целился в Гленистэра из револьвера.

При первом же взгляде на него, сердце Эллен неистово забилось, и она вскрикнула.

Зал был неширок, и она ясно могла рассмотреть: это был ее брат, пропадавший в течение стольких лет.

Она не могла совладать с собою и громко крикнула:

– Дрюри!

Он обернулся, и изумление, вместе с другими непонятным ей чувством, выразилось на его лице.

Он долго, не отрываясь, смотрел на нее – внизу драма продолжала развиваться, – затем отодвинулся назад за свое прикрытие с видом человека, который не верит своим глазам, да и не желает убедиться в подлинности того, что ему показалось.

Она же только поняла, что брат ее исчезает, как бы неприятно пораженный ее видом. Занавеси скрыли от нее его побледневшее лицо; затем внизу поднялся настоящий содом.

Гленистэр, держа противников на почтительном расстоянии, отступил к дверям, ведущим из танцевального зала. Он захлопнул их за собою и кинулся в переполненный игорный зал.

Когда понятые вбежали в зал, Гленистэр был уже на улице.

Эллен вернулась домой, никем не замеченная, как во сне. Впечатления этой ночи следовали друг за другом так быстро, что трудно было разобраться в них.

Тем временем темная ночь окончательно скрыла Гленистэра. Он на бегу обсуждал, идти ли ему оповещать товарищей в городе или бежать на „Крик", к Дэкстри.

– „Бдительные" могли и не довериться ему, но он все же обязан был предупредить их. Надо было торопиться; еще час, и будут арестованы либо городские товарищи, либо Дэкс и Сленджак в горах.

Проходя мимо домика Черри Мэллот, он увидел у нее свет. Капля дождя упала ему на лицо. Затем дождь стал быстро усиливаться. Разразилась буря.

Рой вошел, не стучась. Черри обрадовалась, увидав его. Но он остановил ее; рев непогоды почти заглушал его слова.

– Ты одна? – Она кивнула головой, он запер дверь на засов, говоря: – Понятые ищут меня. Они сейчас делали облаву у „Северной", и я удирал от них. Нет, пока еще ничего серьезного не случилось. Они ищут „Бдительных", и надо их предупредить. Ты поможешь мне.

Он быстро рассказал ей о последних происшествиях.

– Пока что ты здесь в безопасности: буря задержит их. Во всяком случае, тут три выхода, большое окно в моей комнате – четвертый. Им трудно будет поймать тебя.

– Сленджак и Дэкс в домике на шахте; знаешь, на шахте; знаешь, на кварцевом участке, повыше „Мидаса".

– Дашь ли мне ты свою верховую лошадь? Ночь так темна, что я могу погубить ее. Сначала я предупрежу людей в городе, а затем направлюсь в горы.

– Из этого ничего не выйдет, – ответила она. – Ты не выберешься отсюда до рассвета, а Мак Намара уже наверное протелефонировал на прииски, чтобы захватили Дэкса. Он прекрасно знает, где находится старик.

– Что поделаешь! Я ничего не могу придумать другого. Ты дашь мне лошадь?

– Нет, это всего только пони; он завязнет под твоей тяжестью. Я поеду сама.

– Что ты! В такую-то ночь! Ты только послушай. Речки разольются, и придется идти вплавь. Нет, я не пущу тебя.

Она подошла к нему вплотную.

– Мой мальчик! Разве ты не понимаешь, что я хочу тебе помочь. Разве ты не видишь, что я готова умереть ради тебя.

Он серьезно поглядел в ее широко раскрытые глаза и неловко произнес:

– Да, я знаю, я все понимаю. Но ведь ты не хочешь, чтобы я лгал тебе, дорогая?

– Нет, ты единственный правдивый человек подле меня. За это я и люблю тебя. Ах, как я люблю тебя! Я хочу быть достойной моей любви к тебе.

Она положила голову к нему на плечо; снаружи выл ветер, и дождь барабанил в окна. Разыгрывающаяся буря казалась сродни необузданной страсти, которой горела эта женщина.

– Все ужасно перепуталось, – проговорил он, наконец. – Я хотел бы, чтобы было иначе. Ни одна девушка не решилась бы сделать то, что ты предложила мне сейчас.

– Зачем ты все думаешь о ней? – прервала его Черри, вне себя. – Она – дурная и лживая и уже раз предала тебя; она и теперь в заговоре против тебя. Ты сам говорил мне. Будь мужчиной и забудь ее.

– Не могу, – ответил он просто. – Но ты ошибаешься, я сегодня убедился, что она честная и отважная. Я уверен, что она невинна, хотя и собиралась выходить за Мак Намару. Она подслушала их разговор и пришла предупредить меня, рискуя своей репутацией.

Лицо Черри побелело и осунулось.

– Она пришла в театр? Она это сделала?

Черри постояла, задумавшись, затем продолжала:

– Ты искренен со мной, Рой, и я отвечу тебе тем же. Ложь надоела мне. Я уверяла тебя, что она лжива, а сама в душе не верила этому. Она сегодня была здесь, унижалась, чтобы добраться до правды, унижалась передо мною, а я прогнала ее. Я оскорбила ее, когда она просила меня дать ей разъяснения по вашему делу. Вот какой я человек! Я отослала ее обратно к Струве, который обещал рассказать ей все.

– Что надо этому мерзавцу?

– Не догадываешься разве?

Рой скрипнул зубами. Черри торопливо прибавила:

– Не беспокойся, она не пойдет больше к нему. Он ей противен.

– А между тем, он ничем не хуже того, другого мерзавца. Ну, скорей, нам надо торопиться.

Он дал ей словесное поручение к Дэкстри, она ушла к себе и вскоре вернулась в платье для верховой езды.

Увидав ее, он спросил:

– Где твой непромокаемый плащ? Ты промокнешь до нитки.

– Я не могу ехать в нем. Придется, наверное, падать с лошади, я не хочу быть связанной. Дождь не повредит мне.

Она взяла свой маленький револьвер, но Рой вместо него протянул ей собственный „кольт".

– А ты сам как же? – спросила она.

– Найду себе другой.

Прощаясь с нею, он сказал:

– Еще одна просьба, Черри. Я буду некоторое время скрываться, надо дать знать мисс Честер, что следует охранять ее дядю, так как борьба началась по-настоящему, и товарищи обязательно повесят его, если только он попадется им в руки. Ты передашь ей записку. Ведь я перед нею в долгу.

– Я сделаю это ради тебя. Нет. Я вообще постараюсь сделать все, что надо, но, Рой, береги себя, пожалуйста.

Они вдвоем добежали до конюшни, и если бы не он, ветер сбил бы ее с ног.

Рой зажег свет, пони тихо заржал, почуяв хозяйку. Она гладила его, пока Гленистэр седлал.

Когда Черри уже сидела на лошади, она нагнулась к нему:

– Поцелуй меня, Рой, в последний раз.

Он взял ее мокрое от дождя лицо между ладонями и крепко, по-братски, поцеловал ее.

В это время, невидимый ими, кто-то снаружи прижимался лицом к окошку конюшни.

– Ты – храбрая девушка, – повторил Гленистэр, задувая свет.

Он открыл дверь, и Черри выехала в бурную ночь. Гленистэр поспешил обратно в дом, чтобы написать записку, которую Черри обещала передать Эллен. Рев первой осенней бури покрывал временами грозный голос Берингова моря. Гленистэр знал, что люди яростью и разнузданностью будут соперничать со стихиями и что происшествия этой ночи разбудят в них самые дикие страсти.

Войдя в дом, он не задвинул засова и, сбросив мокрую верхнюю одежду, стал быстро писать.

Ветер ходил по домику. Лампа вспыхивала и дымила, и Гленистэру казалось, что сквозит как бы из открытой позади него двери.

Он писал:

„Я ничего не могу больше сделать. Приближается конец, с ними и вспышки ненависти и кровопролитие, которых я пытался избежать. Я старался жить по вашим законам, но люди принудили меня, против воли, вернуться к первобытным способам действия, и теперь я не знаю, чем все это кончится. Узнаю завтра. Берегите своего дядю, и если хотите передать мне что-либо, обращайтесь к Черри Мэллот. Она наш общий друг. Всегда готовый к услугам

Рой Гленистэр".

Запечатывая письмо, он почувствовал, что холод прошел по всему его телу. Сердце забилось так сильно, что кровь застучала в висках. Он ясно ощутил какую-то близкую опасность, и в то же время что-то мешало ему повернуться.

Совсем близко, за спиной его, слышалось равномерное капанье воды. Перед ним не было зеркала, но он сознавал, что есть что-то угрожающее позади него. Напряженный слух подметил легкий, влажный звук: кто-то переступал с ноги на ногу. Но он продолжал сидеть, прикованный к месту.

Он машинально коснулся пояса, но револьвера не было. Так же машинально он неуверенным почерком надписал адрес на конверте.

Но услыхав негромкое щелканье курка, он, наконец, повернулся и увидал Бронко Кида, похожего на водяного, до такой степени промокло его легкое платье; на полу у ног его образовалась широкая лужа.

При тусклом свете лампы Гленистэр видел лицо, выражающее сильнейшую ярость, и оружие, поднятый курок которого походил на закинутую головку собирающейся ужалить ехидны.

У Гленистэра во рту пересохло, мысли вихрем закружились в голове; он понимал, что переживает самую опасную минуту своей жизни.

Но когда он заговорил, голос его звучал так спокойно, что он сам удивился.

– Что случилось, Бронко?

Кид ничего не ответил, и Рой повторил:

– Что тебе надо?

– Черт тебя побери с твоими вопросами, – сказал хрипло игрок. – Надо мне тебя, конечно, и вот я поймал тебя.

– Подожди, я безоружен. Ты уже в третий раз нападаешь на меня, и я хочу знать, в чем дело.

– Довольно разговоров! – крикнул игрок, приближаясь.

Черты лица его начинали медленно дергаться. Он вновь поднял опущенный было револьвер.

– Причин достаточно, и ты сам их знаешь.

Гленистэр взглянул ему прямо в глаза, всей силой воли стремясь удержать пронимавшую его дрожь.

– Ты не можешь убить меня, – сказал он. – Я честный человек и меня незачем убивать. Можно пристрелить мошенника, но не храброго и безоружного человека. Ты не убийца.

Он продолжал сидеть неподвижно, глядя, не отрываясь, Киду в глаза.

Кид постоял в нерешительности, и в глазах его, горевших ненавистью, появилось тревожное и неуверенное выражение.

Гленистэр торжествующе воскликнул:

– Вот видишь, я так и знал. У тебя дрожат жилы на шее.

Игрок сделал гримасу.

– Не могу, – сказал он. – Если бы я мог, то пристрелил бы тебя сразу. Но тебе придется драться, собака ты этакая. Вставай.

– Я отдал Черри свой револьвер, – сказал Рой.

– Я видел, и еще кое-что видел, – проскрипел зубами Кид. – Все видел.

Гленистэр продолжал стоять неподвижно; он знал, что малейшее движение с его стороны может вызвать роковой для него выстрел.

– Я пытался уже раз убить тебя, но я не гожусь на роль убийцы.

Кид заметил отброшенный в сторону револьвер Черри.

– Вот, на бери скорее, – сказал он.

– Это ни к чему. Все шесть пуль могут попасть в тебя, а ты их и не почувствуешь. Не знаю, в чем тут вообще дело, но согласен драться с тобою приличным оружием.

– Ах, ты, негодный пес! – зарычал Кид. – Я хочу стрелять в тебя, а мне страшно. Я когда-то был цивилизованным человеком, и, очевидно, это не забывается. В следующий раз я не стану ждать и сразу уложу тебя на месте, так что советую тебе скорее достать себе оружие.

Он отступил в полутемную кухню, не переставая пристально наблюдать за человеком, неподвижно сидящим при тусклом свете лампы.

Затем он вышел, исчез, как привидение, оставив за собою неподвижного человека и извилистый водяной след, отливавший при свете лампы, как кровь.

Глава XVIII

ЛОВУШКА

После ухода странного посетителя, Гленистэр запер домик и двинулся навстречу дальнейшим опасностям.

Буря не улеглась, было трудно дышать, и дождь хлестал, что было мочи. Гленистэр с огорчением подумал о девушке, которая решилась ехать в такую непогоду, подвергаясь всевозможным опасностям.

За последний час к прочим неприятностям прибавилась еще новая. Неужели Кид ревновал к нему Черри? Быть не может. Но в чем же тогда дело?

Буря, очевидно, заставила его преследователей укрыться по домам; улицы были пусты, и Рой беспрепятственно продвигался вперед, от дома к дому. Он шел осторожно, но быстро и скоро, узнал, что в некоторых домах до него уже побывали понятые и оставили лишь напуганных женщин и детей.

Таким образом несколько „Бдительных" было взято, а непогода мешала их семьям предупреждать других или искать помощи.

Люди, найденные Гленистэром дома, хватали ружья и, покидая плачущих жен, выбегали, несмотря на ливень. Великая борьба начиналась.

К рассвету остатки „Бдительных", проклиная Мак Намару, собрались в большом и пустом складе при мерцающем свете фонарей.

К тому времени, как на востоке занялась заря, прибежали по моросящему дождю Дэкстри и Сленджак. Они принесли известие о Черри, успокоившее Гленистэра.

– Вот так молодец! – говорил старик-золотоискатель. – Она

приехала к нам почти без чувств и теперь еще сидит у нас, выжидая конца бури.

– Что же дальше? – спросил он своего компаньона. – Когда мы повесим этих политических господ? Казалось бы, у нас тут достаточно сильных людей, чтобы выгнать всю их компанию, стереть, коли понадобится, город Номе с лица земли и начать жить по-своему.

– Я думаю, лучше всего притаиться и ждать, как будут развиваться дальше события, – осторожно ответил Рой. – Мало ли, что может еще случиться.

– Это так. „Бдительные", что твои духи – они лучше всего работают в темноте.

Буря стала утихать.

В конторе Мак Намары было шумно и людно. Сам начальник сидел в кресле, куря несчетное число сигар; в лице его было упрямое и твердое выражение, глаза испытывающе разглядывали собеседников. Он с обычной ловкостью играл своими марионетками, Воорхеза прогнал, после жестокого разноса, за то, что тот потерпел неудачу.

– Вы никуда не годитесь! Вам дают тридцать человек, а вы ловите десяток остолопов-рудокопов. Вы поймали мелкую дичь и упустили крупную. Мне нужен был Гленистэр, а вы пропустили его сквозь пальцы. Теперь же пойдет настоящая война. Ловкий человек обделал бы все дело шутя, а вы с места в карьер напутали. Посадите шпиона с вашими пленниками, пускай он заставит их разговориться. Предлагайте им, что хотите. А теперь убирайтесь.

Он вызвал одного из понятых и стал расспрашивать его; наконец сказал:

– Тут кроется предательство. Должно быть этих людей предупредили.

– Кроме мисс Честер никто не подходил к дому Гленистэра.

– Кроме кого?

– Кроме племянницы судьи. Мы по ошибке схватили ее в темноте.

Позднее один из людей, бывших вместе с Воорхезом в „Северной", попросил аудиенции у Мак Намары и сказал ему:

– Вы не поверите мне, если я скажу, что видел мисс Честер в танцевальном зале. Должно быть, это она предупредила Гленистэра, иначе он не знал бы, что мы ищем его.

Слушатель его промолчал; однако, оставшись один, тяжело заходил взад и вперед. Лицо его стало злым и жестоким.

– А, так вот как! Нам надо посчитаться! Вы поплатитесь жизнью за это, Гленистэр. И тогда, тогда я рассчитаюсь с вами, мисс Эллен.

Он глубоко задумался. Хитрость за хитрость. Стыдно будет

ему, если он не сумеет перехитрить этих рудокопов. Раз Эллен передалась на их сторону, он сумеет использовать ее как следует.

Он не превысил своей законной власти вчера, однако с общественным мнением все же следует считаться. Чтобы не натягивать струны слишком туго, он решил пустить в ход дипломатию.

Надо заставить врагов нарушить закон и попасть в расставленную ловушку. Раз Эллен уже ходила к ним, пусть пойдет еще раз.

Он торопливо направился к судье и бурей ворвался к нему. Он так ловко рассказал всю историю, что судья пришел в ярость, испугался и послал за племянницей. Она пришла, бледная и молчаливая.

Старик напустился на нее с капризным негодованием, Мак Намара же стоял молча. Эллен не теряла самообладания до тех пор, пока Стилмэн не упомянул о Гленистэре в невыносимом, по ее мнению, тоне.

– Молчите. Я не хочу слушать вас, – страстно закричала она. – Я предупредила его, потому что вы хотели пожертвовать им, после того, как он спас вам жизнь. Он – честный человек, и я благодарна ему. Вот и все. Только за это вы оскорбляете меня.

Мак Намара прервал ее с деланным чистосердечием:

– Конечно, вы думали, что поступаете правильно, но последствия нашего поступка будут ужасны. Теперь пойдут бунты, кровопролитие, и мало ли что еще. Желая предотвратить все это, я хотел рассеять организацию недовольных. Они пришли бы в себя после недели тюрьмы, теперь же они вооружены, воинственно настроены, и сегодня ночью будет непременно бой.

– Нет, нет! – воскликнула она. – Не надо насилия.

– Их нельзя уже удержать; они сами идут на гибель. Я узнал, что они хотят сегодня ночью атаковать „Мидас", и поставлю там пятьдесят солдат, которые встретят их. Жаль. Это все люди приличные, но они невежественны и, кроме того, обмануты этим молодым золотоискателем. Страшная будет ночь, невиданная на Севере.

С этими словами Мак Намара ушел к Воорхезу, говоря про себя: „А теперь, мисс Эллен, можете идти предупреждать их, – чем скорее, тем лучше. Это их обозлит, но не до такой степени, чтобы они напали на „Мидас". Они обрушатся на меня, а когда вломятся в мою пустую контору, то им уже попадет как следует на орехи".

– Воорхез, – сказал он своей марионетке, – соберите человек сорок и вооружите их винчестерами. Чтобы все молодцы были не боящиеся вида крови. Соберите их по одному, когда стемнеет, у заднего выхода из моей конторы. Это должно быть проделано в полной тайне. Постарайтесь на этот раз не провалиться, не то вам придется отвечать передо мною.

– Почему вы не вызываете солдат? – спросил Воорхез.

– Я хочу обойтись без них и здесь и на участках. Когда явятся солдаты, то нам придется стушеваться, а я еще не готов к этому.

Он мрачно улыбнулся.

Тем временем Черри Мэллот доставила Эллен записку Гленистэра.

Записка эта вполне подтверждала предсказания Мак Намары и окончательно напугала Эллен. Она убедилась в том, что к вечеру разразится кровавая трагедия. Ее ужас усиливался при мысли, что она сама бессознательно помогла разнуздать злые силы. Нет, этого не должно быть.

Она предупредит всех, не боясь ни дяди, ни Мак Намары.

Однако она все еще не имела доказательств преступной деятельности последних; она лишь угадывала правду. Если бы она не была женщиной...

Тут вспомнились ей слова Черри Мэллот о Струве: „бутылка вина и хорошенькая женщина", а затем и уверения адвоката, что в документах, с таким трудом привезенных ею весною, содержится ключ к мучившей ее тайне.

Если это правда, то документы эти, пожалуй, могут положить конец разгоревшейся борьбе. Ни дядя, ни инспектор не решатся продолжать вести свою линию под угрозой разоблачения и суда. Чем больше она думала, тем яснее вставала перед ней необходимость помешать сегодняшнему бою; это был единственный шанс на спасение.

К ее мучениям прибавлялось воспоминание о человеке, спрятавшемся за занавесом и в „Северной".

Это был ее брат, но почему и тут какая-то тайна? Почему он прятался от нее, как вор, или не пойманный лиходей*! У нее кружилась голова, она чувствовала приближение истерического припадка.

* *

*

Струве вскочил на ноги, когда дверь его конторы отворилась и вошла сероглазая девушка.

– Я пришла за документами, – сказала она.

– Я знал, что вы придете. – Он то бледнел, то краснел. – Вы помните наш уговор?

Она кивнула.

– Сначала – документы.

Он неприятно ухмыльнулся.

– За кого вы меня принимаете? Я исполню свою часть договора, если вы исполните свою. Но теперь не время и не место;

---

*Лиходей – злодей.

ожидается бунт, и я занят приготовлениями к вечеру. Возвращайтесь завтра, когда все уже будет кончено.

Но она именно оттого и пришла к нему, что боялась за эту ночь.

– Я никогда не вернусь сюда, – сказала она. – Таков мой каприз – сегодня, или никогда.

Он задумался на миг.

– Ну, пусть будет сегодня. Я пожертвую последними остатками чести, потому что вы завладели мною окончательно, и ради вас я готов, кажется, даже убить. Вот я каков; не могу сказать, чтобы гордился собою. Я всегда был таким. Мы с вами поедем в гостиницу „Солей". Она стоит в романтичной долине, в десяти милях отсюда, у дороги, ведущей к Змеиной Реке. Мы там вместе пообедаем.

– А документы?

– Я заберу их с собою. Мы поедем через час.

– Через час, – безжизненно повторила она и ушла.

Он мрачно ухмыльнулся и схватил трубку телефона.

– Центральная, дайте гостиницу „Солей", на ветви Змеиной реки. Алло! Это вы, Шорц? Говорит Струве. Есть у вас кто-нибудь? Хорошо. Если приедут, выставляйте, говорите, что гостиница закрыта. Это вас не касается. Приеду к вечеру, приготовьте обед для двоих. Сами уйдите и никого не впускайте.

Помня то, что писал Рой, Эллен пошла к Черри Мэллот; на этот раз она не была встречена насмешками.

Черри была застенчива и полна достоинства. Однако она стала увереннее, видя, как растерялась ее посетительница.

Когда Эллен кончила говорить, она решительно сказала:

– Не идите к нему. Он дурной человек.

– Но я должна идти. Кровь этих людей будет на моей совести, если мне не удастся предупредить несчастия. Если в бумагах находится то, чего я боюсь, то я сумею убедить дядю уступить и заставить Мак Намару возвратить прииски. Вы говорили, что Струве знает весь их план. Вы читали его документы?

– Нет, я знаю только с его слов; он часто говорил об этих документах, рассказывая, что они содержат инструкцию, приказывающую наложить запрещения на прииски и не давать возможности возбуждать тяжб. Он хвастался, что остальные члены шайки в его руках и что он может засадить их в исправительный дом. Вот и все.

– Это единственный шанс, – сказала Эллен. – Они посылают солдат на „Мидас", и мы должны предупредить „Бдительных".

Черри побледнела и воскликнула:

– Боже мой! Рой говорил, что он сам поведет атаку сегодня ночью.

Обе женщины в ужасе уставились друг на друга.

– Если мне удастся убедить Струве, то можно будет остановить все это...

– Понимаете ли вы, чем вы рискуете? – спросила Черри. – Это настоящее животное. Вам придется убить его, чтобы спасти себя; он никогда не отдаст вам этих документов.

– Нет, отдаст! – с озлоблением сказала Эллен. – Он не посмеет тронуть меня. Гостиница „Солей" публичное место, там есть хозяин, телефон и могут быть другие приезжие. Вы скажете мистеру Гленистэру о солдатах?

– Скажу, Вы – храбрая девушка; подождите. И Черри взяла с буфета свой маленький револьвер. – Вот вам, не бойтесь пускать его в ход. Да, я хочу, чтобы вы знали, что я жалею о своем вчерашнем поведении с вами.

Торопливо убегая от Черри, Эллен внезапно сознала, какая произошла в ней за последние месяцы перемена. Гленистэр был прав, говоря, что его Северная страна творит чудеса над теми, кто живет здесь.

Она, скромная и неопытная девушка, покинувшая домашний очаг только из чувства долга, теперь превратилась в существо, ставящее на карту и честь и репутацию.

Судьба безжалостно играла ею. Первобытные грубые силы изменили ее так же быстро, как в свое время изменили самого Роя.

Она в указанный час была у Струве, и они уехали вместе: он веселый и воодушевленный, она – холодно-молчаливая.

К вечеру тучи, лежавшие на западе, стали принимать устрашающие размеры. Ночь наступила рано, а с нею вместе загремела буря, соперничавшая в силе со вчерашней.

Когда стемнело, около задней двери конторы Мак Намары стали собираться вооруженные люди, которых затем прятали в самом доме.

Когда подходил особенно отчаянного вида бродяга, хозяин помещения отзывал его в сторону и тщательно описывал ему наружность широкоплечего юноши в белой шляпе и невысоких сапогах.

Устроив свою ловушку, Мак Намара улыбнулся про себя; он перестал сожалеть о вчерашней неудаче, так как она довела врагов его до нужной степени негодования и ярости, и они теперь сами пойдут на гибель.

Он с удовлетворением думал о роли, которую припишет ему пресса в Соединенных Штатах, когда там получится сенсационное известие о происшествиях этой ночи.

Представитель суда, рискнувший исполнять свои обязанности перед лицом разъяренной толпы; инспектор, обративший ночное нападение в позорное и кровавое отступление. Вот что будет сказано в газетах! Какое значение может иметь после этого, если он „превысит" свою власть, если разразится скандал? Кто станет расспрашивать об этом? Что касается солдат, нет, решительно не надо их. В данный момент помощь их не нужна ему.

Появление к вечеру в открытом море корабля доставило ему некоторую неприятность, потому что, несмотря на полученное им заверение в том, что отправление правосудия задержано в Сан-Франциско, он все же знал, что Билл Уилтон умелый адвокат и решительный человек.

Поэтому он с удовлетворением приметил, что поднимается буря. Это исключало возможность вмешательства со стороны.

Пускай приезжают завтра, если хотят. К тому времени некоторые из приисков лишатся хозяев, а собственное его положение утвердится во сто крат.

Он протелефонировал на участки, велел выставить стражу, хотя считал, что одни лишь безумцы решатся атаковать их, несмотря на предупреждение, заведомо переданное им стараниями Эллен.

Он надел непромокаемое пальто и пошел к Стилмэну.

– Приведите вашу племянницу ко мне в дом сегодня. Ожидаются беспорядки, и у меня будет спокойнее.

– Она еще не вернулась с прогулки верхом; боюсь, как бы ее не застала буря. – Судья беспокойно вглядывался в темноту.

* *
*

В течение долгого дня „Бдительные" скрывались, нетерпеливо перенося бездеятельность и дивясь тому, что их не пытаются разыскать; они не имели представления о хитрых планах Мак Намары.

Когда дошла записка Черри, предупреждавшая о последних, то все собрались в заднем помещении своего убежища и стали советоваться между собою.

– Есть только один способ покончить с этим положением, – сказал председатель.

– Верно! – заговорили другие хором. – Они поставили военный отряд на приисках, а мы пойдем в город и уничтожим их начисто. Мы повесим всю компанию на одном столбе.

Предложение это было принято восторженно, причем один Гленистэр колебался. Он заговорил:

– Я считаю, что следует поступить иначе. Послушайте, что я скажу вам, а затем уже решайте.

– Вчера я получил от Уилтона извещение, что калифорнийские суды против нас; он объясняет это обстоятельство давлением извне; как бы то ни было, мы лишены помощи закона и здесь и в апелляционном суде. Положим, мы предадим суду Линча трех представителей закона. Что же мы этим выиграем?

Немедленное военное положение, запрещение, наложенное еще на год на наши прииски, и кто знает, что еще. С другой сто-

роны, мы можем потерпеть неудачу в нашем нападении, так как я знаю, что этот инспектор вовсе не дурак. И что тогда? Те из нас, которых не перебьют, окажутся в тюрьме. Вы говорите, что нам не сладить с солдатами, а я говорю, что мы должны сладить с ними. Мы должны захватить прииски помимо судов Аляски и помимо судов Калифорнии и дойти до самого Белого Дома, где находится, по крайней мере, один честный человек.

Надо разбудить правителей в Вашингтоне. Обойдемся безо всякой политики, ибо на этом поприще Мак Намара сумеет объехать нас на кривой; однако, несмотря на всю силу свою, он не сможет подкупить президента. В нашем распоряжении остался один заряд, и выстрел наш должен раздаться на берегах Потомака. Когда дядя Сэм вмешается в наше дело, мы можем рассчитывать на справедливость к нам, владельцам приисков. Поэтому пойдем на „Мидас" и постараемся захватить его. Иные из нас пострадают, но что же делать.

Затем он изложил план, изумивший слушателей своей дерзостью, и они понемногу повеселели. Они любили рискованные предприятия, так как все жители пустыни – игроки в душе. Смелость его привела их в энтузиазм.

– Что касается меня, – сказал он, – я желаю стать на самом опасном месте. Это мое право.

В наступившем молчании раздался голос Дэкстри:

– Ну, не молодец ли он, чертов сын!

– Мы пойдем с тобою, – хором заговорили золотоискатели.

Председатель прибавил:

– Пусть Гленистэр ведет нас. Я согласен.

– Надо поторапливаться, – сказал один. – Дорога дальняя, а грязь по самое колено.

– Мы и не подумаем идти пешком, – ответил Рой, – мы доедем поездом.

– Поездом? Каким же образом?

– А просто украдем его!

Дэкстри восторженно ухмыльнулся длинноногому товарищу, а Слenджак показал беззубые десны, отвечая:

– Он молодчина!

Гленистэр вышел в сопровождении двух друзей, а остальные последовали за ним через полчаса.

„Бдительные" выходили молча, гуськом, медленно исчезали в темноте, так что скоро в старом складе не осталось никого.

В восточной части города другие люди терпеливо ждали за темными окнами, яростно заливаемыми дождем, терпеливо ждали приказаний высокого человека, стоявшего со сложенными на груди руками. Наверху же взад и вперед ходил несчастный старик, ломая руки, непрестанно вглядываясь в темную ночь и бормоча имя дочери своей сестры.

ДИНАМИТ

Ранним вечером Черри Мэллот открыла свою дверь и увидела на ступенях Бронко Кида. Зная его характер, она не расспрашивала его, а молча дала ему раздеться. Смуглое лицо его было бледно, глаза имели страшно усталое выражение, вокруг губ образовались морщины, а руки не находили себе покоя; казалось, он переутомлен бессонницей или находится на грани истерики.

Сделав несколько бесцельных замечаний, он внезапно спросил:

– Ты любишь Роя Гленистэра?

Голос его прозвучал ревниво, и он внимательно наблюдал за нею, пока она откровенно отвечала:

– Да, Кид, люблю и всегда буду любить. Он единственный правдивый человек, встретившийся мне, и я не стыжусь своих чувств.

Он долго глядел на нее, затем быстро заговорил, не давая ей возможности прервать его.

– Я давно уже сдерживаюсь, потому что не умею говорить как следует. Это мой последний шанс, и я хочу воспользоваться им. Я люблю тебя с самого первого дня нашей встречи в Даусоне, и не такой любовью, какую можно было бы предполагать в человеке, как я, но такою, какая нужна женщине. И никогда не сознавался в том. К чему? Ведь тот предупредил меня. Я давно бы бросил играть, но ты была здесь, и я продолжал быть игроком и ни на что не годным человеком. Я решил было уступить ему тебя, не случись одна вещь месяца два тому назад; теперь же мне придется посчитаться с ним. Это не относится к тебе, и я даже не могу говорить об этом. Я сделался хищным волком, таящимся в темных переулках и поджидающим добычу, как разбойник. Я пытался убить его – вчера еще пытался, – но, я когда-то был порядочным человеком, когда-то, еще до карточной игры. Теперь же он знает, что его ожидает, знает, что один из нас должен погибнуть. Мне надо было сказать тебе все это, пока один из нас не будет убит.

– Ты говоришь, как безумный, Кид, – ответила она. – Оставь его в покое. У него и так много горя. Я никогда не предполагала, что ты любишь меня. Что за путаница! Ты любишь меня, я – его, он любит эту девушку, а она любит мошенника. Не довольно ли и этого, без твоих ужасных намерений. Кроме того, ты выбрал плохой момент для разговора. Я с ума схожу сегодня. В воздухе чуется что-то страшное...

– Мне все-таки придется убить его, – упрямо шептал Кид, не поддаваясь ни на какие ее уговоры.

Наконец, она гневно напустилась на него:

– Ты говоришь, что любишь меня. Ну, докажи мне. Я знаю тебя и понимаю, чем может кончиться эта вражда. Откажись от нее, и я выйду за тебя замуж.

Игрок медленно встал на ноги.

– Ты любишь его, да? – Он болезненно содрогнулся. – Я не хотел бы таким образом жениться на тебе. Нет...

Она горько рассмеялась.

– Понимаю. Понятно, ты не хочешь. С моей стороны глупо было предлагать это такому человеку. Ну, все равно, пойду на то, что ты хочешь, если ты за этим пришел. Я хотела бросить эту жизнь и жить иначе, но вижу, что из этого ничего не выйдет. Я заплачу. Я знаю, как ты безжалостен и что цена не высока. Возьми меня, а о свадьбе я больше говорить не буду. Я останусь здесь ради него.

– Постой, – воскликнул Кид. – Ты не поняла меня. – Его худое тело дрожало от волнения. – Черри, я люблю тебя так, как мужчина должен любить женщину. Я хочу увести тебя подальше, спрятаться вместе с тобою и начать новую жизнь, как ты говоришь.

– Как? Ты хочешь жениться на мне?

– Конечно! Немедленно! Я готов отдать жизнь за эту радость. Но я не могу отказаться от мести, даже ради тебя. Я должен его убить.

Она стала умолять его.

– Все против него, Кид. Он борется безнадежно. Он все отдал ради этой девушки, а я все отдала ради него.

Бронко яростно прорычал:

– Он получил свое вознаграждение. Он воспользовался...

– Не говори глупостей. Уж я это знаю. Ты не имеешь права так говорить о честной женщине.

В его глазах появился луч надежды, и он слегка задрожал. Он облизал сухие губы и заговорил:

– Ты хочешь сказать, что он не... что она не...

– Да, разумеется же, нет.

Он сел в изнеможении, закрыв руками лицо, задергавшееся так же, как в ту ночь, когда его месть не удалась.

– Я знаю, что она честная и хорошая девушка. Поэтому я и была вне себя, когда ты явился. Она сейчас находится в опасности; она рискнула всем, чтобы обелить себя перед Роем и его друзьями и возместить им потерянное. Она отправилась со Струве в гостиницу „Солей".

– Со Струве! – игрок ринулся с места. – Одна со Струве в такую ночь! Зачем? Говори скорей!

Черри рассказала причину, побудившую Эллен пойти на это приключение; лицо слушателя ее исказилось и потемнело.

– Ах, Кид, я виновата в том, что отпустила ее. Я боюсь. Я боюсь.

– Гостиница „Солей" принадлежит самому Струве, а управляющий ее – мерзавец.

Бронко, с налитыми кровью глазами, с выражением загнанного дикого зверя взглянул на часы.

– Уже восемь часов. Десять миль – слишком поздно.

– Что с тобой? – спросила она, не понимая его странного поведения. – Ты сейчас говорил мне, что любишь меня одну, а теперь...

Он тяжело повернулся к ней:

– Она – моя сестра.

– Твоя сестра? Ах! Я, я рада. Но не стой ты, как деревянный, торопись. Проснись. Она в опасности.

Он овладел собою.

– Надевай пальто. Скорей! Возьми мою лошадку.

Она вместе с ним выбежала в бурю, как тогда с Роем, и говорила, пока он вскидывал седло на лошадь:

– Теперь я все понимаю. Ты слышал сплетни о ней и о Гленистэре, но это все вранье. Я лгала, хитрила и интриговала против нее, но теперь все это кончено. Надо думать, что и во мне есть хоть капля добрых чувств.

Он заговорил, сидя в седле:

– Больше, чем капля, Черри. Ты похожа на людей, с которыми я жил в молодости.

Она слабо улыбнулась, освещенная фонарем.

– Я хочу быть похожей на твою сестру, Кид, – сказала она.

* *
*

Гленистэр и его друзья крались в темноте, избегая освещенной части города; ветер несся к морю из пустыни; дождь хлестал в лицо.

Путь их лежал к хижине, находившейся на западной окраине города. Там они остановились и прикрепили что-то под полями своих шляп.

Тут проходило узкое полотно железной дороги, пролегавшей через болотистую тундру и направлявшейся к горам и приискам. Ходил неуклюжий маленький паровоз, который тяжело кряхтел и двигался черепашьим шагом, таща две высокогруженные товарные платформы.

Шпалы были связаны продольными досками, положенными на болотистом грунте и местами выступавшими кверху, так что горбатый, короткий локомотив часто спотыкался, наклонялся и вопил как пьяный. Ночью он, задыхаясь, кашляя и шипя, тащился в парк и там успокаивался до утра.

Машинисты и дорожные рабочие вставали и ложились рано; в этот вечер они уже ушли домой, когда их вызвали неожиданные гости.

Машинист открыл дверь и увидал то, что показалось его испуганным глазам настоящей пушкой Круппа, направленной на него человеком в клеенчатом плаще и с белой маской на лице. Револьвер уставился на него неподвижным и ужасающим круглым глазом; за циклопом этим стояло двое незнакомцев.

Кочегар встал с места, со стуком уронив на пол башмак, но, как

житель дальнего запада, привычный к чрезвычайным обстоятельствам, немедленно поднял руки над головою, балансируя на одной ноге. Он отстегнул перед этим пояс, и теперь одежда его грозила вся упасть на пол; он конвульсивно хватался за нее одной рукой, продолжая держать другую руку кверху и подскакивать на одной ноге, изображая из себя таким образом еще неведомый семафор.

Другой человек, еще новичок на Севере, стал отступать к самой стене, согнувшись и прикрыв середину тела руками; он убедительно повторял:

– Не направляйте мне эту штуку в самый живот.

– Ха, ха! – неестественно громко засмеялся кочегар.

– Что, братцы, вздумали пошутить?

– Мы не шутим вовсе, – ответила передняя фигура. Дыхание ее вырывалось клубами пара из-под маски.

– Ну, как же не шутите? – настаивал кочегар. – Ведь у нас нет ничего такого, что стоило бы украсть.

– Одевайтесь и идите с нами. С вами ничего дурного не случится.

Машинист и кочегар послушались и были отведены к бездействующему локомотиву, с приказанием развести пары в течение получаса. В случае неповиновения они должны были стремительно покинуть царство прикладной механики. В виде стимула к деятельности над ними поставили двух людей. Наконец, локомотив стал неохотно вздыхать и клокотать.

Они видели в окружающем мраке и другие фигуры, молчаливо влезавшие на платформу за ними.

Когда манометр дошел до требуемой точки, поезд выкатился из-под навеса, и резкий свист локомотива на стрелке и у шлагбаума затерялся в шуме и грохоте бури.

Сленджак остался с ружьем в руках на локомотиве, а Дэкстри перелез назад к Гленистэру. Он нашел его в бодром настроении, несмотря на неудобство езды на открытой платформе, Гленистэр старался разжечь трубку под прикрытием пальто.

– Динамит с нами? – спросил старик.

– А как же. Хватило бы на целый броненосец.

Поезд выполз из лагеря и прошел мост через реку в полнейшей темноте; компаньоны сидели на ящиках и тихо разговаривали. До них долетал сдержанный говор людей, которые рисковали своим будущим, свободой и жизнью ради того, что считали справедливым.

– Мы боремся хорошо, – сказал Дэкстри, – будь что будет.

Рой ответил:

– Я бой уже выиграл.

– Как так?

– Для меня самая тяжелая борьба была не борьбой за прииски. Я победил самого себя.

– Ночь уж очень сырая для философских рассуждений. Пожалуй,

они скиснут, как молоко, в грозу. Попробуй нарядить эти свои бостонские фантазии в непромокаемую одежду и представь их мне на осмотр. Тогда, авось, разберусь.

– Я хочу сказать, что был дикарем до встречи с Эллен Честер, а она в два месяца сделала из меня человека. Мне нравится свободная жизнь не меньше прежнего, но я понял, что человек имеет обязанности перед самим собою и перед другими людьми. Кроме того, я узнал, что правый путь обыкновенно самый тяжелый. О, да я порядочно исправился.

– Вот как! Ты очень доволен собой? Однако выглядишь ты не особенно хорошо. А кроме того... разве это помогло тебе? Она все равно выйдет за это важное чучело.

– Знаю, и это-то и обидно, так как он ничуть не более достоин ее, чем я сам. Впрочем, кто знает, быть может, она сумеет и его переделать. Переделала же она меня, мой образ жизни, мои манеры...

– Какие такие манеры... – прервал его Дэкстри. – Ты и так, кажется, не имел привычки есть с ножа. Когда дело доходит до приличий, ты ни в чем не отстаешь от восточных. Я наблюдал за тобой в гостиницах Сан-Франциско. Ты разбирался в разных штучках, в столовом приборе не хуже старшего кельнера, и мне придавало самоуверенности одно лишь твое присутствие. Помню, как я сначала лил молоко и клал сахар в бульон. Он был подан в чашке и поэтому напоминал чай. Но ты!.. Ты знал, что надо делать...

Рой хлопнул товарища по мокрой спине; он был возбужден и весел; сознание, что опасность близка – опьяняло его как вино.

– Вот что, – сказал он. – Если мы вернем свой прииск, то мы в следующий раз поедем прямо в Нью-Йорк.

– Нет, на мой вкус цивилизации достаточно и в Сан-Франциско. Конечно, я достаточно элегантен и для Пятой Авеню, но мне больше нравится Запад. В Нью-Йорке мой старый костюм, пожалуй, произвел бы слишком большой фурор.

Общая опасность вновь сблизила немного отошедших было друг от друга приятелей. Они по-прежнему разговаривали, не стесняясь, полушутя и полусерьезно, причем под шутками скрывались взаимная привязанность и взаимное понимание, скрепившие их дружбу.

Доехав до цели, „Бдительные" слезли с поезда вслед за предводителем, хорошо знакомым с дорогой, и вступили в темную долину. Спустя некоторое время, он остановился и дал им последние указания.

– Разделитесь на две группы и окружите их с двух сторон; подползайте незаметно как можно ближе к пикетам. Помните, что надо ждать последнего взрыва. Когда услышите его, то атакуйте вовсю. Сначала не стреляйте и не убивайте, так как там только солдаты, действующие по приказанию, но если они будут сопротивляться, тогда... ну, что ж, каждый должен делать свое дело.

Дэкстри обратился к стоявшим вокруг:

– Скажите, друзья, не лучше ли мне ползти туда вместо мальчика? Я опытнее по части динамита, да и стар становлюсь. Не будет большой беды, если они ухлопают меня, тогда как он в цвете лет...

Гленистэр прервал его.

– Я никому не уступлю своего права. Ну, а теперь по местам.

Люди растаяли во мраке, а старый пионер задержался и взял руку товарища в свои.

– Хотел бы я идти вместо тебя, мальчик, но если они убьют тебя, то лучше бы им не жить.

Он, спотыкаясь, пошел вслед за удалявшимися людьми, и Рой остался один.

Гленистэр без всяких инструкторов вскрыл ящики с динамитом и спрятал содержимое их на себе. Каждый патрон был достаточно силен, чтобы взорвать целое село, а он накладывал их в карманы, за рубаху... От него ничего бы не осталось в случае взрыва. Он удостоверился в том, что запальные трубки завернуты в клеенку и спрятал их в шляпу. Окончив свое дело, он пустился в путь, двигаясь с трудом под тяжестью своей ноши.

Выбор местности был сделан удачно; пологий откос спускался в луговину, по которой протекал родник, доставлявший воду на „Мидас"; Рою была хорошо известна каждая пядь ручья, и он стал осторожно пробираться вперед вдоль русла его. У подножия горы, на ровном месте, ручей прорыл довольно значительную канаву, по которой Рой пополз на четвереньках; полз он неловко и медленно – ручеек вздулся от дождя и заливал ему икры и локти, так что у него начались болезненные судороги в руках и ногах.

Острый сланец и камни в ложе ручейка резали ему до крови ладони и колени.

Так как нельзя было ничего видеть, не приподнявшись, то он снял непромокайку, чтобы двигаться посвободней, и промок до костей. Изредка он садился на корточки, с напряжением осматриваясь по сторонам.

Берега канавы еле скрывали его. Наконец, он добрался до дощатого мостика и уже собирался приподняться, как вдруг упал вперед, в речку, и растянулся на дне ее, так что выглядывала одна голова. Предвидя подобную случайность, он с такой осторожностью и заворачивал запальные трубки. Над ним так близко прошел человек, что он мог бы коснуться его.

Поговорив с другим, дальше стоявшим, часовой вернулся назад через мост.

Очевидно, здесь была сторожевая линия.

Рой стал прокрадываться дальше, пока не зачернели перед ним приисковые постройки. Тогда он, весь мокрый, вылез на берег канавы. Он проскользнул удачно.

После изгнания владельцев инспектор выстроил основательные дома вместо найденных им на участке палаток. Дома эти были

выстроены из железных каркасов и гофрированного железа и могли защищать от умеренного холода.

Компаньоны издали наблюдали за постройкой, но вблизи не видали ее.

Молодой человек почувствовал прилив нежности к этим местам; он был привязан к участку, где нашли осуществление грезы его молодости и надежда, поддерживавшая его в течение долгой борьбы в суровой Северной стране. Он нашел его, когда уже терял надежду, и прииск, отдав ему свои девственные сокровища, принес ему утешение и радость. Разорять его теперь казалось ему преступлением.

Он подполз к ближайшей стене и прислушался. Внутри шел говор, доказывавший, что хотя в окнах и не было света, но обитатели дома бодрствовали. Он стал делать таинственные приготовления под фундаментом, затем нашел контору, кухню и произвел там ту же работу.

Он чувствовал, что за видимым покоем „Мидаса" скрывалось напряженное возбуждение.

Благодаря его напряженному состоянию Рою казалось, что времени прошло гораздо больше, чем прошло на самом деле. Он решил, что товарищи успели уже дойти до указанного им места. Если что-нибудь не удастся в последнюю минуту, если они не будут на месте, – ничего не поделаешь. Это возможно во всяком предприятии, как бы оно хорошо ни было обдумано.

Он вошел в кузницу и отыскал спичку. Зажегши спичку, он спрятал ее под пальто и открыл дверь, прислушиваясь.

Ветер стих, и капли дождя звучно шлепали о железные крыши.

Он быстро перебегал от одной постройки к другой. В трех местах замерцали зажженные им огоньки.

Он спустился в канаву и вытащил револьвер; ему мерещилось, что сами горы наклонились к нему в ожидании. Дождь перестал лить, и замерли многотысячные голоса ночи.

Он так крепко сжал челюсти, что мускулы щек заныли. Подняв револьвер кверху, он быстро выстрелил шесть раз подряд; выстрел прозвучал глухо и мертво в густом тумане. За ним поднялся шум и крик, над головой его просвистела пуля. Он повернулся и, увидев при вспышке от выстрела, что часовой во второй раз собирается стрелять, согнулся и скрылся в канаве.

На выстрелы выбежали из своих помещений вооруженные с головы до ног люди; они были встречены ружейным залпом и градом пуль. Они стали центром огненного круга, сомкнутого „Бдительными".

Однако защитники держались замечательно спокойно, принимая во внимание внезапность нападения. Послышался голос начальника, дававшего громкие приказания.

Со стороны нападавших не было иных выступлений, кроме

злобных вспышек ружейного огня. Внезапно за людьми Мак Намары ночь озарилась красным светом; казалось, открылась пасть доменной печи, открылась и затем захлопнулась с грохотом и ревом, покрывшим треск ружей.

Они видели, как развалилась кухня, разнесенная на тысячи обломков дерева и согнутых кусков металла, как они взлетали над их головами к темному небу.

Когда эхо в горах улеглось, вновь стали слышны выстрелы „Бдительных". Падающие обломки постройки осыпали землю вокруг защитников, а железные крыши звенели от перестрелки.

Люди были так ошеломлены взрывом, что не могли понять, в чем дело. Они еще не успели уяснить себе значения происшедшего, как снова вспыхнуло зарево, осветившее серебристую сетку дождя: взорвалась контора.

Затем завеса темноты упала, бархата чернее, и люди прижались к земле, ища за ближайшими предметами или друг за другом защиты от падающих вниз обломков.

Теперь они уже стояли спиной к „Бдительным", лицом внутрь лагеря. Многие из них уронили ружья. Из конюшни раздавался топот копыт и ржание испуганных лошадей. Крик зверя, доведенного до отчаяния, способен сам по себе леденить кровь, но с ним вместе поднялся и человеческий голос, полный боли и смертельного ужаса. Вырванная и смятая масса цинка низвергнулась на кого-то и смяла его.

Окружающие бросились в бегство, чтобы избегнуть невидимой опасности, которая грозила им из темноты. Они пустились в бегство, но в эту минуту увидели еще более сильный свет за собой. На этот раз их сбило с ног сотрясение, неизмеримо большее двух предыдущих.

Несколько человек уставилось дико побелевшими глазами в клубы дыма, поднявшегося после взрыва; другие же прятали лица в руки, как бы защищаясь от адского огня или от удара.

Над хаосом раздался громкий и резкий возглас:

– Берегись следующего взрыва.

В тот же момент круг стрелков пустился в атаку среди дождя падавших обломков. Они стреляли набегу, но уже без надобности, так как у них уже не было противников. Наступила паника. Защитники, понимавшие, что они избегли гибели в домах лишь благодаря тому, что случайно вовремя выбежали из них, не имели никакого желания остаться на месте, когда над ними рушались небеса. Смущение их увеличивалось тем, что лошади вырвались из стойл и помчались среди общего беспорядка.

Страх, слепой, безумный и заразительный, объял людей, и они понеслись из лагеря, сталкиваясь с врагами и опрокидывая их, стремясь скорее спастись.

Иные срывались со скал и падали в шахты, другие взбирались по склонам гор и прятались в кустах, как напуганные перепела.

„Бдительные", собрав пленных возле развалин, зажгли факелы и стали разыскивать раненых, когда увидели Гленистэра, бегущего с револьвером в руке. Он кричал:

– Не видал ли кто-нибудь Мак Намары?

Никто не видал его, а Дэкстри радостно прокричал:

– Вот так бой! Ни единой царапины ни у одного из нас.

– Пленных взято четырнадцать человек, – объявил другой.

– Должно быть, найдутся еще другие в кустах.

Гленистэр с возрастающим удивлением замечал, что ни один из пленных, поставленных в строй под ярким светом факелов, не носил мундира армии. Все они были рудокопы или разные бродяги, набранные в лагере. Куда же девались солдаты?

– Не было ли у вас тут отряда солдат из казарм? – спросил он.

– Тут не было ни одного солдата с самого начала работ.

Молодой лидер смутился. Неужели нападение было ненужно? Неужели так и не было столкновения с вооруженными силами Соединенных Штатов? В таком случае известие о случившемся никогда не дойдет до Вашингтона, и он с друзьями, вместо того, чтобы достигнуть цели, окажется вне закона; тогда можно будет безнаказанно их преследовать, и головы их будут оценены.

Невинная кровь была пролита, и собственность, находящаяся под запрещением, уничтожена. Мак Намара, наконец, добрался до них и поставил их в безвыходное положение.

Здоровые пленники были доведены до границ „Мидаса" и отпущены со всеми угрозами и предупреждениями, какие только мог придумать Дэкстри.

Затем Гленистэр собрал своих людей и стал говорить с ними откровенно.

– Товарищи, это совсем не победа. На самом деле мы в худшем положении, чем были раньше, и самый главный бой еще впереди.

– Мы, вероятно, успеем уйти до рассвета и нас не узнают, но если нас застигнут здесь, то нам придется принимать бой. Против нас вышлют солдат, и если мы выдержим их натиск и драка будет выдающаяся, то слухи о ней дойдут до Вашингтона. Это уже будет настоящая война. Кто из вас отказывается от нее?

– Никто! – прокричали все единодушно; в силу этого начались приготовления. Понастроили баррикад, убрали развалины и превратили постройки в блокгаузы; в течение всей бурной ночи усталые люди работали до упаду, предводительствуемые молодым, по-видимому, неутомимым.

Около четырех часов утра его позвал один из товарищей.

– Вас вызывает кто-то по телефону из пробирной палатки; говорит, что дело чрезвычайной важности.

Гленистэр торопливо побежал к уцелевшей постройке, где находился телефон, и, сняв трубку, услышал голос Черри Мэллот.

– Какое счастье, что ты невредим! Сейчас пришли люди с прииска, весь город в волнении. Говорят, будто вы убили десятерых. Правда ли это?

Он в коротких словах стал излагать ей происшедшее, но она прервала его.

– Постой, постой! Мак Намара потребовал помощь войск и вас всех расстреляют. Какая была ужасная ночь! Я не ложилась и схожу с ума. Теперь слушай внимательно: вчера Эллен уехала вместе со Струве в гостиницу „Солей" и до сих пор еще не возвращалась.

Гленистэр с трудом удержал возглас, желая слушать дальше. Рука его делала странные и бесцельные движения в воздухе.

– Я никак не могу соединиться с этой гостиницей и боюсь, что случилось что-нибудь ужасное.

– Зачем она поехала? – закричал он.

– Спасать тебя, – последовал слабый ответ Черри. – Если любишь ее, скачи скорей в гостиницу „Солей", а то опоздаешь... Бронко Кид уже поехал туда...

Услыхав это имя, Рой с силой бросил трубку на крючок и выскочил из-под навеса, громко призывая своих людей.

– Что случилось? Куда едешь?

– В гостиницу „Солей", – сказал он, еле переводя дух.

– Мы шли за тобой, Гленистэр, и ты не должен бросать нас, – гневно сказал один из толпы.

Рой понял, что они боялись, как бы он ни дезертировал, услыхав какие-нибудь неизвестные им устрашающие известия.

– Мы бросим прииск, товарищи, – сказал он. – Я не могу требовать от вас того, чего не делаю сам, но я не из страха бегу отсюда. Одна женщина в опасности, и я обязан идти к ней на помощь. Она рискнула ради нас, ради восстановления справедливости, и меня страшит то, что могло случиться с ней, пока мы тут дрались. Я не прошу вас ожидать меня тут – это было бы несправедливо – и советую вам уходить, пока еще можно. Что касается меня, то я уже раз простился с участком и могу во второй раз отказаться от него.

Он вскочил в седло и выехал сквозь строй вооруженных людей.

Глава XX,

В КОТОРОЙ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В „СОЛЕЙ" ТРОЕ, А ВОЗВРАЩАЮТСЯ ТОЛЬКО ДВОЕ

Эллен и ее спутник подымались в гору, несущую на себе следы вчерашней бурной грозы; далеко внизу бурлил по скалам разлившийся поток, а позади, на юге, гневное море расстилалось к кроваво-красному горизонту.

Дикая картина казалась в глазах Эллен окрашенной всеми тонами огня, крови и стали.

– Дорога сильно пострадала от дождя, – сказал Струве, когда они пробирались мимо неприятного моста, где часть нависшей горы, подмытая потоками воды, сползла в ущелье. – Еще одна такая гроза, и дорога совсем исчезнет.

Даже при дневном свете было бы трудно избегать опасных мест, так как лошади спотыкались в липкой грязи.

Девушка подумала, до чего трудно будет возвращаться, как она это намерена была сделать. Она мало говорила, подъезжая к гостинице, потому что мысли вихрем кружились у нее в мозгу; но зато Струве, более самодовольный и неприятно самоуверенный, чем когда-либо, был шумно-говорлив.

Страх охватывал девушку все сильнее и сильнее, достигая парализующей силы.

Если ей не удастся... Но она поклялась себе добиться своего и не может не добиться.

Они обогнули поворот дороги и увидали внизу гостиницу „Солей", гнездившуюся у ручья, который сбегал с кручи в реку, как серебряную нить, извивавшуюся по долине.

Перед гостиницей стояла белая мачта с еловой веткой, а над дверью висели сани.

Домик был странной архитектуры; на земляной крыше росли цветы, а из-за высоких подпорок стен сонно выглядывали окна.

Дом был построен скучавшим по родине чужестранцем неизвестной национальности, которого армия погонщиков собак, пользовавшаяся его гостеприимством, за чистоту и опрятность прозвала „шведом".

Когда дорога отошла в сторону, Струве взял домик себе за долг и теперь держал там гостиницу для удобства тех немногочисленных путешественников, главным образом пионеров, которые верхней дорогой направлялись в сердце страны.

Управляющий в свободные часы разрабатывал плохой участок кварца или выполнял обязанности пробирщика на близлежащих приисках.

Шорц взял лошадей и, кратко отвечая на расспросы хозяина, с любопытством разглядывал Эллен.

При других обстоятельствах последняя пришла бы в восторг от этого домика, так как ничего оригинальнее она в Северной стране не видела.

В главной комнате, служившей баром, находились весы для взвешивания золота, грубо сколоченный стол и громадная железная печка; стены же и потолок ее были обтянуты белым сукном и так искусно прошиты нитками, что комната походила на фантастическую меловую пещеру.

В ней было много горных трофеев, в роде чучел, птиц и живот-

ных, шкур и рогов; на последних кое-как навешены собачья упряжь, лыжи, ружья и одежда. Дверь слева вела в комнату, где в прежние времена путешественники спали на койках, стоявших в три ряда. Позади была кухня и кладовая, а справа помещение, которое Струве называл художественной галереей.

Здесь первоначальный владелец дал полный простор своим артистическим вкусам и оклеил всю комнату картинами, вырезанными из журналов сомнительного достоинства, так что она представляла собою ошеломляющее сборище розовых дам в трико, премированных бульдогов, борцов в скудных штанах и прочих менее видных представителей спортивного мира.

– Вы, должно быть, еще никогда не были в таком плохом обществе, – заметил Струве с деланным весельем.

– Разве тут нет постояльцев? – спросила она, еле сдерживая беспокойство.

– В это время года бывает мало путешественников. Позднее, может быть, кто-нибудь и явится.

В розовой комнате топилась печь, и Шорц уже начинал накрывать стол для двоих. Эллен обрадовалась теплу: спутник ее, чувствовавший себя прекрасно, разлегся на покрытом мехом диване и закурил.

– Позвольте мне сейчас взглянуть на документы, мистер Струве, – начала она.

Но он ответил:

– Нет, не теперь. Дела делаются после обеда. Не портите нашего маленького кутежа, – времени у нас более чем достаточно.

Она встала и подошла к окну, чувствуя, что не в силах усидеть на месте. Глядя вниз вдоль узкого ущелья, она увидела, что горы уже неясно проступали на горизонте, так быстро темнело.

На высоте нависли густые тучи. Капля дождя ударила о стекло, затем еще и еще, и горы заволокло туманом. Начался ливень. Из-за угла дома торопливо выбежал путник, с ношей на плечах, и побежал к дверям.

Услыхав стук, Струве, полузакрытыми глазами наблюдавший за Эллен, встал и вышел в соседнюю комнату.

„Слава богу, кто-то пришел", – подумала она.

Звук голосов доносился сначала глухо, но вот незнакомец поднял голос, с негодованием протестуя, и она разобрала его слова.

– У меня есть чем заплатить. Я не какой-нибудь прощелыга.

Шорц пробормотал что-то.

– Мне все равно, открыто у вас, или нет. Я устал, и собирается гроза.

На этот раз она услыхала ответ Шорца и сердитые ругательства рудокопа.

Минуту спустя, она увидала, что путник тяжело шагал по направлению к городу.

– Что это значит? – спросила она вернувшегося адвоката.

– Это вороватый малый, и Шорц не захотел впустить его. Он осторожен в выборе посетителей. Тут немало подозрительных типов блуждает по горам.

Немец вскоре вошел, чтобы зажечь лампу; Эллен не задавала больше вопросов, но беспокойство ее росло.

Она рассеянно слушала анекдоты, которыми Струве пытался занимать ее, и мало ела во время прекрасного обеда, поданного им. Струве же ел и пил почти с жадностью.

Мрачный вечер медленно полз.

Страх внезапно обуял девушку; если бы теперь, в последнюю минуту, она могла отказаться от своего намерения, то она с радостью бы сделала это, охотно выбежала бы из этого дома навстречу буре. Но она зашла слишком далеко, и поздно было отступать: сообразив, что пока полезнее всего делать вид, будто она спокойна, она разговаривала как ни в чем не бывало с мужчиной, глаза которого все сильнее разгорались; лицо его заметно краснело, он говорил безостановочно, с лихорадочным оживлением, курил бесчисленные папиросы и как будто не замечал, что время уходит.

Наконец, он внезапно оборвал речь и посмотрел на часы. Тут Эллен вспомнила, что давно уже не слышит шагов Шорца на кухне.

Струве вдруг улыбнулся ей странной и хитрой улыбкой. Ухмыляясь, нагнулся он над столом, вынул из кармана плоский пакет и швырнул его ей.

– Ну, а теперь займемся нашим договором, а? – сказал он.

– Прикажите вашему человеку убрать со стола, – сказала она, неловкими пальцами развязывая пакет.

– Я отослал его два часа тому назад, – ответил Струве и встал, как бы с намерением подойти к ней.

Она откинулась назад, но он только наклонился, взял скатерть за четыре угла и вынес ее вместе со всем, что стояло на столе. Раздался звон битой посуды, когда он, безо всякой осторожности, кинул все на пол в кухне.

Он вернулся и встал спиной к печке, глаз не сводя с Эллен, пока она читала бумаги.

Эллен долго сидела над документами. Смысл их был слишком ясен, и доказательства вины ее дяди неопровержимы. Ошибки не могло быть никакой; весь подлый заговор ясно раскрывался перед ней во всей своей низости.

Несмотря на тяжкое разочарование, Эллен почувствовала сильный душевный подъем от сознания, что в ее власти восстановить справедливость. Ей-то, бывшей бессознательным орудием этой подлой клики, и надлежало взять на себя эту роль и позаботиться о том, чтобы потерпевшие получили воздаяние.

Она встала с сияющими глазами и крепко сжатыми губами.

– Здесь, все, что мне нужно.

– Да, конечно, достаточно, чтобы засудить нас всех. Это равносильно исправительному дому для вашего драгоценного дяди и вашего жениха.

Он дернул шеей, упомянув о последнем, будто старался освободиться от сжимавшей ее руки.

– Да, в особенности для вашего жениха, потому что он ведь ваш жених? О, я потому-то и привез вас сюда: он женится на вас, но я буду шафером.

Тон его голоса был неприятен.

– Поедемте, – сказала она.

– Поедемте? – невесело засмеялся он. – Вот прекрасный пример бессознательного юмора!

– Что вы хотите этим сказать?

– Во-первых, нет человека, который был бы в состоянии найти дорогу к морскому берегу в подобную бурю; во-вторых... но позвольте мне пока объяснить вам кое-что в этих бумагах.

Он заговорил равнодушно и, шагнув вперед, потянулся за пакетом, который она хотела было отдать ему, но что-то подсказало ей, чтобы она не делала этого, и она спрятала пакет за спиной. Она была проворнее его и быстро обежала вокруг стола, пряча бумаги на груди.

При этом она коснулась револьвера Черри, и это подбодрило ее. Она решительно заговорила.

– Я намерена немедленно уехать. Не приведете ли вы мою лошадь? Нет? Тогда я пойду за нею сама.

Она повернулась, но его ленивое равнодушие мигом исчезло: он прыгнул к двери и преградил ей дорогу.

– Постойте, барышня. Вы должны были бы понять меня без дальнейших слов. Зачем я привез вас сюда? Почему я придумал эту маленькую поездку? Почему я отослал своего человека? Не для того же, чтобы дать вам в руки доказательства моего соучастия в этом преступлении. Едва ли. Вы сегодня никуда не уедете. А когда уедете, то уедете без документов, так как от этого зависит моя собственная безопасность, а я эгоист, поэтому советую не раздражать меня. Слушайте.

Они оба услыхали внезапный вой бури, как бы требующей жертвы.

– Нет, вы останетесь тут и...

Он внезапно замолчал, так как Эллен шагнула к телефону и уже снимала трубку. Он ринулся, отнял у нее трубку и, сорвав со стены телефонный аппарат, поднял его над головой и ударил о пол; затем он кинулся на Эллен, но она вырвалась и бросилась в другой конец комнаты.

Седые волосы его растрепались, лицо побагровело, на шее

вздулись жилы. Однако он остановился, и губы его сложились в присущую ему всегда осторожную улыбку.

– Не будем ссориться. Это ни к чему, я все равно настою на своем. У вас – желанные доказательства, а я хочу получить обещанную награду; если вы не согласны, то мне самому придется взять ее. Подумайте хорошенько, пока я пойду запирать двери.

Далеко внизу, на склоне горы, человек отчаянно погонял измученную лошадь. Животное тяжело поводило боками, выбиваясь из сил; слабые колени его подкашивались, но седок продолжал безжалостно гнать без оглядки по рытвинам, в брод через реки, вверх по крутым уступам и вниз в невидимые лощины.

Иногда лошадь спотыкалась и падала вместе с всадником, но он был равнодушен ко всему, равнодушен к ослепляющему его дождю, к ветру, дико набрасывавшемуся на него на вершинах или злобно продувавшему его в оврагах.

Наконец, он доехал до плоской возвышенности, увидел внизу в долине свет гостиницы и ударил изнеможенное животное. Лошадь взвилась на дыбы и упала под ним; он инстинктивно высвободил ноги из стремян, пытаясь выброситься из седла, чтобы избегнуть ударов копыт. Ему показалось, что он повернулся в воздухе, что-то ударило его.

Он лежал на спине неподвижно; дождь падал на его худое и темное лицо, буря выла над ним, как бы ликуя.

Когда Струве исчез в соседней комнате, Эллен бросилась к окну. Оно состояло из цельной рамы, прибитой гвоздями неподвижно, но она схватила одну из небольших табуреток, стоявших у печки, и пробила стекло, впустив в комнату ветер и дождь. Но наружу она выскочить не успела, потому что Струве, бледный от ярости, ринулся в комнату с хриплым, бешеным криком.

Однако он остановился в изумлении. Девушка вытащила револьвер Черри и направила на него. Она побледнела, тяжело дышала, и в серых глазах горел необычайный свет.

Казалось, ее коснулась и изменила рука дивного скульптора; ноздри ее стали тоньше и вздрагивали, губы безжалостно сжались, и голова высоко поднялась.

Дождь заливал ее сквозь разбитое окно, а дешевые красные занавески в буйном веселье хлопали над ней.

Глубокое отвращение к этому человеку слышалось в ее голосе, когда она проговорила:

– Не смейте останавливать меня.

Она двинулась к двери, приказывая ему отступить; он повиновался, понимая, что при таком ее самообладании его положение опасно.

Но она не заметила, что взор его зажегся хитрым огоньком и не догадалась о его намерении.

По залитому дождем горному склону с болезненными усилиями полз к гостинице всадник, только что лежавший без чувств.

Он напоминал в темноте бесформенное пресмыкающееся. Он был уже близко к дому, когда услышал крик, долетевший до него, несмотря на завывание ветра; он встал и слепо кинулся вперед, спотыкаясь, как раненый зверь.

Эллен пристально наблюдала за пленником, отступавшим перед нею через дверь, не смея терять его из виду.

Средняя комната была освещена стеклянной лампой, стоявшей на прилавке бара; свет от нее падал на выходную дверь, запертую большим засовом.

Эллен с радостью увидала, что на двери нет замка.

Струве отошел к самому прилавку и теперь молча стоял к нему спиною, но по глазам его, оживленным и хитрым, видно было, что он что-то задумал.

Когда же дверь, в которую они вошли, от сквозняка захлопнулась за Эллен, Струве с быстротой молнии схватил лампу и с силой кинул ее на пол. Она разлетелась на куски, как яичная скорлупа, и в комнате мгновенно воцарилась темнота.

Если бы Эллен была спокойнее и могла бы рассуждать, то она вернулась бы в светлую комнату, но она была уже близ выхода и свободы и, безотчетно стремясь на воздух, кинулась вперед.

Она была немедленно сбита с ног тяжелым телом, ринувшимся на нее в темноте. Она выстрелила из маленького револьвера, но руки Струве схватили ее, вырвали у нее оружие, началась отчаянная, яростная борьба.

Он обдавал ее винными парами и держал как в тисках; почувствовав на своей щеке его щеку, она превратилась в испуганное, бессознательное животное, которое борется изо всех сил, борется каждым нервом своего тела.

Она раз вскрикнула, но это не было похоже на крик женщины.

Борьба продолжалась в молчании и полнейшей темноте; Струве сжимал ее с силой гориллы, пока ей не стало дурно и не закружилась голова.

Она была крепкой девушкой и боролась с ним с почти мужской силой, так что ему нелегко было удерживать ее.

Однако такая борьба не могла долго продолжаться.

Эллен уже переставала понимать, что происходит; но тут она потеряла равновесие и ударилась спиной о внутреннюю дверь, которая открылась от толчка.

В тот же момент объятия Струве разжались, как будто бы он не мог вынести света, внезапно залившего их. Она вырвалась от него и, спотыкаясь, бросилась в комнату, где они ужинали; распустившиеся волосы ее упали беспорядочной волной на плечи. Он же встал на ноги и опять подошел к ней, задыхаясь и повторяя:

– Я покажу вам, кто хозяин здесь.

Но вдруг испуганно умолк и вскинул руку, закрывая лицо, как бы защищаясь от удара.

В оконной раме показалось бледное лицо мужчины. Раздался выстрел, лампа замигала, и Струве упал навзничь, ударившись о стену.

Все это случилось необычайно быстро; Эллен скорее ощутила, чем услыхала выстрел, но не в состоянии была осмыслить происшедшего, пока запах пороха не донесся до нее. Но и тогда она не испытала никакого ужаса. Напротив, дикая радость охватила ее; она стояла, слегка наклонившись вперед, почти с удовлетворением глядя на упавшего, пока не услыхала своего имени:

– Эллен, сестричка.

Повернувшись, она увидела в окне брата.

Ему приходилось уже видеть такое выражение, какое было сейчас на ее лице, на лицах мужчин, только что спасшихся от отвратительной смерти, но никогда еще не видал он его на лице женщины.

Ничего деланного или фальшивого не было в нем, лишь первобытная страсть.

В эту темную ночь, в борьбе за собственную свободу, обнажилась элементарная природа девушки. Гленистэр был прав – Эллен отдалась непреодолимому и властному импульсу.

Едва взглянув на человека, валявшегося у дверей, Эллен подошла к окну, обняла и поцеловала брата.

– Убит он? – спросил Кид.

Она кивнула и пыталась заговорить, но задрожала и заплакала.

– Впусти меня, – просил он. – Я разбился.

Когда Кид с трудом втащился в комнату, то она прижалась к нему и гладила его по всклокоченным волосам, не обращая внимания на его грязную и промокшую одежду.

– Надо посмотреть. Быть может, он легко ранен, – сказал Кид.

– Не трогай его.

Однако она пошла за ним и стояла рядом, пока он осматривал раненого.

Заметив, что Струве дышит, Кид с трудом поднял его и положил на диван.

– У меня, должно быть, здесь что-то треснуло, – сказал Кид, щупая себе ребра.

Он был слаб и бледен, и Эллен отвела его в комнату, где стояла койка и где он мог лечь. До сих пор его поддерживала его решимость; теперь же он был беспомощен, и это придало сил его сестре.

Кид не разрешил ей ехать за помощью, пока не кончится гроза или не рассветет, тем более, что в темноте легко сбиться с пути и она не выиграет во времени, если уедет немедленно.

Они решили ждать рассвета. Наконец, услыхали слабый голос раненого; он заговорил с Эллен.

– Я знаю, что это было безумие с моей стороны, и я получил по заслугам. Но я умираю. Я умираю – и боюсь.

Он стонал до тех пор, пока Бронко Кид не притащился к нему, смотря на него с ненавистью.

– Да, вы умрете. И я убил вас. Возьмите себя в руки. Я не выпущу ее до рассвета.

Эллен принудила брата вернуться на койку и пошла помочь раненому, который начинал бредить.

Позднее, когда Кид немного отдохнул и пришел в себя, Эллен решилась рассказать ему о низости их дяди и о том, как она надеется восстановить справедливость.

Она сказала ему о нападении, задуманном на этот вечер, и об опасности, угрожавшей золотоискателям.

Он пополз к двери, прислушиваясь к вою ветра.

– Придется нам рискнуть, – сказал он. – Ветер совсем почти стих, и скоро будет светать.

Она умоляла его отпустить ее одну, но он был тверд:

– Я никогда больше не оставлю тебя одну, – сказал он, – кроме того, мне прекрасно знакома дорога, идущая по низам. Мы спустимся по оврагу к долине и таким путем доедем до города. Это дальше, но не так опасно.

– Ты не удержишься в седле, – настаивала она.

– Удержусь, если ты привяжешь меня к седлу. Выводи лошадей.

Было еще совсем темно, и дождь лил как из ведра, но ветер дул лишь слабыми порывами, как бы утомленный собственным неистовством, когда она помогла Бронко взобраться на седло.

Усилие, сделанное им, вырвало у него стон, но он настоял на том, чтобы она привязала ноги его под животом лошади, так как дорога неровная и он не желает свалиться еще раз.

Успокоив Струве, как могла, она села на свою лошадь и предоставила ей самостоятельно избирать дорогу по крутому спуску. Кид ехал впереди, шатаясь в седле, как пьяный, и обеими руками держась за луку.

Прошло около получаса с их отъезда, когда другая лошадь стремительно вылетела из темноты и остановилась у дверей гостиницы.

Забрызганный грязью всадник с безумной торопливостью выбросился из седла и вбежал в дом. Он увидел беспорядок, царивший в первой комнате: опрокинутые и поломанные стулья, стол, отодвинутый к самой печке, и обломки лампы в масляной луже перед прилавком.

Он стал громко звать, но, не получая ответа, схватил зажженную свечу и побежал к двери налево. И там он не увидал ничего, кроме пустых коек. Тогда он ворвался в третью комнату.

Там лампа горела рядом с лежащим Струве; он дышал тяжело, и веки его были полуопущены над остановившимися глазами.

Рой заметил лужу крови на полу и разбитое окно; нагнувшись над лежащим человеком, он заговорил с ним. Не получив ответа, он

повторил свои слова, затем стал яростно трясти раненого, так что тот закричал в страхе:

– Я умираю! Я умираю!

Рой приподнял его и близко наклонился к нему.

– Я – Гленистэр. Я приехал за Эллен. Где она?

В остановившихся глазах раненого мелькнул луч сознания:

– Вы опоздали... я умираю... и я боюсь...

Рой вновь затряс его.

– Где она? – повторял он до тех пор, пока своей настойчивостью вернул к сознанию умиравшего.

– Кид увез ее. Кид подстрелил меня, – голос его поднялся, – Кид застрелил меня, и я умираю.

Он стал кашлять кровью, и Рой положил его на спину. Все ясно. Он опоздал, и Кид отомстил.

Боясь открыто напасть на мужчину, он был так низок, что выместил свою злобу на женщине.

Рой почувствовал слабость и почти физическую тошноту; затем ему бросилась в глаза промокшая одежда, снятая Эллен с брата и замененная сухою. Он поднял ее с пола и с яростью разорвал, как мокрую бумагу.

Он вышел на дождь, вглядываясь при свете лампы, и разобрал следы, еще не смытые водою. Он механически сообразил, что всадники едва ли успели уехать далеко, и вышел за угол дома, чтобы удостовериться в том, что следы шли в гору.

Однако там следов не было. Надо было предположить, что всадники вернулись в город.

Он не догадался, что они могли оставить торную дорогу и ехать вдоль маленького „Крика" к реке. Поставив лампу на место, он вновь сел на лошадь и погнал ее к горному кряжу, лежавшему между ним и городом.

Происшедшее становилось все яснее для него; и Рой приходил в такой ужас, что громко вскрикивал и еще безжалостнее погонял своего коня. Оба разбойника дрались из-за девушки, как будто бы она была добычей.

Он должен нагнать Кида. Одна мысль о том, что это, быть может, не удастся ему, вызывало в нем такую неудержимую ярость, что он еле владел собой. Раненое существо в придорожной гостинице достаточно ясно говорило о намерениях Кида. А все же кто из знавших Кида в прошлом мог представить себе, что он способен на такую невероятную низость.

Далеко направо от него, спрятанные среди темных гор, друзья его отдыхали перед грядущим боем, нетерпеливо ожидая его возвращения к рассвету. Внизу же в домике находились те двое, которых он преследовал, то в ярости выкрикивая проклятия, то погружаясь в молчание и все время не переставая погонять лошадь к городу, в стан врагов.

Глава XXI

ЧАС ВОЗМЕЗДИЯ

Уже светало, когда Гленистэр спустился с горы.

Он с первыми лучами солнца стал присматриваться к следу и, не имея возможности узнать, что свежие следы перед ним оставлены вовсе не теми, за кем он гнался, продолжал погонять взмыленную лошадь до тех пор, пока не почувствовал, что сильно устал. Он ведь не спал двое суток. Это было неприятно, так как он мог рассчитывать лишь на собственные силы. Между тем его тревога об Эллен, находившейся во власти игрока, не уменьшалась.

При первых лучах рассвета показались вдали крыши Номе.

Рою казалось, что он целые годы не видал солнца. Ночь эта, полная беспокойств и страха, была бесконечна длинна. Он устал от напряжения, но продолжал упорно ехать, все время глядя в сторону моря. Вихрем кружились мысли в голове, и нарастала безжалостная решимость.

Он сознавал, что пожертвовал возможностью вернуть „Мидас" и вместе с тем потерял Эллен. Он начинал понимать, что с самого начала любовь его к ней была безнадежна, но должна была послужить светочем, указывающим ему путь.

Он во всем потерпел неудачу, стал вне закона, был разбит в борьбе, а между тем он не сомневался в своей правоте и радовался тому, что победил свой мятежный дух. Теперь же, исполнив последнюю миссию, он будет мстить.

Он бессознательно составил план действия, заключающий в себе смерть игрока и встречу с Мак Намарой.

Первое было так необходимо, что он даже не задумывался о деталях. О результатах же второй встречи размышлял с известным интересом.

Мак Намара всегда был для него загадкой, а всякая тайна невольно привлекает любопытство. Слепая инстинктивная ненависть Гленистэра к этому человеку разрослась до степени мании; однако одной лишь судьбе известно, чем кончится их встреча.

Как бы то ни было, Мак Намара не получит Эллен. Рой считал, что одинаково обязан как помешать ему в этом, так и освободить ее от Бронко Кида. Затем он понесет ответ за свои поступки; если же удастся спастись, он уйдет в любимые свои горы, к прежнему одиночеству; если же не удастся, – судьбу его решат его враги.

Он въехал незамеченным в город; туман стлался низко у земли. Столбы дыма вертикально поднимались в неподвижном воздухе. Дождь перестал, и волны, разбиваясь о берег, сдержанно роптали.

Пароход, во время бури стоявший на якоре в открытом море, при первом затишьи подошел на рейд, и к нему направлялась

от берега лодка, поднимаясь и опускаясь на волнах, причем весла поблескивали, как серебристые щупальцы морского насекомого, крадущегося по поверхности воды.

Он проскакал по Передней улице, презирая опасность, он проехал мимо игорного дома. Оттуда, покачиваясь, вышел человек, уставился на всадника, затем прошел дальше.

Гленистэр намеревался ехать прямо в „Северную", а затем упорно искать ее владельца; однако путь его шел мимо конторы Дейхам и Струве, и он вспомнил об умиравшем человеке, одиноко лежавшем в десяти милях от города.

Простая гуманность требовала, чтобы он пришел ему на помощь. Однако он не решался открыто явиться с этим известием, так как он обязательно должен был оставаться на свободе хотя бы еще один час. Ему вдруг пришла мысль; он придержал лошадь, остановившуюся с широко расставленными ногами и понуро опущенной головой, слез с нее и взбежал вверх по лестнице; он решил оставить записку на дверях.

Кто-нибудь увидит ее и поймет, что необходимо действовать быстро. Накануне, приготовляясь к бою на „Мидасе", Рой заменил сапоги муклуками – непропускающей воду легкой и мягкой обувью, сделанной из тюленьей кожи.

Он двигался неслышно, как в мокасинах; не найдя в карманах ни карандаша, ни бумаги, толкнул дверь конторы; она оказалась незапертой. Осторожно прислушиваясь, он вошел и двинулся к столу с письменными принадлежностями, но тут же услыхал шорох в личном кабинете Струве. Очевидно, шаги его разбудили человека, спавшего там. Рой собирался было выйти на цыпочках, когда невидимый человек слегка кашлянул.

Такие непроизвольные звуки всегда носят индивидуальный отпечаток. На лице Гленистэра появилось выражение зоркого внимания, и он тихо подошел к перегородке.

Последняя была сделана из дерева и стекла; стекла были матовые до вышины шести футов; однако, влезши на стул, он мог взглянуть в соседнее помещение. Он увидал человека, стоявшего на коленях среди хаоса бумаг перед открытым сейфом, ящики которого были вынуты, содержимое разбросано по полу.

Наблюдавший сошел со стула, вынул револьвер и твердо взялся за ручку двери. Час мести его наступил.

Прождав долгую ночь в уверенности, что „Бдительные" попадутся в расставленную им ловушку, Мак Намара был ошеломлен известием о бое на „Мидасе" и об успехах Гленистэра.

Он вышел из себя и ругал своих людей трусами. Судья сильно переполошился по поводу этого нового происшествия, которое довело его до истерики.

– Теперь они и нас взорвут! Какой ужас! Динамит! Это варварство! Умоляю тебя, Алек, вызови солдат.

– Да, теперь уже можно. Мак Намара разбудил военного начальника поста и попросил его иметь к рассвету отряд в готовности; затем он обратился к судье, требуя, чтобы тот официально обратился за помощью к военным властям.

– Надо все запротоколировать как следует и выйти совсем чистыми из этого дела, – сказал он.

– Но горожане против нас, – жалобно говорил Стилмэн. – Они разорвут нас на части.

– Пусть попробуют. Дайте мне только поймать главаря, и дело будет в шляпе.

Не высказывая, подобно судье, наружные признаки беспокойства, инспектор был не менее смущен исчезновением Эллен. Ревность, уже проснувшаяся в нем после ее первого предательства, возросла во сто крат. Что-то подсказывало ему, что тут измена, и, когда утром выяснилось, что она все еще не вернулась, он стал бояться, как бы она не ушла совсем к бунтовщикам. В нем поднялась целая буря, когда он додумался, что и Струве предатель, раз ушел с нею вместе. Он знал, какими это грозит опасностями, так как знал, насколько продажен этот человек. Что мог сделать Струве? Какие у него были доказательства? Мак Намара кинулся в контору Струве, куда и вошел, открыв дверь собственным ключом. Было достаточно светло, и он мог разобрать условные цифры на замке сейфа, он начал разбирать бесконечные пакеты бумаг, в надежде, что адвокат не забрал с собою никаких уличающих документов. Раз он приостановился, – ему почудился шум, но все было тихо; он вынул револьвер и положил его рядом с собою внутри сейфа, с возраставшим беспокойством продолжая просматривать документы. Немного погодя, он услыхал за собою слабый шорох, недостаточно значительный, чтобы испугать его, но достаточно явственный для того, чтобы заставить его обернуться. В открытой двери, наблюдая за ним, стоял Рой Гленистэр.

Удивление Мак Намары было так искренно, что он вскочил на ноги, повернулся и, поддаваясь инстинктивному движению, захлопнул дверь сейфа, как бы охраняя его содержимое. Он действовал импульсивно и сообразил слишком поздно, что револьвер его остался внутри сейфа, и что не так просто вынуть его.

Оба молчаливо и со злобой смотрели друг на друга; в лице старшего был вызов, а в выражении младшего – упорная, мрачная и решительная вражда. После первого момента испуга Мак Намара несколько успокоился, тогда как Гленистэра вид врага раздражал, и он откровенно выдавал себя и свои намерения.

Он стоял, всклокоченный, растерзанный, запачканный, с лицом, заросшим небритой в течение трех дней бородой, с растрепанными и мокрыми волосами. Из порезанного виска его текла грязновато-красная струйка, под глазами были мешки от утомления, а углы губ подергивались от сильного нервного напряжения.

– Мы дошли до последнего акта, Мак Намара, – сказал он. – Теперь посмотрим, кто победит.

Политический деятель пожал плечами.

– Вы имеете все преимущества, – сказал он. – Я безоружен.

Лицо золотоискателя засияло, и он засмеялся.

– А? Неужели это правда? Это было бы слишком хорошо. Я даже во сне с первой нашей встречи мечтал держать вас за горло. Мне мало просто пристрелить вас. Понимаете ли вы это чувство? Я задушу вас голыми руками.

Мак Намара выпрямился.

– Не советую вам пробовать. Я старше вас, и никому еще не удавалось побеждать меня; но я понимаю чувство, о котором вы говорите. Я и сам чувствую то же самое.

Он окинул взглядом фигуру противника, заметил его худобу, широкие плечи и могучую шею. Но он побеждал людей посильнее и решил, что, в узком пространстве, его величина и тяжесть дадут ему преимущество перед более подвижным золотоискателем. Чем дольше он смотрел на шею Гленистэра, тем сильнее разгорались его ненависть и желание удовлетворить ее.

– Снимайте куртку, – сказал Гленистэр. – А теперь поворачивайтесь. Хорошо. Я хотел знать, не лжете ли вы насчет револьвера.

– Я убью вас! – заорал Мак Намара.

Гленистэр положил собственный револьвер на крышку сейфа и сбросил мокрую куртку. Теперь разница между ними в пользу инспектора выступила яснее.

Хотя не было сделано ни малейшего намека, но оба знали, что бой совсем не касается „Мидаса". Они хорошо знали настоящий источник их безумной вражды. Они должны были кончить единоборством; это был логический и необходимый выход.

Оба чувствовали, что им так и следует бороться – с глазу на глаз, без свидетелей и первобытным оружием; оба они были природные борцы, и оба боролись за самый ценный для них приз.

Они сошлись в яростной схватке. Мак Намара поднял руку для страшного удара, но Гленистэр ловко отбил ее. Он двигался легко и с удвоенной уверенностью, благодаря мягким подошвам муклуков. Зная, что противник превосходит его тяжестью тела, он решил лишь защищаться от буйных нападений и оставаться как можно дольше вне сферы его ударов. Он ударил инспектора в рот с такой силой, что у того голова откинулась назад, руки замахали по воздуху; затем, не давая ему времени опомниться, Рой вновь ускользнул и нанес ему второй удар; но Мак Намара был искусен в боксе и вовремя закрыл лицо. Он выплюнул кровь и опять кинулся на противника, сбивая его с ног. Кулак Гленистэра опять вылетел вперед, но Мак Намара шел, опустив голову, и удар пришелся слишком высоко, по лбу.

Внезапно Рой почувствовал страшную боль; он понял, что

разбил запястные кости и что рука его уже бесполезна. Не дав ему прийти в себя, Мак Намара прошел под его протянутой рукой, схватил его вокруг пояса и, просунув левую ногу за ногу Роя, с силой бросил его на пол, но юноша, как кошка, перевернулся на воздухе и, упав на четвереньки, эластично подпрыгнул кверху. Однако инспектор успел кинуться на него и, не дав ему встать, силился схватить его руками за горло.

Рой узнал роковую мертвую хватку; он пытался оторвать руку противника от горла, но левая рука его была беспомощна, так что он мог вырваться лишь движениями всего тела; борцы стояли, напрягаясь, качаясь и двигаясь с места на место с надувшимися жилами.

Люди могут стрелять и защищаться во время дуэли со спокойной обдуманностью и полным хладнокровием; но когда дело доходит до борьбы грудь с грудью двух потеющих тел, до работы железных мускулов, то ум уходит в самые темные свои углы, и злая страсть выскальзывает из своего глубокого убежища и принимает участие в ужасной борьбе.

Скользя по полу, они стукнулись о перегородку, которая треснула, обдав их разбитым стеклом. Они упали и катались по обломкам: затем, по взаимному согласию, встали, глядя друг другу в глаза, с широко раскрытыми и ловящими воздух ртами и лицами, измазанными кровью и потом. Левая рука Роя жестоко болела, а разбитые губы Мак Намары застыли в страшной гримасе. Так постояли они несколько секунд, затем вновь схватились. Обстановка конторы была окончательно перебита, и комната превратилась в кучу обломков. Одежда борцов порвалась, руки выглядывали сквозь разорванные лохмотья рукавов. Они уже не ощущали боли, и тела их превратились в бесчувственные механизмы.

Лицо старшего борца под ловкими ударами Гленистэра превратилось в нечто бесформенное, а у последнего кости ныли от странных приемов противника. Рой главным образом пытался держаться на ногах и выдерживать сокрушительную силу объятий Мак Намары.

Это был первый человек, которого он не мог взять просто силой; этот огромный, с оскаленными зубами, гигант гонял его с места на место, как ребенка. Рой бесчисленное количество раз, с силою кузнечного молота, ударял его по лицу. Эта одинокая борьба не подчинялась никаким правилам; оба мужчины были глухи ко всему, кроме шума в собственных ушах; они были ослеплены ненавистью и нечувствительны ни к чему; говорила в них лишь жажда крови. Постройка гудела и тряслась от тяжелого топота; казалось, вырвалось какое-то чудовище и безумствовало на свободе.

Из лавки внизу выскочил человек без шляпы и столкнулся с пешеходом, остановившимся на тротуаре. Они вместе поспешно взбежали по лестнице.

Лодка, которую Рой видел на море, уже подъехала к берегу, и по мокрому песку к Передней улице пробирались три пассажира, возглавляемые Биллем Уилтоном. Остальные двое были рослые и мускулистые люди, путешествующие без багажа.

Город просыпался вместе с солнцем, поднимавшимся медным краем из-за моря. Судья Стилмэн и Воорхез вышли из гостиницы и остановились, пропуская в тумане караван мулов в упряжке. Повозки сияли солдатскими мундирами, и лучи солнца блестели на головных уборах; все они направлялись на „Мидас".

Из тумана, низко расстилавшегося по земле, виднелись фантастические очертания двух лошадей; на одной сидела девушка, на другой – измученная и трагически-смешная фигура: человек, окоченевший и качавшийся в такт движениям лошади; лицо у него было искажено страданием, руками он машинально держался за луку.

Казалось, судьба незримой рукою сама устроила инсценировку последнего акта пьесы, собрав главных актеров ее на тех же золотистых песках, которые были свидетелями их первых выступлений.

Мужчина и девушка подъехали вплотную к судье и Воорхезу, которые закричали от удивления, увидав их. Не успели они остановить лошадей, как из дома рядом с ними, выхрем выбежал человек, крича во все горло:

– Помогите! Скорее!

– Что случилось? – спросил шериф.

– Убийство. Дерутся Мак Намара и Гленистэр.

Он кинулся назад вместе с Воорхезом; за ними бежал судья. Сверху доносились глухие крики.

Кид повернулся к трем людям, спешившим от берега, и, узнав Уилтона, закричал:

– Развяжи мои ноги. Разрежь веревки. Скорее!

– В чем дело? – спросил адвокат, но, услыхав имя Гленистэра, кинулся вслед за судьей, предоставив одному из своих спутников отвязать всадника.

Теперь уже звуки драки ясно доносились до них, и все бросились гурьбой к дверям; Эллен шла вслед за братом, несмотря на его убеждения.

Она впоследствии не понимала, как поднялась по этой лестнице; ею овладел гипноз, принуждающий человека против воли присутствовать при катастрофе. Дойдя до места происшествия, она остановилась в ужасе: группа, к которой она присоединилась, стояла, наблюдая за двумя безумными существами, кидающимися друг на друга с нечеловеческими криками, оборванными, окровавленными, борющимися в комнате, где весь пол был густо усеян обломками. Все легкие и ломкие предметы, бывшие в комнате, были превращены в щепы, как будто бы они попали в бешено кружащийся водоворот.

До сего дня от Даусона до пролива и от Унги до Полярных стран

люди рассказывают об этом бое, когда собираются вокруг ярких лагерных костров или в темных придорожных гостиницах. Хотя иные относятся недоверчиво к рассказу, но те, что сами были свидетелями происшествия, клятвенно подтверждают рассказ. Они говорят, что бой напоминал встречу самцов оленей весной, хотя был еще страшнее. Во всяком случае было очевидно, что ни один из них не замечает присутствия наполнивших комнату людей, не слышит криков их даже тогда, когда шериф протолкался сквозь толщу в дверях и схватил ближайшего из борцов, оказавшегося Гленистэром. Он попал в тот миг, когда бойцы приостановились на расстоянии аршина друг от друга, поедая друг друга опьяневшими от ярости глазами и с трудом ловя воздух утомленными легкими.

Одним взмахом длинных рук молодой человек швырнул незванного пришельца от себя с такой силой, что тут ударился головой о сейф и покатился без чувств. Затем бой продолжался, как будто бы ничего не произошло. Во время остановки присутствующие заметили, что изо рта Мак Намары текла вода, как будто бы его безостановочно тошнило, причем он постоянно стонал.

Эллен закричала:

– Остановите их! Остановите их!

Но, казалось, никто не был способен вмешаться. Она слыхала, что и брат шепчет что-то про себя и тяжело дышит. Судья был мертвенно бледен и по-идиотски беспомощен.

Тяжелое положение Мак Намары было ясно для его противника, наступавшего на него; однако и у Гленистэра мускулы уже не слушались, ребра его казались надломленными, спина ослабла и ноги дрожали. Когда они вновь сошлись, то Мак Намара поднял руку и схватил молодого золотоискателя за лицо, впиваясь в его щеки и скрюченными пальцами, заставляя его разжать челюсти и отгибая ему голову назад, словом, силясь искалечить его. Рой почувствовал, что кожа на лице его начинает поддаваться, и прыгнул, вырываясь из рук противника; тогда тот собрал последние силы и кинулся к сейфу, где лежал револьвер. Инстинкт подсказал Гленистэру, что враг его хватается за последнюю соломинку, чтобы спастись. И, когда Мак Намара повернулся, чтобы достать оружие, Рой прыгнул на него как пантера, обнял его вокруг талии и схватил его руку правой рукой. Впервые с начала поединка они оказались не лицом к лицу. Для Роя оказалось выгодным предательское движение Мак Намары: Рой понял, что момент победы близок.

Все случилось гораздо скорее, чем можно это описать; все произошло так быстро, что солдаты еще не дошли до дверей, как борящиеся уже стояли, крепко обнявшись, у сейфа.

В Аляске существует множество прикрашенных рассказов о том, что произошло в дальнейшем, ибо изо всех присутствующих один лишь Бронко Кид знал правду об истинных побуждениях борцов в этом поединке. Одни говорят, что молодого человека

обуял страх смерти, удесятеривший его громадную силу; другие же считают, что противник его обессилел в наказание за его нечестную деятельность; однако все это не соответствовало истине.

Лишь только Рой обнял сзади Мак Намару, он пропустил свою разбитую руку вверх, мимо груди и вокруг шеи Мак Намары, так что рука оказалась плотно прижатой под мышкой врага и наклоняла вперед голову последнего; свободной же рукой он схватил руку противника близко от револьвера, находившегося в ней, держа его таким образом в неразрывном кольце. Нестал критический момент; оба тела стояли неподвижно и прямо как скалы, не двигаясь ни на миг с места. Призывая последние силы, Гленистэр потянул назад правую руку, и началась борьба за револьвер, который, схваченный двумя руками, качался из стороны в сторону или внезапно подскакивал кверху.

Мак Намара вырывался всем телом, но он был тесно прижат к сейфу и не мог освободиться; голову его прижимала книзу левая рука Роя, и он бесполезно боролся до тех пор, пока не стал задыхаться.

Несмотря на упорную борьбу, правая рука его стала поневоле подвигаться назад. Он переступил с ноги на ногу, и глаза его налились кровью; он чувствовал, что длинные пальцы, охватившие его кисть, подобны тяжелым оковам и сильны энергией молодости, не признающей поражения. Медленно, вершок за вершком, рука больного человека была оттащена назад и вниз мимо его бока; по страшно тяжкому дыханию его можно было судить, какую борьбу он выносил.

Он все еще вырывался и боролся, но бесполезно. Он пытался выстрелить из револьвера, но пальцы его так плотно впились в последний, что невозможно было поднять курок.

Тогда Гленистэр начал тянуть руку его кверху.

Белая кожа под рваной одеждой обоих мужчин напряглась над огромными движущимися, распухшими и дрожавшими мускулами.

Эллен, наблюдавшая в молчаливом ужасе, почувствовала, что брат ее глубоко впился пальцами ей в плечо, и услыхала его прерывистое дыхание. Лицо его горело от возбуждения, и она слышала, что он постоянно повторял:

– Это мертвая хватка – мертвая хватка.

Теперь рука Мак Намары уже согнулась и скрючилась на его спине; они увидели, что плечо Гленистэра опустилось, локоть его прижался к боку, и тело его поднялось в последнем страшном усилии: казалось, он отталкивал большую тяжесть. В тишине что-то треснуло, как сухая палка. Затем послышался оглушительный выстрел и крик невыносимой боли сильного человека.

Мак Намара упал на колени, потом свалился на землю лицом вперед, как будто все кости в его большом теле размякли и обратились в жидкость, а победитель его, спотыкаясь, привалился

к стене и еле удерживался на ногах, качаясь, ослепленный, истощенный, с лицом, почерневшим от выстрела, но мрачно счастливый радостью победы.

Судья Стилмэн истерически закричал:

– Немедленно арестуйте этого человека. Не выпускайте его.

Гленистэр впервые осознал, что тут присутствуют посторонние.

Подняв голову, он в упор посмотрел на ближайшие лица, затем запротестовал:

– Я победил мерзавца и сломал его собственными руками.

Глава XXII

ПРЕДДВЕРИЕ СТРАНЫ ОБЕТОВАННОЙ

Солдаты схватили молодого человека, не пытавшегося противиться им, и в комнате начался хаос.

Снизу прибегала масса людей, кричавших и расспрашивавших, пока кто-то не догадался крикнуть сверху:

– Они арестовали Роя Гленистэра. Он убил Мак Намару, – после чего поднялся рокот голосов, угрожавший перейти в крики „ура".

Тогда один из приверженцев инспектора закричал:

– Повесим его. Он убил десять наших товарищей вчера.

Эллен содрогнулась, но Стилмэн, обозленный до того, что расхрабрился, успокоил гневные голоса.

– Солдаты, не пускайте сюда никого. Я сам займусь этим человеком. Я заставлю его ответить за все его преступления.

Мак Намара со стоном встал с пола; его правая рука качалась у плеча, странно свободная, искривленная и с вывернутой наружу ладонью; разбитое лицо его было страшно от боли и поражения.

Он глухо проклинал своего врага.

Рой молчал; когда возбуждение его стало утихать, он понял, что лица, в дикой пляске пляшущие вокруг него – лица его врагов, что Бронко Кид невредим и что месть его лишь наполовину осуществлена.

Колени его подгибались, в груди горел пожар. Он пошел, спотыкаясь, вдоль ряда людей и остановился вплотную подле девушки и ее спутника, не веря своим глазам.

– А вот ты где? – крикнул он игроку и, скрипя зубами, начал вырываться из рук державших его солдат. Но сейчас справиться с ним было так же легко, как если бы он был ребенком; они повели его вперед; он тяжело опустился всем телом и продолжал оглядываться назад через плечо.

Они уже были у двери, когда Уилтон преградил им путь, восклицая:

– Стойте. Все хорошо, Рой.

– Да, Билл, все хорошо. Мы сделали, что могли; но нас доканал мерзавец. Теперь он предаст меня суду, но мне все равно. Я сломал его голыми руками. Не так ли, Мак Намара!

Он издевался над инспектором, который громко выругался в ответ, с яростью глядя на него, а Стилмэн подбежал и крикнул капризно.

– Уберите его, говорю вам. Ведите его в тюрьму.

Но Уилтон не сходил с места, и все с ожиданием смотрели на него. Со свойственной ему склонностью к драматизации, он закинул назад голову и, засунув руки в карманы, дерзко ухмыльнулся в сторону судьи и инспектора.

– Сегодняшний день будет для вас днем поражения и разочарования, друзья мои, – сказал он. – Этот молодец не сядет в тюрьму, вы же сами наденете наручники. Да, вы разыгрывали ловко игру, говорить нечего, вы и ваши сенаторы, ваши политиканы и влиятельные лица.

– Но теперь настала наша очередь, и мы заставим вас поплясать. Отплатятся вам обкраденные прииски и ваше воровство и разорение людей, которых вы пустили по миру. Слава богу, нашелся один неподкупный суд, и мне посчастливилось набрести на него.

Он повернулся к незнакомцам, которые пришли вместе с ним с парохода, и сказал:

– Объявите приказ об аресте.

Те выступили вперед.

Шум привлек людей, сбежавшихся со всех сторон; не найдя уже места на лестнице, они плотной стеной стояли на улице; всех присутствующих быстро облетело известие о последней сцене драмы, о бое на „Мидасе", о великом поединке наверху, в конторе, и об арестах, произведенных понятыми из Сан-Франциско.

Подобно сказке из тысячи и одной ночи, из этих слухов тотчас сложился удивительный рассказ.

Люди возбужденно толкали друг друга, стараясь взглянуть на действующих лиц драмы; выходивших из дома забрасывали вопросами. Люди видели, как вынесли на руках шерифа, потерявшего сознание; за ним шел старый судья, превратившийся в дрожащего старика. Его встретили крики презрения и негодования. Когда же показался шатавшийся Мак Намара, толпа грозно зашумела.

Он знал, что она готова растерзать его, но все же сумел посмотреть на нее с таким вызовом, что она присмирела. Последнее впечатление о сильном человеке, побежденном, но не разбитом до конца.

Толпа стала вызывать Гленистэра, и его растерянная героическая фигура показалась в дверях. Густые волосы падали ему

на лоб, небритое лицо сохраняло вызывающее, несмотря на усталость, выражение; мускулистые руки и грудь его были почти обнажены; разорванная одежда висела клочьями.

Толпа разразилась громовым „ура".

Вот это их человек, кость от кости их, сын Северной страны, который трудился, любил и боролся близким и понятным им способом и сумел отстоять свои права.

Но Рой, немой и равнодушный, шатаясь, шел по улице с Уилтоном.

Он слышал, что спутник его что-то говорит, торжествуя, и чему-то радуется.

– Мы побили их, брат. Побили их же средствами. Они арестованы за оскорбление суда. Вот оно что. Они не повиновались первым приказам, но я-таки добрался до них.

– Я сломал ему руку, – прошептал Гленистэр.

– Да, я видел. Фу! Это было ужасно! Я не мог доказать существования заговора, но они все равно посидят в тюрьме, а мы выйдем из заколдованного круга.

– Она лопнула у плеча, – продолжал глухо Рой. – Совсем, как ручка лопаты. Я почувствовал это, но ведь он пытался убить меня, и мне пришлось защищаться.

Адвокат отвел Роя к себе домой и перевязал его ушибы, безостановочно разговаривая, но юноша, казалось, был как во сне – не замечалось в нем ни подъема духа, ни возбуждения и радости победы.

Наконец, Уилтон воскликнул:

– Ну, подбодрись. Что это, в самом деле? Ты похож на побежденного. Разве ты не понимаешь, что мы выиграли? Не понимаешь, что „Мидас" твой? А с ним и весь мир!

– Выиграли? Много ты понимаешь, Уилтон. „Мидас", весь мир... На что он мне? Ты ошибаешься. Я все потерял – да, я потерял все, чему научился от нее, и, по какому-то капризу судьбы, она присутствовала при этом. Теперь уходи; я хочу спать.

Он упал на смятую постель, и не успел адвокат укрыть его, заснул, как мертвый, и проспал до следующего дня.

После полудня Дэкстри и Сленджак, вызванные Уилтоном, явились и напали на Роя, тряся его с ласковой грубостью до тех пор, пока он не поднялся. Он выкупался, растер наболевшие мускулы и пришел в нормальное состояние.

Они заставили его рассказать все, что он пережил за последнюю ночь, до малейших подробностей.

Наконец Дэкстри прервал его жалобным восклицанием:

– Я готов был отдать свою часть „Мидаса" за то, чтобы видеть, как ты сломал его. Я бы заорал от наслаждения. Говорят, когда его арестовали, он ругался на восемнадцати языках, причем каждое ругательство было отвратительнее и энергичнее предыдущего. Ох!

Сколько я потерял! За последнее время стал я выражаться что-то бледно. А тут услыхал бы нечто мощное и оригинальное и пополнил бы свой словарь. Нет, скажу вам, целый мешок самородков не удержал бы меня вдали, знай я, что здесь происходит.

– Какой был звук, когда она лопнула? – настаивал болезненно любопытный Симмз. Но Гленистэр вообще отказался говорить о поединке.

– Пойдем, Слен, – сказал старый пионер, – пойдем в город. Я так возбужден, что не могу усидеть на месте, а там мы, может быть, услышим описания всего, как оно действительно было, от очевидцев. Рой, советую тебе не писать романов с подобным описанием личных переживаний, потому что они были бы так же потрясающе интересны, как поваренные книги. Подумай, четверо людей мне уже рассказали историю этой драки. Все они находились в расстоянии четырех кварталов от места действия и, несмотря на это, все четыре рассказа были интереснее твоего. Да и каждый разнился от другого.

Теперь, когда Гленистэр пришел в себя, он мог по-настоящему оценить свой поступок.

– Я животное, зверь! – простонал он. – И это после всех моих стараний. Я хотел победить эту сторону своей природы, хотел быть достойным ее любви и доверия, хотя бы мне и не удалось никогда добиться их. И вот при первом же случае я доказал свое ничтожество. Я потерял ее доверие и, что несравненно хуже, я потерял доверие к самому себе. Она всегда видела меня с худшей моей стороны, – продолжал он, – но на самом деле, я не так уж плох. Я хочу быть честным и справедливым и, представься еще случай, сумел бы быть таким. С меня слишком много потребовали. Вот и все.

Кто-то постучал. Гленистэр открыл дверь. Вошли Бронко Кид и Эллен.

– Погоди, старина, – сказал Кид, – я пришел к тебе как друг. – Игрок двигался с трудом. – Я весь зашит в какие-то бандажи.

– Ему следовало бы лежать в постели, но он не позволил мне идти одной, а я не хотела дольше ждать, – добавила Эллен, со странным смущением избегая взгляда Гленистэра.

– Он не позволил вам? Я не понимаю.

– Я ее брат, – объявил Бронко Кид. – Я уж давно это знаю, но я, я, ну, ты понимаешь, мне неудобно было сказать ей. Скажу одно, я всегда честно играл до той ночи, когда мы с тобой сразились, а тогда я был зол, как сумасшедший из-за слухов, которые кто-то распространил. Вчера вечером я случайно узнал о Струве и Эллен и добрался до гостиницы вовремя, чтобы спасти ее. Мне жаль, что я не убил его.

Его длинные белые пальцы судорожно сжали ручку кресла при этом воспоминании.

– Разве он не умер? – спросил Гленистэр.

– Нет. Доктора привезли его сюда, он поправится. Он один из многих здесь в Аляске, которые на свободе лишь потому, что там, дома, шериф не сумел добраться до него. Кроме того, есть еще одна вещь, которую следует сказать тебе. Я плохой рассказчик, но, если ты не будешь торопить меня, то я расскажу все по порядку. Я не хотел пускать Эллен сюда, но она сказала, что должна идти, а ей виднее. Это касается документов, которые она привезла весной. Она боится, как бы ты не думал, что она была причастная к этому заговору. Но ты ведь не веришь этому, не правда ли?

Он вызывающе поглядел на Роя, но тот горячо ответил:

– Конечно, нет. Продолжай.

– Ну вот, она недавно узнала, что эти документы изобличают весь заговор и могут служить доказательством, чтобы засудить судью, Мак Намару и остальных. Но Струве хранил их в своем сейфе и не хотел отдать даром. Вот почему она и поехала с ним. Она думала, что поступает правильно, – вот и все. Оказывается же, что Уилтон достиг своего иным путем. Теперь мы подходим к самому интересному. Судья и Мак Намара арестованы за неуважение к постановлениям суда, и можно наверное сказать, что они будут осуждены. Ты получишь свой прииск обратно, а эти люди будут посрамлены и сядут в тюрьму.

– Да, может быть, на шесть месяцев, – взволнованно перебил его Рой. – Но что из этого? Они совершили невиданное преступление. Они обокрали целый край, все население, они унизили суд и превратили судью в продажную тварь; они засадили в тюрьмы одних порядочных людей и разорили других, и за все это какую кару они понесут? Заплатят какую-нибудь несчастную пеню, несколько месяцев посидят в тюрьме да потеряют награбленное ими имущество? Обвинить их за неуважение к суду все равно, что присудить убийцу к наказанию за нарушение общественной тишины и порядка. Мы отделались от них, это правда, и они больше не станут беспокоить нас, но они не понесут ответа за главное преступление! Да, севернее пятьдесят третьего градуса широты нет законов божеских или человеческих. Но если есть справедливость южнее, то люди эти должны будут ответить.

– Теперь мне еще труднее сказать тебе то, что я хотел сказать. Мне почти жаль, что мы пришли сюда, так как я не мастер по части словесных объяснений и не знаю, поймешь ли ты меня, – сказал серьезно Бронко Кид. – Вот как мы смотрим на дело: ты победил, несмотря на все препятствия, ты получил свой прииск обратно, а они обесчещены. Для таких людей, как они, последнее горше всего остального. Но судья – наш дядя, и у нас с ним в жилах течет одна кровь. Он взял к себе Эллен, когда она была ребенком, и заменил ей отца; он любил ее настолько сильно, насколько способен любить эгоист. И она также любит его.

– Я не совсем понимаю тебя, – сказал Рой.

Тогда Эллен впервые заговорила. Достав из-за платья пакет, она сказала:

– Прочтите эти бумаги и познакомьтесь со всей этой печальной историей, мистер Гленистэр. – Вы увидите заговор во всей его низости. Мне очень тяжело предавать собственного дядю, но я считаю, что вы вправе воспользоваться этими доказательствами, как найдете нужным, а я не вправе оставлять их у себя.

– Вы хотите сказать, что в этих бумагах заключается доказательство их вины? И вы хотите отдать их мне? Вы считаете, что обязаны это сделать?

– Они ваши, и я иначе не могу поступить. Но я пришла умолять вас о милосердии в отношении моего дяди, слабого и больного старика. Это убьет его.

Рой видел, что глаза ее наполнились слезами, подбородок слегка задрожал и бледные щеки порозовели.

В нем поднялось прежнее желание схватить ее в объятия, страстное желание успокоить ее, погладить с нежной лаской по шелковистым волосам, зарыться лицом в их душистые волны... Но он знал, за кого она на самом деле просит.

Его умоляли отказаться от мести, которая даже не была бы местью, а лишь справедливым наказанием виновных. Его просили, его, мужественного человека, человека Севера, сделать это. Ради чего?

Он пытался спокойно и ясно обсудить положение, но это ему не удавалось. Знай он по крайней мере, что для нее будет лучше, если освободить того мерзавца, тогда он не стал бы колебаться.

Нельзя же думать об одной своей любви!

Он сам себе удивлялся, не узнавал себя. Он вспомнил, что хотел иметь случай доказать, что он уже не прежний Рой Гленистэр; ну, вот и случай налицо, и он готов пожертвовать собой.

Рой не решался взглянуть на Эллен; он переживал самый тяжелый момент своей жизни.

– Вы просите за своего дядю, а также за того, другого. Вы ведь знаете, что если один из них не понесет наказания, то и другой будет освобожден; они связаны нераздельно.

– Пожалуй, мы действительно слишком многого просим, – нерешительно заговорил Кид. – Но не довольно ли и того, что уже произошло. Я не могу не восхищаться Мак Намарой, да, думаю, и ты тоже. Он слишком сильный враг и... и... он любит Эллен.

– Я знаю, знаю, – торопливо сказал Гленистэр, останавливая молодую девушку, которая сделала движение. – Довольно, я понял.

Он выпрямился и бросил усталый взгляд на еще нераскрытый пакет; затем снял стягивающую его резинку и, взяв отдельные бумаги, разорвал их одну за другой, разорвал в клочки, не торопясь, и без аффектации, и отбросил их в сторону.

Девушка негромко заплакала.

Таким образом он отдал ее своему врагу храбро и решительно, согласно своей натуре.

– Вы правы, и я удовлетворен. А теперь... я очень устал.

Они оставили его стоящим в дверях; последние лучи умирающего дня освещали его худое, загорелое лицо и усталые глаза, которым уже мерещилось впереди великое одиночество.

Он не двигался, пока небо не превратилось в серую завесу, опускавшуюся над еще более темным морем. Тогда он вздохнул и сказал вслух:

– Вот и конец! И я отдал ее ему вот этими руками!

Он протянул их вперед, разглядывая их с любопытством, и впервые заметил, что левая рука опухла, посинела и страшно болела.

Он заметил это как-то объективно, понимая, что требуется медицинская помощь. Ввиду этого он вышел из дому и пошел в город. По дороге он встретил Дэкстри и Симмза, и они пошли вместе, передавая ему лагерные сплетни и слухи.

– Знаешь, ты стал знаменитостью, – говорили они. – Любители необычайного разбирают контору Струве по частям на память, а шведы хотят выбрать тебя в члены Конгресса, лишь только нас признают штатом. Они говорят, что ты сумел бы поколотить этих „восточных" сенаторов и вытрясти из них хорошие законы для нас, обиженных.

– Уж если о законах зашла речь, скажу, что страна эта становится чересчур цивилизованной для порядочного человека, – сказал с пессимизмом Симмз. – Тем более теперь, когда наша борьба окончилась и не предвидится больше ничего интересного для взрослого человека. Я пойду на запад.

– На запад? Это зачем? Отсюда Берингов пролив в трех аршинах, – сказал, улыбаясь, Рой.

– Вот еще! Земля, небось, круглая. Тут снаряжается шхуна на двухлетнее плавание около берегов Сибири. Мы с Дэксом хотим выбраться на время за границу.

– Верно, – сказал Дэкстри. – Мне тут стало тесно. Вот уже мостят Переднюю улицу и открыли лавочку, где можно чистить сапоги. Я хочу попасть в такие места, где могу потягиваться и орать, не потревожив какого-нибудь франта во фраке. Поезжай с нами, Рой. Мы можем продать „Мидас".

– Я подумаю об этом, – ответил молодой человек.

Ночь была светлая, и полная луна серебрилась, когда они все вместе вышли из приемной врача.

Рой не разделял воодушевленного настроения своих товарищей, ушел от них и скоро встретился с Черри Мэллот. Он шел с опущенной головой и увидал ее только тогда, когда она заговорила с ним:

– Ну, что, мальчик, кончилось все, наконец?

Слова ее так совпадали с его мыслями, что он ответил ей в тон:

– Да, все кончено, девочка моя.

– Ты ведь не ждешь поздравлений от меня, ведь мы слишком хорошо знаем друг друга. Скажи, приятно ли чувствовать себя победителем?

– Не знаю. Я проиграл.

– Проиграл? Что проиграл?

– Все, кроме золотого прииска.

– Все, кроме... Ах, понимаю. Ты просил ее, а она не захотела?..

Он не знал, какого труда ей стоило говорить ровно и равнодушно.

– Хуже. Пока все еще так ново, мне очень тяжело и, верно, долго так будет. Завтра я возвращаюсь в свои горы к „Мидасу" и к работе и постараюсь начать жизнь сначала. За последнее время я искал новых путей, но теперь глаза мои уже не ослеплены, и я все ясно вижу снова. Она не для меня, хотя я никогда не перестану любить ее. К сожалению, я не умею скоро забывать, как многие другие. Тяжело не ждать ничего хорошего впереди. Ну, а ты как? Что ты собираешься делать?

– Не знаю. Теперь – все равно. Темнота скрывала бледность ее лица, и слова звучали ровно. – Иду повидать Бронко Кида; он болен и послал за мною.

– Он не плохой человек, – сказал Рой. – Должно быть, он также собирается изменить образ жизни.

– Может быть, – сказала она, глядя вдаль. – Это зависит от многих обстоятельств.

Она помолчала, затем прибавила:

– Как жаль, что нельзя уничтожить прошлого, начать жизнь сначала и все забыть.

– С этим ничего не поделаешь. Не знаю, почему так устроено, но это так. Мы будем иногда видаться с тобой, не правда ли?

– Нет, мальчик, я не думаю.

– Я, кажется, понимаю. Пожалуй, так будет лучше, – прошептал он.

Он взял ее мягкие ручки в свою большую руку и поцеловал их.

– Желаю тебе счастья, милая, храбрая, маленькая Черри.

Она долго и неподвижно стояла на месте, пока он не исчез во мраке.

Рой все еще не взял себя в руки и поэтому бродил у берега, не желая участвовать в веселье и радости близких ему людей до тех пор, пока не станет уверен в себе. Его поджидали всюду радостные встречи; и никто не знал, что они неуместны, никто не мог понять его печального настроения.

На мокром песке не слышно было шума шагов, и он незаметно

подошел вплотную к женщине, стоящей у самой воды, для него — единственной женщине на свете.

Если бы он видел ее, то непременно свернул бы в сторону города; но она узнала его высокую фигуру, окликнула его, и он подошел к ней, с трудом переводя дыхание.

Радость от неожиданной встречи была так сильна, что делала больно. Он двинулся к ней, потом остановился в нерешительности. Она заметила, что рука его перевязана, и в ней произошла быстрая перемена; она подошла к нему и притронулась ласковым движением к его перевязке.

– Это ничего, совсем пустяки, – сказал он, еле владея собою. – Когда вы уезжаете?

– Не знаю. Еще не скоро.

Он предполагал, что она уедет на следующий же день с дядей и тем, другим, чтобы быть вместе с ними в тяжелое для них время.

Она тепло и с увлечением заговорила:

– Вы поступили сегодня великодушно! Ах, как я рада и как горжусь вами!

– Мне приятно, что у вас последним останется обо мне такое впечатление. Я боялся, что вы будете вспоминать меня в виде дикого зверя, каким я был в то утро. Видите ли, я просто лишился рассудка тогда от ненависти и жажды мести, какие охватывают побежденного человека. У меня ничего не оставалось в жизни. Что за несчастный случай привел вас туда! Это было зверское зрелище, вы не можете понять его.

– Нет, ошибаетесь, я понимаю. Теперь мне все ясно. Я сама пережила и дикую злобу отчаяния и ликование победы. Вы как-то сказали, что здесь я сама познаю истину, состоящую в том, что все мы одинаковы и движимы одними и теми же первобытными побуждениями. Теперь мне ясно, что вы были правы, а я была совсем глупой... Я многому вчера научилась.

– Я также многому научился, – ответил он. – Как я бы хотел многому научиться у вас!

– Я, я не думаю, чтобы могла еще чему-нибудь вас научить, – неуверенно проговорила она.

Он сделал движение, как бы желая заговорить, но удержался и заставил себя отвести взгляд в сторону.

– Ну, что? – спросила она, искоса взглядывая на него.

– Я давно уже мечтаю быть достойным вас, – мечтаю о том, чтобы вы узнали меня и с лучшей стороны. Но это ни к чему. Я рад по крайней мере, что жизнь сложилась так, что мы понимаем друг друга. Благодаря вам я узнал самого себя; еще драгоценнее то, что я узнал вас. Когда вы покинете меня, то у меня по крайней мере останется это дивное воспоминание.

– Но я не собираюсь уезжать, – сказала она, – то есть, если...

Что-то особенное в ее голосе заставило его перевести на нее

взгляд, устремленный на серебристую ленту, протянувшуюся по морю к луне.

У него перехватило дыхание, и он затрясся, как бы от страха.

– Если... что?..

– Если вы не захотите этого.

У него вновь перехватило дыхание, и он затрясся, как бы желая остановить ее; умоляющий голос его оборвался.

– Я не могу этого вынести.

– Разве вы не понимаете? Разве вы не хотите понять? – спросила она. – Я ждала здесь, собираясь с духом, чтобы идти к тебе, раз уж ты не хотел сам прийти, мой дикарь.

Она подошла совсем близко к нему и подняла глаза, слегка улыбаясь, трепетная и радостная.

Луна светила ей прямо в глаза, преображая их в бездонные источники, полные любви и обещаний, тех обещаний, которые грезились ему в дивных снах.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Литературно-художественное издание

Рекс Бич

ХИЩНИКИ АЛЯСКИ

Повесть

Редактор **А. Морозов**
Художник **Ю. Морозова**
Худ. редактор **Н. Пескова**
Тех. редактор **В. Калинина**
Корректор **Л. Попова**

Сдано в набор 12.11.90 Подп. в печать 27.12.90. Формат издания 60х84 1/16
Печать офсетная. Гарнитура Цюрих. Усл. печ. л. 11,5. Тираж 100.000. Заказ № 292.

Творческое объединение „Софит"
Советского фонда милосердия и здоровья.
111141, Москва, Зеленый пр., д 4/1.

ПП „Чертановская типография" Мосгорпечать
113545, Москва, Варшавское шоссе, д. 129а.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Книга подготовлена Творческим объединением „Софит" при Советском фонде милосердия и здоровья, 1991 г.

ISBN 5-86042-001-3

